

ОТ АВТОРА
МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «КОМНАТА»!

ЧУДО

Завораживающий роман о битве добра со злом. *PopSugar*

ЭММА ДОНОХЬЮ

Чудо
Эмма Донохью

Аннотация
Эмма Донохью. Чудо
Глава 1. Сиделка
Глава 2. Надзор
Глава 3. Пост
Глава 4. Бдение
Глава 5. Дежурство
Эпилог
От автора

Аннотация

В этом великолепном романе сплелись воедино нездоровая жажда сенсаций и истинная вера в ЧУДО! Ирландия середины XIX века. Внимание общественности привлечено к одиннадцатилетней девочке, которая вот уже четыре месяца обходится без еды, но чувствует себя живой и здоровой. В глухую ирландскую деревушку со всего света стекаются желающие поглазеть на чудо. Что на самом деле служит ей пищей для тела и души? Что это – чудо или кто-то манипулирует ребенком, чтобы погубить его? Впервые на русском языке от автора знаменитого романа «Комната»!

Эмма Донохью
Чудо

Emma Donoghue
THE WONDER

© И. Иванченко, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

Нашей дочери Юне – старинное ирландское благословение: «Пусть мороз не побьет твой картофель и червяки не пожрут капусту»

Глава 1. Сиделка

Сиделка
выкармливает младенца
воспитывает ребенка
ухаживает за больным

Путешествие оказалось не таким уж страшным. Поезд до Ливерпуля, ночной рейс на пакетботе до Дублина, неспешный воскресный поезд, идущий на запад, в городок Атлон в центральной части Ирландии.

Ее ожидал извозчик.

— Миссис Райт?

Либ знала многих ирландцев, в частности солдат. Но это было несколько лет назад, и сейчас она с трудом разобрала акцент извозчика.

Он отнес ее чемодан к двухколесной коляске с четырьмя сиденьями, как он ее назвал. Никаких четырех мест в этой пустой повозке не было. Либ устроилась на единственном сиденье, беспокоясь о том, что ее ботинки оказались по соседству с правым колесом. От моросящего дождя она защитилась зонтом со стальными спицами. По крайней мере, это было лучше душного поезда.

На другом конце скамьи, едва не касаясь ее сутулой спиной, поместился возница.

— А ну пошла! — щелкнул он кнутом.

Лохматый пони шевельнулся.

Немногочисленные люди, попадавшиеся им по дороге от Атлона, казались рахитичными и бледными, что Либ приписала печально известной картофельной диете. Вероятно, в этом также причина отсутствия зубов у извозчика.

Он сделал какое-то замечание по поводу сердца.

— Прошу прощения?

— В самом сердце, мэм.

Либ ждала, вцепившись в тряскую скамью.

— Мы здесь в самой середке страны. — Извозчик указал на землю.

Участки красновато-коричневых болот — печально известный источник болезней. Плоские поля в обрамлении темной листвы деревьев. Время от времени попадались полуразрушенные дома, почти заросшие травой. Либ не находила в этих пейзажах ничего живописного. Ирландский Мидлендс представлял собой углубление в центре Ирландии, где скапливалась влага: кружок в центре блюдца.

Повозка свернула с вымощенной щебнем до-

роги на более узкую, посыпанную гравием. Стук дождевых капель о зонтик превратился в нескончаемую дробь. Лачуги без окон. Либ представила себе в каждой семью, прячущуюся от дождя и сбившуюся в кучу вместе с домашним скотом.

Время от времени дорога приводила к нагромождению крыш, вероятно представляющему собой деревню. Но всякий раз деревня была не та. Либ следовало бы спросить у возницы, сколько времени займет поездка. Но она не спрашивала, боясь услышать в ответ: «Еще долго».

Главная медсестра из госпиталя сказала ей только, что в частный дом на две недели требуется опытная сиделка. Оплачивались дорожные расходы в Ирландию и обратно, а также суточное довольствие. Либ знала о семье О'Доннелл только то, что они достаточно обеспечены, если пригласили сиделку из Англии. Но сейчас ее поразило, что оговорен период. Как можно точно знать, что пациенту потребуются ее услуги в течение именно двух недель? Может быть, придется временно замещать другую сиделку?

В любом случае ей хорошо заплатят за беспокойство. Привлекала также новизна. В госпитале подготовку Либ хотя и ценили, но редко ею пользовались. Требовались лишь основные навыки:

кормление, перемена белья, заправка постели.

Либ подавила в себе желание вытащить из-под плаща часы. Время быстрее не пойдет, а дождевая влага может попасть в механизм.

Еще одна ветхая лачуга без крыши, стоящая поодаль от дороги, ее стены обвиняюще устремлены в небо. Эта пока не заросла сорняками. Либ заметила в глубине дверного проема почерневшие останки — стало быть, пожар случился недавно. Непонятно, как вообще в этой пропитанной водой местности что-то может загореться. Никто не удосужился убрать обуглившиеся балки, не говоря уже о том, чтобы соорудить новую крышу и покрыть ее соломой. Неужели правда, что ирландцы глухи к комфорту?

На краю дороги стояла женщина в потрепанной шляпе с рюшем. Позади нее кучка детей у живой изгороди. Стук повозки заставил их подойти к дороге и протянуть вперед сложенные лодочкой ладони, словно для того, чтобы собрать дождевую влагу.

Либ в смущении отвела взгляд.

— Голодное время, — заметил возница.

Но ведь лето в разгаре. Почему именно сейчас не хватает еды?

Ботинки Либ забрызгала грязь от колеса. На

дороге грязи было не меньше, чем гравия. Несколько раз повозка ныряла в глубокие лужи с коричневой жижей, и Либ приходилось цепляться за скамью, чтобы ее не выбросило из повозки.

Еще лачуги, некоторые с тремя или четырьмя окошками. Амбары, сараи. Двухэтажный фермерский дом, потом другой. К ним повернулись двое мужчин, нагружавших тележку, один что-то пробормотал другому. Либ оглядела себя: какой-то изъян в ее дорожном платье? А может быть, по своей лености они рады случаю оторваться от работы и поглазеть на новенькое.

Впереди сверкнули беленые стены здания с островерхой крышей, с крестом наверху — римско-католическая часовня. Возница натянул поводья, и только тогда Либ поняла, что они въехали в деревню, хотя по английским меркам это было всего лишь скопление жалких домишек.

Теперь она взглянула на часы — почти девять, и солнце еще не село. Пони опустил голову и принялся жевать пучок травы. Оказалось, что это улица — единственная.

— Вас поселят в бакалейно-алкогольной лав-

ке[1].

— Прошу прощения?

— У Райана.

Извозчик указал налево, на дом без вывески.

Здесь что-то не так. Утомившись после дороги, Либ оперлась на руку возницы и слезла с подножки. Отряхнув воду с зонта, она свернула его и застегнула на пуговицу. Потом вытерла руки о подкладку плаща и вошла в лавку с низкими балками.

В ноздри ей ударила вонь от горящего торфа. Помимо тлеющего под массивной печной трубой очага, комнату освещала лишь пара ламп. Какая-то девушка запихивала на высокую полку жестяную банку.

— Добрый вечер, — сказала Либ. — Наверное, меня привезли не туда, куда нужно.

— А вы, стало быть, англичанка, — громко, как для глухой, произнесла девушка. — Не желаете ли пройти в заднюю комнату и поужинать?

Либ пришлось сдержаться. Если здесь нет под-

---

[1] Примечания: 1

Ирландские пабы часто носили название бакалейно-алкогольной лавки (*англ.* Spirit Grocery), а сам паб как таковой находился в одном здании с продуктовой лавкой, мастерской или каким-либо иным основным делом его хозяина. Нередко владельцами пабов были могильщики, и такая традиция отчасти сохраняется в Ирландии до сих пор. — *Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных.*

ходящей гостиницы или семья О'Доннелл не в состоянии предоставить нанятой сиделке нормальное жилье, жаловаться бесполезно.

Пройдя через дверь у печной трубы, она оказалась в крошечной комнатушке без окна. Там сидела монахиня, лица которой почти не было видно за складками накрахмаленного головного убора. Либ немного передернуло только потому, что она уже много лет не видела такого — в Англии монахини не носили подобных одеяний, чтобы не спровоцировать антикатолических настроений.

— Добрый вечер, — вежливо произнесла Либ.

Монахиня ответила сдержанным кивком. Возможно, ей запрещали разговаривать с людьми другого вероисповедания или она дала обет молчания.

Либ села за другой стол, отвернувшись от монахини, и стала ждать. У нее урчало в животе — она надеялась, не слишком громко. Слышалось тихое пощелкивание, исходившее, вероятно, из-под черных складок одежды женщины, — та перебирала четки.

Когда наконец девушка внесла поднос, монахиня наклонила голову и что-то зашептала — молитву перед едой, догадалась Либ. Ей, навер-

ное, от сорока до пятидесяти. Немного выпуклые глаза и мясистые руки крестьянки.

Странное сочетание блюд: овсяный хлеб, капуста, какая-то рыба.

— Я думала, будет картошка, — дружелюбно обратилась к девушке Либ.

— Еще с месяц придется ее подождать.

Ага, теперь понятно, почему это голодное время для Ирландии: картофель начнут убирать только осенью.

Еда отдавала торфом, однако Либ съела все дочиста. Со времен Шкодера, где порции медсестер были такими же скудными, как у мужчин, у нее вошло в привычку не выбрасывать ни кусочка.

Из лавки послышался шум. В столовую втиснулось четверо.

— Да храни вас Господь! — произнес первый мужчина.

Не зная толком, как отвечать, Либ кивнула.

— И вас тоже, — пробормотала монахиня.

Она осенила себя крестным знамением и вышла из комнаты — то ли потому, что насытилась скудной порцией, то ли решила освободить второй стол для вновь прибывших. Либ этого не знала.

Шумная компания эти фермеры с женами. На-

верняка пили весь воскресный вечер.

Теперь она поняла фразу возницы. Не лавка с привидениями, а лавка, где продают спиртное.

Из болтовни фермеров о каком-то необыкновенном чуде, в которое невозможно поверить, хотя они видели его собственными глазами, Либ заключила, что те побывали на ярмарке.

— Там поджидает еще куча народа, — произнес бородатый мужчина. Жена ткнула мужа локтем в бок, но он продолжал: — Всячески угождают ей!

— Миссис Райт?

Либ повернула голову.

Незнакомец в дверях постукивал себя пальцами по жилету.

— Доктор Макбрэрти.

Так зовут врача О'Доннеллов, вспомнила Либ. Она встала и пожала ему руку. Всклокоченные седые бакенбарды, на голове очень мало волос. Потертый сюртук, плечи усыпаны перхотью, трость с набалдашником. Пожалуй, семьдесят?

Фермеры с женами рассматривали их с нескрываемым интересом.

— Издалека вам пришлось добираться, — заметил доктор, словно Либ прибыла с визитом, а не нанималась на работу. — Ужасным был переезд? Уже поужинали? — не дав ей возможности отве-

тить, продолжал он.

Либ вышла вслед за доктором в лавку. Прислуга, держа перед собой лампу, проводила их наверх по узкой лестнице.

Спальня была тесной. Бóльшую часть места на полу занимал чемодан Либ. Она должна здесь беседовать тет-а-тет с доктором Макбрэрти? Неужели в доме нет другой свободной комнаты или неотесанная прислуга не смогла организовать все подобающим образом?

— Хорошо, Мэгги, — сказал он девушке. — Как у отца с кашлем?

— Немного лучше, — ответила та и вышла.

— Прошу вас, миссис Райт, — указал доктор на единственный плетеный стул.

Либ многое отдала бы за то, чтобы сначала минут на десять остаться одной и воспользоваться ночным горшком и столиком с умывальными принадлежностями. Да, ирландцы печально известны отсутствием деликатности.

Доктор оперся на трость:

— Не хочу показаться невежливым, но можно узнать, сколько вам лет?

Итак, расспросов не избежать, хотя ее уверяли, что эта работа у нее в кармане.

— Еще нет тридцати.

— Вдова, как я понимаю. Вы занялись медсестринским делом, когда э-э… оказались без средств?

Проверяет ли он отзыв о ней главной медсестры? Либ кивнула:

— Меньше чем через год после замужества.

Как-то ей довелось прочитать статью о тысячах солдат, страдающих от пулевых ранений или холеры и оставшихся без ухода. В «Таймс» было напечатано о собранных семи тысячах фунтов для отправки в Крым в качестве медсестер группы англичанок. Вот, подумала тогда Либ с замиранием сердца, но и с дерзостью, пожалуй, я смогу это сделать. Она потеряла так много, что ее ничего не страшило.

Сейчас она сказала лишь:

— Мне было двадцать пять.

— Так, значит, вы Соловей! — восхитился доктор.

Стало быть, главная медсестра сказала ему об этом. Либ всегда стеснялась упоминать в разговоре имя великой женщины и не выносила причудливое прозвище, прилипшее ко всем

подопечным мисс Найтингейл[2], словно они какие-то куклы, отлитые по ее образу и подобию.

— Да, мне выпала честь служить в Шкодере под ее началом.

— Благородный труд.

Сказать «нет» казалось странным, «да» — высокомерным. До Либ сейчас дошло, что семья не поленилась пригласить заморскую сиделку из-за имени Найтингейл. Она догадывалась, что старому ирландцу хочется больше услышать о красоте, аскетизме, праведном гневе ее наставницы.

— Я была привилегированной медсестрой, — ответила вместо этого Либ.

— Волонтером?

Либ хотела уточнить, но старик понял ее неправильно, и ее лицо запылало. Право, зачем смущаться? Мисс Н. всегда напоминала своим медсестрам, что получение оплаты ничуть не умаляет их альтруизма.

— Я хотела сказать, что была одной из обученных медсестер, в отличие от медсестер из низших сословий. Мой отец был дворянином, — глуповато добавила Либ. — Правда, не зажиточным,

---

[2] Примечания: 2

Флоренс Найтингейл (1820–1910) (в переводе с английского «соловей») — сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании. — *Примеч. перев.*

но все же…

— Что ж, очень хорошо. Давно вы работаете в госпитале?

— В сентябре будет три года.

Это само по себе примечательно, поскольку большинство медсестер задерживались не более чем на несколько месяцев — безответственные поломойки. Не то чтобы Либ там особенно ценили. Она слышала однажды, как главная медсестра называет ветеранов Крымской кампании мисс Н. заносчивыми.

— После Шкодера я работала в нескольких семьях, — добавила Либ, — и ухаживала за родителями до их смертного часа.

— Вам приходилось ухаживать за ребенком, миссис Райт?

Она замялась, но лишь на миг.

— Полагаю, подходы одни и те же. Так мой пациент — ребенок?

— Анна О'Доннелл, — кивнув, произнес доктор Макбрэрти.

— На что она жалуется?

Доктор вздохнул.

Стало быть, что-то фатальное, решила Либ. Но болезнь затяжная, раз еще не убила девочку. Скорее всего, чахотка, обычная в этом сыром

климате.

— Она не то чтобы больна. Ваша единственная обязанность — надзирать за ней.

Занятный глагол. Как та ужасная сиделка из «Джейн Эйр», нанятая для ухода за душевнобольной, которую держали в мансарде.

— Я приехала сюда, чтобы караулить ребенка?

— Нет, просто наблюдать.

Однако надзор лишь первый элемент пазла. Мисс Н. учила медсестер наблюдать, чтобы понять, какой уход требуется больному, и обеспечить его. Не медицинскую помощь — это забота врачей, — но есть то, что, по ее мнению, не менее важно для выздоровления: освещение, воздух, тепло, чистота, покой, удобство, питание и беседы.

— Насколько я понимаю…

— Боюсь, не понимаете, и в этом мой просчет.

Макбрэрти оперся кулаком о край умывального столика.

Либ хотела было предложить старику стул, но побоялась обидеть его.

— Никоим образом не хочу создавать у вас предвзятое мнение, — продолжал доктор, — но могу сказать лишь, что это совершенно необычный случай. Анна О'Доннелл утверждает — или,

скорее, утверждают ее родители, — что она не принимает пищу со своего одиннадцатого дня рождения.

— Тогда она, видимо, больна, — нахмурилась Либ.

— Но неизвестной болезнью. Неизвестной мне, во всяком случае, — поправляя себя, сказал Макбрэрти. — Она просто не ест.

— Вы имеете в виду твердую пищу?

Либ была наслышана о пристрастии некоторых утонченных современных мисс питаться отваром из маранты или крепким мясным бульоном.

— Вообще никакого питания, — поправил ее доктор. — Она не может принять ничего, кроме чистой воды.

Не может, значит не хочет, как говорят про детей. Если только…

— У бедного ребенка кишечная непроходимость?

— Не замечал ничего подобного.

Либ была в растерянности.

— Сильная тошнота?

Она знала беременных женщин, которые, испытывая тошноту, не могли принимать пищу.

Доктор покачал головой.

— Она меланхолик?

— Не сказал бы. Спокойная, набожная девочка.

Ах, так это, наверное, религиозное исступление, а вовсе не медицинский случай.

— Католики?

Махнув рукой, он, казалось, говорил: «А как иначе?»

Либ предположила, что вдали от Дублина они все здесь католики. Доктор наверняка тоже.

— Не сомневаюсь, вы убеждали ее в опасности голодания, — сказала Либ.

— Разумеется. И родители тоже, вначале, но Анна непреклонна.

Неужели Либ заставили пересечь море из-за ребяческого упрямства? О'Доннеллы, должно быть, запаниковали, когда их капризная дочь отказалась от завтрака, и послали в Лондон телеграмму с требованием прислать не просто медсестру, а одну из новых и безупречных: «Пришлите Соловья!»

— Сколько времени прошло с ее дня рождения? — спросила она.

— Это было в апреле. — Макбрэрти потеребил бакенбарды. — Сегодня минуло четыре месяца.

Если бы не выучка, Либ рассмеялась бы.

— Доктор, в этих обстоятельствах девочка уже умерла бы.

Она ждала, что Макбрэрти чем-то обнаружит свое отношение к абсурдности этого случая — мигнет или постучит себя по носу. Но он лишь кивнул:

— Это великая тайна.

Его слова удивили Либ.

— Но она, по крайней мере, прикована к постели?

Доктор покачал головой:

— Анна ходит, как любая другая девочка.

— Истощена?

— Анна всегда была миниатюрной, но мне кажется, с апреля она мало изменилась.

Он говорил искренне, но это ведь смехотворно. Наверное, эти слезящиеся глаза наполовину слепые.

— И она совершенно не утратила своих способностей, — добавил Макбрэрти. — По сути дела, в ней вовсю кипят жизненные силы, и О'Доннеллы уверовали, что она может жить без пищи.

— Невероятно… — Слово прозвучало у Либ излишне иронично.

— Не удивляюсь вашему скептицизму, миссис Райт. Я был настроен так же.

— Был? Вы утверждаете со всей серьезностью, что…

Доктор прервал ее, вскинув сухие руки:

— Очевидное объяснение — что все это обман.

— Да, — с облегчением откликнулась Либ.

— Но это дитя… Она не похожа на других детей. — (Либ ждала продолжения.) — Я ничего не могу вам сказать, миссис Райт. У меня одни только вопросы. Последние четыре месяца я сгораю от любопытства, как, должно быть, и вы сейчас.

Нет, Либ сгорала от желания покончить с этим разговором и выпроводить мужчину из комнаты.

— Доктор, наука утверждает, что жить без пищи невозможно.

— Но разве большинство новых открытий в истории цивилизации не казались поначалу необъяснимыми, почти магическими? — Его голос слегка дрожал от возбуждения. — Все великие, от Архимеда до Ньютона, совершали свои прорывы, без предвзятости изучая явления. Все, о чем я прошу, — будьте беспристрастны, когда завтра увидите Анну О'Доннелл.

Либ опустила глаза, негодуя на Макбрэрти. Как мог врач позволить вовлечь себя в детскую игру и в результате вообразить себя среди великих?

— Позвольте спросить: она наблюдается только у вас?

Либ выразилась вежливо, но хотела узнать, не приглашались ли более крупные специалисты.

— Да, — уверил ее Макбрэрти. — Я знаю Анну с рождения. По сути дела, именно я выдвинул идею написать письмо об этом случае и послать его в «Айриш таймс».

Либ никогда не слышала об этом издании.

— Национальная газета?

— Мм… созданная совсем недавно. Я подумал, что, может быть, ее владельцы не слишком ослеплены сектантскими предрассудками, — с жаром произнес он. — Более открыты необыкновенному, где бы оно ни возникало. Я рассчитывал, знаете ли, поделиться фактами с широкой публикой в надежде, что кто-нибудь найдет им объяснение.

— И кто-нибудь…

— Было несколько восторженных писем, объявляющих случай с Анной совершеннейшим чудом. А также ряд интересных идей, предполагающих, что она может потреблять неразгаданный пока источник питания, наподобие жизненного магнетизма или молекул запаха.

Запаха?! Либ поджала губы, чтобы не улыбнуться.

— Один дерзкий корреспондент предположил, что Анна каким-то образом может преобразовы-

вать солнечный свет в энергию, как это делают растения. Или даже питаться воздухом, — добавил доктор, и его морщинистое лицо просветлело. — Помните ту команду с потерпевшего кораблекрушение судна, которая, как говорят, несколько месяцев кормилась табаком?

Либ опустила взгляд, чтобы доктор не прочел насмешку в ее глазах.

— Однако подавляющее большинство напечатанных откликов содержат оскорбление личности, — возобновил свой рассказ Макбрэрти.

— Ребенка?

— Ребенка, родственников и меня. Комментарии не только в «Айриш таймс», но и в различных британских изданиях, которые, похоже, перепечатывали мое письмо только для того, чтобы подвергнуть осмеянию.

Теперь Либ понимала. Она приехала сюда издалека, чтобы наняться сиделкой и тюремщиком в одном лице, — и все из-за уязвленной гордости одного старика. Почему она не выпытала у главной медсестры подробности?

— Большинство корреспондентов считают О'Доннеллов обманщиками, которые сговорились тайком кормить дочь, чтобы посмеяться над целым светом. — Голос доктора звучал резко. —

Название нашей деревни становится символом легковерности и отсталости. Некоторые из важных местных лиц считают, что на карту поставлена честь нашего графства, а возможно, и всего ирландского народа.

Распространилась ли среди всех этих важных лиц, подобно лихорадке, легковерность доктора?

— А потому был образован комитет и принято решение организовать наблюдение.

Так, значит, за Либ послали вовсе не О'Доннеллы.

— С целью доказать, что ребенок существует за счет неких необычных источников питания? — Либ постаралась, чтобы в ее голосе не прозвучало ни тени насмешки.

— Нет-нет, — уверил ее Макбрэрти, — всего лишь пролить свет на истину, какова бы она ни была. В течение двух недель при Анне должны находиться днем и ночью, сменяя друг друга, две добросовестные сиделки.

Выходит, Либ вызвали сюда не благодаря ее опыту в хирургии или в уходе за инфекционными больными, а лишь из-за навыков добросовестной медсестры. Пригласив одну из нового поколения медсестер, комитет явно рассчитывал вызвать доверие к безумной истории О'Доннеллов. Пре-

вратить это затхлое болото в место обитания чуда. В Либ заклокотала ярость.

Другая женщина, вовлеченная в эту историю, вызывала у нее сочувствие.

— А вторая сиделка? Я ее знаю?

— Разве вы не познакомились с сестрой Майкл за ужином? — нахмурился доктор.

Бессловесная монахиня. Либ следовало догадаться. Странно, что они берут имена мужчин-святых, словно отказываясь от женских черт. Но почему монахиня не представилась? Возможно, ее низкий поклон означал, что они с англичанкой вместе вовлечены в эту неразбериху.

— Она тоже проходила подготовку в Крыму?

— Нет. По моей просьбе ее прислали из дома призрения в Талламоре, — сказал Макбрэрти.

Одна из странствующих монахинь. Либ работала в Шкодере с монахинями из этого ордена. Они, по крайней мере, надежные работницы.

— Родители попросили, чтобы хотя бы одна из вас имела такое же, как у них, э-э…

Итак, О'Доннеллы просили себе католичку.

— Вероисповедание.

— Да, и национальность, — как бы смягчая сказанное, добавил он.

— Насколько я понимаю, англичан в этой

стране не любят, — с натянутой улыбкой произнесла Либ.

— О, слишком сильно сказано, — возразил Макбрэрти.

А как же те лица, которые поворачивались к повозке, когда Либ ехала по деревенской улице? Наверное, те мужчины говорили о ней, потому что ждали ее приезда. И не просто приезда англичанки, а женщины, присланной для надсмотра за баловнем местного сквайра.

— Сестра Майкл поможет более близкому общению с ребенком, вот и все, — сказал Макбрэрти.

Как будто близкое общение может быть необходимым или даже полезным качеством сиделки! А в качестве второй сиделки он нанял одну из знаменитой команды мисс Н., чтобы надзор выглядел более добросовестным, особенно для английской прессы.

Либ подумывала очень сдержанно произнести такие слова: «Доктор, вижу, меня привезли сюда в надежде, что мое сотрудничество с великой женщиной поможет придать возмутительному обману видимость респектабельности. Я не стану в этом участвовать». Если отправиться в дорогу утром, то в госпиталь она вернется через два дня.

Перспектива подобного объяснения наполнила ее унынием. Либ представила себе, как пытается объяснить, что работа в Ирландии оказалась нежелательной по моральным соображениям. Вот главная медсестра посмеется!

Итак, Либ сдержала раздражение и сосредоточилась на практических сторонах. Только наблюдение, как сказал Макбрэрти.

— А если в какой-то момент моя подопечная выразит малейшее желание, путь даже завуалированное, что-нибудь съесть… — начала она.

— Тогда дайте ей это. — Судя по голосу, доктор был поражен. — Мы не морим детей голодом, миссис Райт.

Либ кивнула:

— Значит, через две недели мы, медсестры, должны представить вам информацию?

— Меня, как лечащего врача Анны, к тому же втянутого в эти газетные дрязги, могут посчитать заинтересованной стороной, — покачал головой доктор. — Так что вы под присягой будете отчитываться перед выборным комитетом. — (Она будет ждать этого с нетерпением.) — Вы и сестра Майкл по отдельности, — подняв узловатый палец, добавил доктор, — безо всякого обсуждения. Мы хотим услышать независимое мнение

каждой из вас.

— Отлично. Можно спросить: почему это наблюдение не проводится в местной больнице?

Если предположить, что в самом сердце острова таковая имеется.

— О'Доннеллы отказались от самой идеи поместить свою малышку в лазарет графства, — ответил Макбрэрти.

Все сходится: сквайр с супругой, должно быть, тайно приносят дочери еду. Для их разоблачения не потребуется двух недель надзора.

Либ осторожно подбирала слова, поскольку доктор явно благоволил к маленькой плутовке:

— А если до истечения двух недель я найду доказательство того, что она тайно принимает пищу, следует ли мне сразу сообщить комитету?

Заросшие волосами щеки обмякли.

— Полагаю, в таком случае продолжать означало бы понапрасну тратить время и деньги.

В таком случае Либ на днях сможет отплыть в Англию, с удовлетворением оставив за спиной нелепый эпизод.

Более того, в газетах Соединенного Королевства будет отмечена заслуга медсестры Элизабет Райт в разоблачении обмана. Весь штат госпиталя проявит к ней интерес. Кто тогда назовет

ее заносчивой? Может, из этого выйдет что-то хорошее и Либ займет положение, более соответствующее ее способностям. Жизнь ее перестанет быть пресной.

Либ подняла руку, прикрывая неожиданный зевок.

— Пожалуй, мне пора, — сказал Макбрэрти. — Должно быть, около десяти.

Она потянула за цепочку на талии и открыла часы:

— На моих восемнадцать минут одиннадцатого.

— Это английское время. Мы здесь отстаем на двадцать пять минут.

Либ спала в общем хорошо.

Солнце встало около шести. К этому времени она уже оделась в униформу из госпиталя: серое твидовое платье, шерстяной жакет и белую шапочку. Одежда, по крайней мере, подходила ей — не так, как было в Шкодере, где медсестрам выдавали униформу стандартного размера и Либ напоминала девочку-нищенку, выросшую из одежды.

Она позавтракала в одиночестве в комнатушке позади лавки. Свежие яйца с ярко-желтыми желтками. Прислуга — Мэри? Мэг? — была в

том же заляпанном переднике, что и накануне. Вернувшись за посудой, она сообщила Либ, что ее ожидает мистер Таддеус, и сразу же вышла. Либ не успела даже сказать, что не знает такого человека.

Либ вошла в переднюю часть паба.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросила она стоящего там мужчину, не зная, надо ли добавлять «сэр».

— С добрым утром, миссис Райт, надеюсь, вы спали хорошо. — Этот мистер Таддеус отличался обходительностью, чего она не ожидала от человека в полинялом сюртуке. Розовое, не очень молодое лицо со вздернутым носом, копна черных волос, показавшаяся из-под приподнятой шляпы. — Если вы готовы, я отведу вас к О'Доннеллам.

— Вполне готова.

Но, услыхав сомнение в ее голосе, он добавил:

— Добряк-доктор подумал, что пусть вас представит доверенный друг семьи.

— У меня создалось впечатление, что такой друг — это доктор Макбрэрти, — сказала Либ.

— Ну да, конечно, — откликнулся мистер Таддеус, — но полагаю, О'Доннеллы питают особое доверие к священнику.

Священник? Мужчина был в штатском.

— Прошу прощения, следует ли именовать вас отцом Таддеусом?

— Что ж, так сейчас принято, — пожал он плечами, — но в наших краях мы не забиваем себе голову подобными вещами.

Трудно было представить этого дружелюбного мужчину исповедником деревни, посвященным в людские тайны.

— На вас нет пасторского воротника или…

Либ указала на его грудь, не зная названия черного одеяния на застежке.

— У меня, разумеется, есть все облачение для религиозных праздников, — с улыбкой ответил мистер Таддеус.

Вытирая руки о передник, поспешно вошла девушка.

— Вот ваш табак, — сказала она, заворачивая края бумажного пакетика и передавая его через прилавок.

— Благослови тебя Бог, Мэгги, и коробок спичек тоже. Правильно, сестра?

Он смотрел мимо Либ. Она обернулась и увидела застывшую на месте монахиню. Когда та успела пролезть сюда?

Сестра Майкл кивнула священнику, а потом и

Либ, конвульсивно дернув губами, что, видимо, заменяло улыбку. Патологически робкая, подумала Либ.

Почему Макбрэрти не пригласил двух Соловьев, раз уж он за это отвечает? Либ пришло в голову, что за столь короткий срок не нашлось медсестер средних лет — из светских или религиозных кругов. Неужели Либ оказалась единственной крымской медсестрой, не сумевшей найти себе подходящее место лет на пять вперед? Единственная без определенного занятия и поэтому проглотившая отравленную приманку в виде этой работы?

Все трое свернули налево и пошли в бледном солнечном свете вдоль улицы. Либ, неловко сжимая кожаный саквояж, шла между монахиней и священником.

Совсем не похоже на английскую деревню. Строения, развернутые под разными углами, подставляли друг другу плечи. Либ заглянула в одно из окон и увидела старуху, сидящую у стола, заставленного корзинами. Торгующая вразнос своими изделиями хозяйка? Никакой суеты утра понедельника, какую можно было ожидать. Мимо прошел мужчина с мешком на спине, обменявшись приветствиями с мистером Таддеусом и

сестрой Майкл.

— Миссис Райт работала с мисс Найтингейл, — обращаясь к монахине, заметил священник.

— Слышала об этом. — В следующий момент сестра Майкл сказала Либ: — Должно быть, у вас есть опыт в хирургии.

Либ кивнула со всей возможной скромностью:

— Помимо этого, мы часто сталкивались с холерой, дизентерией, малярией. Зимой, разумеется, обморожения.

Фактически английские медсестры много времени тратили на набивку матрацев, варку каши и стирку. Но Либ не хотела, чтобы Макбрэрти принимал ее за невежественную прислужницу. Этого никто не мог постичь — спасение жизней зачастую сводилось к тому, чтобы прочистить засорившуюся уборную.

Никаких признаков рыночной площади или лужаек, привычных для английской деревни. Ослепительно-белая церковь была единственным с виду новым зданием. Священник свернул направо как раз перед ней и пошел по грязному переулку, огибающему кладбище. Замшелые, косые могильные плиты не располагались рядами, а были беспорядочно разбросаны.

— Дом О'Доннеллов стоит за деревней? — спро-

сила Либ, удивляясь, что семья не позаботилась прислать извозчика, не говоря о том, что не поселила у себя сиделок.

— Немного в стороне, — тихо произнесла монахиня.

— Малахия разводит шортгорнскую породу коров, — добавил священник.

Это бледное солнце горячей, чем она думала. Либ вспотела под плащом.

— Сколько детей у них в семье?

— Теперь только девочка, с тех пор как Пэт покинул их. Храни его Господь! — ответил мистер Таддеус.

Куда уехал? Для Либ наиболее вероятной казалась Америка, или Британия, или колонии. Ирландия, эта расточительная мать, похоже, отправляет за рубеж половину своего отощавшего выводка. Значит, у О'Доннеллов всего двое детей, не много для ирландской семьи.

Они миновали убогий домишко, из трубы которого шел дым. Потом тропинка из переулка повернула к другой хижине. Либ обшаривала взглядом болотистую пустошь, силясь разглядеть признаки поместья О'Доннеллов. Следует ли ей расспрашивать о более чем очевидном? Каждая из нанятых сиделок должна сформировать соб-

ственное мнение. До Либ дошло, что эта прогулка, возможно, единственный шанс посоветоваться с доверенным другом семьи.

— Мистер Таддеус, хочу спросить: вы можете подтвердить честность О'Доннеллов?

Прошло несколько мгновений.

— У меня нет причин в ней сомневаться.

Либ никогда прежде не беседовала с католическим священником и не смогла разгадать, лукавит ли тот.

Монахиня не сводила глаз с зеленого горизонта.

— Малахия — очень немногословный человек, — продолжал мистер Таддеус. — К тому же трезвенник. — (Это удивило Либ.) — Ни капли не взял в рот с тех пор, как дал зарок воздержания, еще до рождения детей. Его жена — настоящий светоч прихода, очень активна в общине Девы Марии.

Эти подробности мало что значили для Либ, но смысл она уразумела.

— Ну а Анна О'Доннелл?

— Чудесная девочка, — ответил мистер Таддеус.

В каком смысле: добродетельная? Или необыкновенная? Девчонка всех их явно очаровала. Либ

пристально вглядывалась в профиль мужчины.

— Интересно, вы когда-нибудь советовали ей воздержание от пищи в качестве некоей духовной закалки?

Священник протестующе поднял руки:

— Миссис Райт, полагаю, вы не нашей веры?

— Меня крестили в Англиканской церкви, — тщательно подбирая слова, ответила Либ.

Монахиня, казалось, наблюдает за пролетающей вороной. Опасается порчи?

— Так вот, — сказал мистер Таддеус, — позвольте уверить вас, что католики должны держать пост лишь несколько часов, например с полуночи до причастия на следующее утро. Кроме того, мы воздерживаемся от мяса по средам и пятницам и во время Великого поста. Понимаете, умеренное воздержание от пищи подавляет телесные нужды, — с легкостью произнес священник, словно говорил про погоду.

— В смысле, аппетит?

— Среди прочих.

Либ опустила глаза на скользкую землю под ногами.

— И хотя бы в малой степени разделяя страдания Господа нашего, мы сопереживаем Ему, — продолжал он, — так что пост может служить

покаянием.

— То есть если человек наказывает себя сам, ему будут прощены его грехи? — спросила Либ.

— Или даже грехи других людей, — еле слышно произнесла монахиня.

— Сестра права, — подтвердил священник, — если мы великодушно предлагаем списать свои страдания на счет ближнего.

Либ вообразила себе огромный гроссбух с занесенными в него дебитами и кредитами.

— Но главное — пост не должен доходить до крайности и приносить вред здоровью, — добавил мистер Таддеус.

Трудно поймать эту скользкую рыбешку.

— Тогда почему, по-вашему, Анна О'Доннелл пошла против правил своей Церкви?

— За последние месяцы я много раз увещевал ее, умолял что-нибудь съесть. — Священник дернул широкими плечами. — Но она не поддается ни на какие уговоры.

Что такого было в этой избалованной мисс, что позволило ей вовлечь всех окружающих в эту шараду?

— Вот мы и пришли, — пробормотала сестра Майкл, указывая на конец еле различимой тропинки.

Неужели это цель их путешествия? Низкая лачуга нуждалась в новой побелке, солома с крыши нависала над тремя маленькими квадратами стекла. В дальнем углу, под той же крышей, был устроен хлев.

Либ вдруг поняла глупость своих предположений. Если сиделок нанял комитет, то Малахию О'Доннеллу необязательно быть преуспевающим. Вероятно, единственное, что отличает эту семью от других, еле сводящих концы с концами, — это утверждение о том, что их девочка питается воздухом.

Либ уставилась на низкую крышу жилища О'Доннеллов. Не поторопись Макбрэрти с письмом в газету, мир за пределами этих промокших полей ничего не узнал бы. Сколько важных персон вложили в это странное предприятие свою наличность и свои имена? Неужели они надеются, что по прошествии двух недель обе медсестры послушно заговорят о чуде, сделав эту жалкую деревушку легендой христианского мира? Неужели они надеются купить одобрение и уважение как сестры милосердия, так и Соловья?

Троица прошла по тропинке мимо навозной кучи, и Либ неодобрительно поморщилась. Толстые стены хижины там и сям покосились. Разбитое

стекло ближайшего к ним окна было заткнуто тряпкой. Дверь имелась только в нижней части проема, как в конюшне. Мистер Таддеус толкнул заскрипевшую половинку двери и сделал знак Либ войти первой.

Она шагнула в темноту.

Что-то прокричала женщина на незнакомом Либ языке.

Глаза Либ начали приспосабливаться к полумраку. Под ногами земляной пол. Две женщины в капорах с оборками, которые всегда носят ирландки, снимали одежду с сушилки, стоящей у очага. Передав одежду более молодой худощавой женщине, та, что постарше, выбежала вперед, чтобы поздороваться со священником за руку.

Он ответил ей на том же языке — должно быть, ирландском, — затем перешел на английский.

— Розалин О'Доннелл, полагаю, вчера ты познакомилась с сестрой Майкл.

— С добрым утром, сестра. — Женщина сжала руки монахини.

— А это миссис Райт, одна из знаменитых крымских медсестер.

— Подумать только! — У матери семейства были широкие костистые плечи, серые глаза и невеселая улыбка. — Благослови вас Господь за

то, что приехали к нам издалека, мэм.

Неужели эта женщина в своем невежестве считает, что на том полуострове все еще бушует война и Либ приехала прямо из гущи сражения?

— Надо было бы принять вас в хорошей комнате. — Розалин О'Доннелл кивнула на дверь справа от камина. — Но там сейчас посетители.

Прислушавшись, Либ различила тихие звуки пения.

— Нам и здесь отлично, — заверил женщину мистер Таддеус.

— Садитесь, я принесу чай, — настаивала миссис О'Доннелл. — Все стулья в комнате, так что пока садитесь на табуретки. Хозяин копает торф для Шеймуса О'Лалора.

Табуретки представляли собой сиденья из бревен, которые женщина придвинула к самому очагу. Либ выбрала себе одну, попытавшись чуть отодвинуть ее подальше от огня. Хозяйка как будто обиделась. Понятное дело, ведь у очага самое почетное место. Так что Либ села, поставив саквояж с прохладной стороны, чтобы ее мази не растаяли.

Усевшись, Розалин О'Доннелл перекрестилась, то же сделали священник и монахиня. Либ подумала, а не надо ли последовать их примеру.

Ну нет, было бы смешно копировать местных жителей.

Пение из соседней комнаты зазвучало громче. Камин выходит в оба помещения, сообразила Либ, поэтому звуки проникаются оттуда.

Пока прислуга снимала с огня кипящий чайник, миссис О'Доннелл говорила со священником о вчерашнем дожде и о том, каким необычно теплым оказалось это лето. Ни слова о дочери.

Униформа прилипла к телу Либ. Она напомнила себе, что наблюдательная медсестра не должна тратить время даром. Либ приметила простой стол, придвинутый к задней стене без окна. Крашеный буфет со странной зарешеченной, как у клетки, нижней частью. Несколько маленьких дверец в стене — стенные шкафы? Прибитая сверху гвоздями занавеска из старых мешков из-под муки. Все довольно примитивное, но опрятное. Закопченный колпак трубы сплетен из прутьев. С каждой стороны камина виднеются квадратные углубления, а повыше висит на гвозде ящичек с солью. На каминной полке пара латунных подсвечников, распятие и небольшой дагеротип под стеклом в черной лакированной рамке.

— А как сегодня Анна? — наконец спросил мистер Таддеус, когда они прихлебывали крепкий

чай, в том числе и горничная.

— Вполне в себе, слава Богу.

Миссис О'Доннелл бросила в сторону комнаты еще один тревожный взгляд.

Неужели дитя поет гимны вместе с посетителями?

— Нельзя ли рассказать сестрам ее историю? — попросил мистер Таддеус.

Женщина озадаченно посмотрела на него:

— Какая история может быть у ребенка?

Либ переглянулась с сестрой Майкл и взяла инициативу в свои руки:

— Каким было здоровье вашей дочери до этого года?

— Анна всегда была нежным цветочком, но не плаксивой или обидчивой. Когда у нее появлялась царапина или ячмень на глазу, она делала небольшое пожертвование для церкви.

— А какой у нее был аппетит? — спросила Либ.

— О, она никогда не была жадной и не выпрашивала гостинцев. Очень хорошая девочка.

— А ее душевный настрой? — спросила монахиня.

— Нет причин для жалоб, — ответила миссис О'Доннелл.

Эти неопределенные ответы не удовлетворили

Либ.

— Анна ходит в школу?

— Да, мистер О'Флаэрти души в ней не чает.

— Она ведь выиграла медаль, верно? — Служанка неожиданно указала на что-то, чуть не расплескав чай.

— Верно, Китти, — ответила хозяйка, кивнув на каминную полку, точно курица, клюющая зерно.

Либ, поискав глазами, нашла медаль — маленький бронзовый диск в подарочном футляре около фотографии.

— Но после коклюша, который Анна в прошлом году подхватила в школе, — рассказывала миссис О'Доннелл, — мы решили оставить нашу девчушку дома, даже несмотря на грязь, разбитые окна и сквозняки. Но она и самостоятельно очень упорно занимается по книгам. Дома и стены помогают, как говорят.

Либ не знала этой поговорки. Она продолжила расспросы, потому что ей пришло в голову, что нелепые выдумки Анны могут быть основаны на фактах.

— С начала недомогания у нее бывали нарушения пищеварения?

Либ предположила, что сильный кашель мог вызвать у ребенка внутренние повреждения.

Однако миссис О'Доннелл с натянутой улыбкой покачала головой.

— Рвота, запор или понос?

— Только изредка, как это случается с растущими детьми, — ответила миссис О'Доннелл.

— Выходит, до одиннадцати лет, — уточнила Либ, — Анна, по вашим словам, была нежной и чувствительной, и ничего больше?

Женщина поджала шелушащиеся губы:

— С седьмого апреля — вчера с того дня минуло четыре месяца — Анна не съела ни кусочка, не выпила ни глотка, ничего, кроме чистой воды.

Если это правда, с долей неприязни подумала Либ, какая мать говорила бы об этом с таким возбуждением?

Но конечно, это неправда, напомнила она себе. Так что приложила Розалин О'Доннелл руку к этой мистификации или дочке удалось запудрить матери мозги — в любом случае у женщины нет причины бояться за своего ребенка.

— Она не подавилась чем-нибудь перед днем рождения? Или, может быть, съела что-то протухшее?

— В этой кухне не бывает ничего протухшего! — разозлилась миссис О'Доннелл.

— Вы упрашивали ее поесть? — допытывалась

Либ.

— Можно было даже не пытаться.

— Анна как-то объясняла свой отказ?

Женщина наклонилась чуть ближе, словно желая поделиться секретом:

— Этого не нужно.

— Не нужно было объяснять причину? — спросила Либ.

— Она в этом не нуждается, — ответила Розалин О'Доннелл, обнажив в улыбке щербатый рот.

— Вы хотите сказать, в еде? — еле слышно спросила монахиня.

— Ей ни крошки не нужно. Она живое чудо.

Должно быть, это хорошо отрепетированный спектакль. Если не принимать во внимание, что блеск в глазах женщины выражает, как показалось Либ, твердую веру.

— И вы утверждаете, что последние четыре месяца ваша дочь пребывает в добром здравии?

Розалин О'Доннелл выпрямила внушительный торс, и ее редкие ресницы затрепетали.

— В этом доме, миссис Райт, вы не найдете никаких лживых утверждений, никакого жульничества. Это скромный дом, но таковым был и хлев.

Подумав о лошадях, Либ была озадачена, но

потом поняла, что женщина имела в виду Вифлеем.

— Мы простые люди — муж и я. Объяснить это мы не в силах, но наша девочка отмечена особым Божественным провидением. Разве Богу не подвластно подобное? — обратилась она к монахине.

— Неисповедимы пути Господни, — слабо кивнула сестра Майкл.

Вот почему О'Доннеллы попросили прислать монахиню. Либ почти в этом не сомневалась. И почему доктор выполнил их просьбу. Все они считали, что старая дева, посвятившая себя Христу, легче большинства людей поверит в чудо. Или в большей степени суеверна.

Мистер Таддеус внимательно наблюдал за происходящим:

— Но ведь вы с Малахией желаете, чтобы эти добрые сестры побыли с Анной две недели и потом доложили обо всем комитету?

Миссис О'Доннелл широко раскинула худощавые руки, и ее клетчатая шаль едва не соскользнула с плеч.

— Желаем, даже очень! Чтобы восстановить наше доброе имя от Корка до Белфаста.

Либ едва не рассмеялась. Так беспокоиться о

своей репутации, живя в этой жалкой лачуге, а не в каком-нибудь особняке…

— И что нам прятать? — продолжала женщина. — Разве мы не отворили двери всем доброжелателям с четырех сторон света?

Ее напыщенность рассердила Либ.

— Кстати говоря, — сказал священник, — гости, похоже, собираются уходить.

Либ даже не заметила, когда прекратилось пение. Дверь, ведущая в другое помещение, приотворилась, и потянуло сквозняком. Она встала и заглянула в щель.

Так называемая хорошая комната отличалась от кухни в основном своей пустотой. В ней не было ничего, кроме буфета с немногими тарелками и кувшинами за стеклом и нескольких веревочных стульев. Полдесятка людей стояли, повернувшись к углу комнаты, который был не виден Либ, с широко открытыми горящими глазами, словно их взорам предстало нечто поразительное. Она напрягла слух, пытаясь различить их бормотание.

— Спасибо, мисс.

— Пара святых карт для твоей коллекции.

— Позволь оставить тебе этот пузырек с маслом, который освятил в Риме нашему кузену его

святейшество.

— Вот цветы, срезанные утром в моем саду.

— Тысячу раз благодарю, и не поцелуешь ли моего ребенка?

Эта последняя женщина поспешила в угол со свертком.

Либ мучилась оттого, что не может хотя бы украдкой увидеть *необыкновенное чудо*. Не эти ли слова произнесли вчера в винной лавке фермеры? Да, судя по всему, они восхищались не каким-то двухголовым быком, а Анной О'Доннелл, живым чудом. Очевидно, сюда каждый день впускались толпы, желающие пасть ниц у ног девочки. Какая пошлость!

Либ вспомнила, что один фермер неодобрительно высказался о толпе, которая *всячески угождает ей*. Должно быть, он имел в виду посетителей, жаждущих обласкать ребенка. Что, по их мнению, они совершали, делая из девочки святую, ибо вообразили, будто она поднялась выше обычных человеческих потребностей? Как те разряженные статуи, которые проносят по улицам во время религиозных церемоний.

Правда, голоса этих людей для Либ звучали на ирландском. Миссис О'Доннелл преувеличила, говоря о четырех сторонах света. Дверь в комнату

распахнулась, и Либ отступила в сторону.

Посетители, шаркая ногами, вышли.

— Миссис, это вам за беспокойство.

Мужчина в круглой шляпе предложил Розалин О'Доннелл монету.

Ага! Корень всякого зла. Наподобие состоятельных туристов, платящих крестьянину за возможность позировать на пороге его грязной лачуги со скрипкой, у которой недостает половины струн. О'Доннеллы наверняка участвуют в этом жульничестве, решила Либ, притом из вполне предсказуемых побуждений — деньги.

Но хозяйка спрятала руки за спину:

— Гостеприимство нам не в тягость.

— Для милой девчушки, — произнес посетитель, но Розалин О'Доннелл продолжала трясти головой. — Я настаиваю.

— В ящик для бедных, сэр, если хочется что-то оставить.

Она кивком указала на железный сейф, стоящий на табурете у двери.

Либ упрекнула себя в невнимательности.

На выходе посетители бросали в щель свои пожертвования. Некоторые из монет, судя по звуку, были тяжелыми. Эта маленькая проказница привлекала не меньше внимания, чем

стоящий у дороги крест или камень. Либ сильно сомневалась, что О'Доннеллы отдадут хотя бы пенни из ящика менее удачливым беднякам, чем они сами.

Дожидаясь, пока пройдет толпа, Либ стояла у каминной полки, а потому смогла рассмотреть дагеротип. Снимок с темным фоном был сделан несколько лет назад, до эмиграции сына. Розалин О'Доннелл, напоминающая внушительный тотем, на коленях у нее откинулся назад в несколько неподобающей позе худой юнец, а у отца на коленях сидит прямо маленькая девочка. Либ прищурилась, пытаясь рассмотреть снимок сквозь блики на стекле. У Анны О'Доннелл были волосы до плеч, такие же темные, как у Либ. В общем, она не отличалась от любой другой девочки.

— Идите в ее комнату, а я схожу за ней, — сказала Розалин О'Доннелл сестре Майкл.

Либ сжалась. Каким образом эта женщина собирается подготовить дочь к их надзору?

Запах от тлевшего торфа вдруг стал для Либ нестерпимым. Она пробормотала что-то о свежем воздухе и вышла во двор.

Распрямив плечи, Либ вдохнула воздух и почувствовала запах навоза. Если она останется,

ей придется принять вызов — разоблачить это жалкое надувательство. В лачуге не больше четырех комнат. Она не сомневалась, что ей хватит одной ночи, чтобы поймать девчонку, ворующую еду, — одна та будет или с помощниками. Миссис О'Доннелл? Ее муж? Прислуга, судя по всему, единственная? Или все они вместе? Это означало, что за поездку Либ заработает сущие гроши. Разумеется, менее честная сиделка заговорила бы только по прошествии двух недель, чтобы получить жалованье за это время. Единственная цель Либ — довести дело до конца, убедиться в том, что здравый смысл возобладал над абсурдом.

— Я, пожалуй, загляну к другим моим прихожанам, — произнес у нее за спиной розовощекий священник. — Сестра Майкл предложила первой заступить на дежурство, поскольку вы, наверное, устали от путешествия.

— Нет, — откликнулась Либ, — я вполне готова начать.

На самом деле ей не терпелось увидеть девочку.

— Как пожелаете, миссис Райт, — произнесла монахиня своим шелестящим голосом.

— Значит, вы придете через восемь часов, сестра? — спросил мистер Таддиус.

— Двенадцать, — поправила его Либ.

— По-моему, доктор Макбрэрти предложил смены по восемь часов, как менее утомительные, — сказал он.

— Тогда мы обе будем вставать и ложиться в разное время, — заметила Либ. — Моя долгая практика дежурств показывает, что две смены более удобны для сна.

— Но чтобы выполнить условия надзора, вам придется быть рядом с Анной каждую минуту, — вставил мистер Таддеус. — Восемь часов представляется достаточно долгим сроком.

Из этого Либ сделала лишь один вывод: если они станут работать по двенадцать часов и она начнет первой, то сестра Майкл всегда будет дежурить ночью, когда девочке легче стащить еду. Разве может Либ рассчитывать на то, что монахиня, бóльшую часть жизни прожившая в провинциальном монастыре, будет такой же внимательной, как она сама?

— Что ж, хорошо, значит, по восемь часов, — делая подсчет в уме, проговорила она. — Мы можем передавать смену, скажем, в девять вечера, пять часов утра и час дня? Эти часы не слишком нарушат семейный распорядок.

— Тогда до часа дня? — спросила монахиня.

— Поскольку мы начинаем только сейчас, в середине утра, я с радостью останусь с девочкой до девяти вечера, — ответила Либ.

Длинный первый день поможет ей подготовить комнату и разработать по своему усмотрению процедуру наблюдения.

Монахиня плавно заскользила по тропинке в сторону деревни. Как они осваивают эту особую походку, думала Либ. Наверное, это всего лишь иллюзия, создаваемая черным одеянием, касающимся травы.

— Удачи, миссис Райт, — приподнимая шляпу, сказал мистер Таддеус.

Удачи? Как будто она на скачках.

Либ собралась с духом и вошла в дом, где миссис О'Доннелл и служанка подвешивали на крюк нечто напоминающее массивного серого гнома. Либ не сразу разглядела, что это железный котелок.

Хозяйка повернула котелок над очагом и кивнула в сторону полуоткрытой двери слева от Либ:

— Я сказала Анне про вас.

Что сказала — что миссис Райт заморская шпионка? В лучшем виде подучила девчонку, как одурачить англичанку, как та уже одурачила многих взрослых?

Спальня представляла собой ничем не украшенную квадратную комнату. На стуле с прямой спинкой, поставленном между окном и кроватью, словно прислушиваясь к звучащей внутри ее музыке, сидела миниатюрная девочка в сером платье. Темно-рыжие волосы, чего не видно было на фотографии. При скрипе двери Анна О'Доннелл подняла глаза, и ее лицо осветилось улыбкой.

Обманщица, напомнила себе Либ.

Девочка встала и протянула Либ руку.

Та осторожно пожала ее. Пухлые пальцы, прохладные на ощупь.

— Как ты сегодня себя чувствуешь, Анна?

— Очень хорошо, госпожа, — тонким, ясным голоском ответила девочка.

— Сестра, — поправила ее Либ, — или, если хочешь, миссис Райт, или мэм.

Оказалось, она не знает, о чем еще говорить. Достав из саквояжа маленькую записную книжку и рулетку, она принялась делать записи, чтобы выявить хоть какие-то закономерности в этой нелепой истории.

Понедельник, 8 августа 1859 года, 10:07

Рост: 46 дюймов.

Размах рук: 47 дюймов.

Обхват головы над бровями: 22 дюйма.
Голова от макушки до подбородка: 8 дюймов.

Девочка изо всех сил старалась угодить. Стоя очень прямо в своем простом платье и на удивление больших ботинках, она послушно меняла положение тела при измерениях, словно разучивала па какого-то незнакомого танца. У нее были довольно круглые щеки, что напрочь отметало историю с голоданием. Большие карие глаза — почти того же оттенка, что и у Либ, немного навыкате, осененные густыми ресницами. Фарфоровые белки, зрачки расширены, что могло объясняться тусклым светом из оконца. По крайней мере, окно было открыто и в комнату попадал летний воздух. В их госпитале главная медсестра придерживалась устаревшего представления о том, что окна следует держать закрытыми, дабы в помещение не проникали ядовитые миазмы.

Девочка была очень бледной, но ирландцы в целом отличаются бледной кожей, пока она не покраснеет на воздухе. Но было и кое-что странное: почти незаметный бесцветный пушок на щеках. И в конце концов, ложь девочки о голодании не защищает ее от какого-либо настоящего расстройства. Либ все это записала.

Мисс Н. считала, что некоторые медсестры че-

ресчур полагаются на свои записи, а это ухудшает память. Тем не менее она никогда не запрещала им вести их. Либ привыкла рассчитывать на свою память, но в данном случае ее наняли скорее не как медсестру, а как наблюдателя, что требовало безукоризненных записей.

Другая странность — мочки ушей и губы Анны имели синеватый оттенок, также и ногти. На ощупь она была прохладная, словно только что гуляла в метель.

— Тебе холодно? — спросила Либ.

— Не особенно.

Ширина груди на уровне молочной железы: 10 дюймов.

Обхват грудной клетки: 24 дюйма.

Глаза девочки следовали за ней.

— Как вас зовут?

— Я уже говорила: миссис Райт, но ты можешь обращаться ко мне «сестра Райт».

— Я имею в виду имя.

Либ проигнорировала эту маленькую дерзость и продолжала писать.

Обхват бедер: 25 дюймов.

Объем талии: 21 дюйм.

Обхват средней части руки: 5 дюймов.

— Зачем нужны эти цифры? — спросила де-

вочка.

— Они… чтобы мы убедились, что ты в добром здравии, — сказала Либ.

Абсурдный ответ, но вопрос застал ее врасплох. Ведь обсуждать с пациентом особенности наблюдения — нарушение протокола.

Пока все данные доказывали, что Анна — маленькая лживая нахалка. Да, она худая, лопатки похожи на обрубки несуществующих крыльев. Но не настолько, как бывает у детей после месяца без еды, тем более четырех месяцев. Либ знала, как выглядят голодающие. В Шкодер привозили тощих, точно скелеты, беженцев, у которых кости выпирали из-под кожи, как шесты для палатки из-под брезента. Нет, у этой девочки был округлый живот. Модные красавицы шнуровали себя в надежде добиться талии в шестнадцать дюймов, а у Анны она была на пять дюймов больше.

Что Либ действительно нужно было узнать, так это вес ребенка. Если за две недели эта цифра увеличится хотя бы на унцию, это докажет, что Анну тайком кормят. Она сделала два шага в сторону кухни, чтобы спросить, где можно взять весы, но вспомнила, что обязана ни на минуту не выпускать ребенка из виду до девяти часов вечера.

Странное ощущение, будто находишься в тюрь-

ме. Либ подумала было позвать миссис О'Доннелл из спальни, но не захотела показаться высокомерной, в особенности в начале первого дежурства.

— Остерегайтесь подделок, — пробормотала Анна.

— Прошу прощения?

Кончик пухлого пальца обводил слова, оттиснутые на рифленой кожаной обложке записной книжки.

Либ сурово взглянула на девочку. Вот уж действительно подделка.

— Производители утверждают, что их бархатная бумага не похожа ни на какую другую.

— Что такое бархатная бумага?

— Она имеет специальное покрытие, позволяющее писать на ней металлическим карандашом.

Девочка погладила страничку.

— Все написанное здесь будет несмываемым, — сказала Либ. — Ты знаешь, что такое несмываемый?

— Пятно, которое нельзя вывести.

— Правильно. — Либ забрала записную книжку и стала думать, какие еще сведения можно вытянуть из девочки.

— Тебя беспокоят какие-нибудь боли, Анна?

— Нет.

— Головокружения?

— Может быть, иногда, — призналась Анна.

— Пульс у тебя скачет или замедляется?

— В иные дни бывает неровным.

— Ты боишься?

— Чего боюсь?

Того, что тебя разоблачат, маленькая плутовка. Но вслух Либ сказала:

— Может быть, меня и сестру Майкл. В твоем доме чужие люди.

— По-моему, вы добрая, — покачала головой Анна. — Вряд ли вы причините мне зло.

— Совершенно верно.

Однако Либ стало не по себе, словно она наобещала сверх меры. Она приехала сюда не для того, чтобы проявлять доброту.

Теперь дитя что-то шептало с закрытыми глазами. В следующий миг Либ поняла, что это молитва. Демонстрация благочестия, дабы сделать так называемый пост более правдоподобным?

Окончив молитву, Анна подняла взор, сохраняя обычное безмятежное выражение лица.

— Открой рот, пожалуйста, — попросила Либ.

В основном молочные зубы, один или два постоянных и несколько промежутков, где еще не выросли новые зубы. Как рот более младшего по

возрасту ребенка.

Несколько кариесов? Дыхание немного несвежее.

Язык чистый, красный и гладкий.

Миндалины слегка увеличены.

Темно-рыжие волосы без головного убора разделены в центре пробором и завязаны сзади небольшим узлом. Либ освободила волосы и стала перебирать пальцами сухие вьющиеся пряди. Она ощупала кожу головы в поисках чего-либо спрятанного, но не обнаружила ничего, кроме шелушащейся болячки за одним ухом.

— Можешь прибрать волосы.

Анна неумело завозилась со шпильками.

Либ подошла, чтобы помочь, но потом отодвинулась. Она здесь не для того, чтобы нянчиться с девочкой или быть при ней горничной. Ей платят только за наблюдение.

Немного неуклюжая.

Рефлексы нормальные или чуть замедленные.

Ногти на пальцах рук заостренные, в белых пятнышках.

Ладони и пальцы явно опухшие.

— Сними, пожалуйста, ботинки.

— Это ботинки моего брата, — сказала Анна.

Ступни, лодыжки и икры сильно опухшие.

Неудивительно, что Анна воспользовалась оставленными эмигрантом ботинками. Может ли это быть водянкой, накоплением воды в тканях?

— Когда у тебя началось это с ногами?

Девочка пожала плечами.

Любопытно: в том месте, где чулки завязывались под коленками, остались вмятины. То же самое с пятками. Либ наблюдала такую отечность только у беременных. Подобно скульптору, ваяющему ребенка из глины, она медленно и твердо надавила пальцем на икру девочки. Отпечаталась вмятина.

— Тебе больно?

Анна покачала головой.

Либ уставилась на ногу, на которой остались вмятины. Возможно, это не очень серьезно, но с ребенком что-то не в порядке.

Либ продолжала осмотр, постепенно снимая с девочки одежду. Даже если Анна обманщица, нельзя мучить ее. Девочка дрожала, но не от смущения, а словно на дворе был январь, а не август.

Мало признаков созревания.

Анна скорее тянула на восемь-девять лет, а не на одиннадцать.

Прививка от оспы на предплечье.

Молочно-белая кожа Анны была сухой на ощупь, местами коричневатой и грубой. На коленках синяки, что характерно для детей. Но крошечные голубовато-красные пятнышки на голенях девочки — Либ никогда не сталкивалась с такими раньше. Она заметила на руках, спине, животе и ногах девочки тот же самый тонкий пушок — как у детеныша обезьяны. Присуща ли подобная волосатость ирландцам в целом? Либ вспомнила карикатуры из популярных изданий, изображающих их в виде пигмеев с обезьяньими повадками.

Либ пролистала свои записи. Несколько тревожных симптомов, но ничего, что соответствовало бы претенциозному утверждению О'Доннеллов о четырехмесячном голодании.

Ладно, где ребенок может прятать еду? В поисках потайных карманов Либ ощупала каждый шов платья и нижней юбки. Одежда была во многих местах заштопана, но аккуратно — пристойная бедность. Либ осмотрела все части тела ребенка, в которых можно было спрятать самые минимальные запасы, — начиная от подмышек до промежутков между опухшими пальцами ног. Ни крошки.

Анна снова принялась что-то нашептывать,

опустив ресницы на щеки. Либ ничего не могла разобрать, за исключением много раз повторенного слова, звучавшего как… Доротея, вероятно? Католики всегда обращаются к посредникам, желая получить помощь от Бога в своих мелких делах. Наверное, существует святая Доротея?

— Что ты читаешь? — спросила Либ, когда ей показалось, что девочка замолчала.

— Молитву.

— Я догадалась. Какую молитву? — (Девочка покачала головой.) — Послушай, Анна, разве мы не хотим подружиться?

Либ сразу пожалела о выборе слов, потому что круглое личико осветилось.

— Мне бы этого хотелось.

— Я лишь спросила, какую молитву ты иногда читаешь.

— Об этом… не надо говорить, — ответила Анна.

— А… Значит, это тайная молитва?

— Личная, — поправила ее девочка.

Девочки — даже искренние — действительно любят секреты. Она вспомнила свою сестру, которая прятала под их матрасом дневник. Это не помешало Либ прочитать в нем все до единого слова.

Либ собрала стетоскоп и прижала его плоское основание к левой стороне детской груди между пятым и шестым ребром, а другой конец приложила к своему уху. Тук-тук, тук-тук. Сначала она прослушала мельчайшие изменения в тонах сердца. Потом в течение минуты отсчитывала пульс по часам, висевшим у нее на поясе. Затем сделала запись:

Пульс четкий, 89 ударов в минуту.

Это соответствовало ожидаемому диапазону. Потом Либ приложила стетоскоп к различным местам спины девочки и снова записала:

Легкие здоровые, 17 вдохов и выдохов в минуту.

Никаких хрипов Либ не услышала. Анна казалась здоровее многих своих соотечественников.

Усевшись на стул — мисс Н. отучала своих подопечных сидеть на кровати пациента, — Либ приложила стетоскоп к животу девочки, пытаясь уловить малейшее бульканье, которое выдало бы присутствие пищи. Попробовала другое место. Тишина.

Область желудочно-кишечного тракта твердая, похожая на барабан.

Либ легонько постучала по животу.

— Что ты чувствуешь?

— Полный живот, — ответила Анна.

Либ округлила глаза. «Полный», когда по звуку он совершенно пустой? Это что — вызов?

— Неприятно полный?

— Нет.

— Теперь можешь одеться.

Анна медленно и немного неловко оделась.

Говорит, что ночью спит хорошо, по 7–9 часов.

Интеллектуальные способности не нарушены.

— Ты жалеешь, что не ходишь в школу, дитя?

Девочка покачала головой.

Похоже, от избалованного ребенка О'Доннеллов не ждали помощи в домашней работе.

— Может быть, тебе нравится ничего не делать?

— Я читаю, шью, пою и молюсь, — спокойно проговорила девочка.

Конфронтация не входила в намерения Либ. Но по крайней мере, она может быть откровенной. Мисс Н. всегда рекомендовала быть откровенным, поскольку ничто так не подтачивает здоровье пациента, как неопределенность. Она могла бы сделать для Анны доброе дело, подавая ей пример искренности, высоко держа светильник, чтобы вывести девочку из дебрей лживости. Захлопнув записную книжку, Либ спросила:

— Знаешь, зачем я здесь?

— Не дать мне кушать.

Надо же было такое сказать!

— Вовсе нет. Моя задача — выяснить, правда ли, что ты голодаешь. Я бы очень обрадовалась, если бы ты стала есть, как другие дети, как все люди. — (Анна кивнула.) — Есть что-нибудь такое, чего тебе очень хочется? Бульон, пудинг с саго, что-то сладкое?

Либ говорила себе, что всего лишь задает ребенку вопрос, а не заставляет есть. Ведь это могло бы повлиять на результат наблюдения.

— Нет, спасибо.

— Почему нет, можешь объяснить?

Легкая улыбка.

— Не могу сказать, миссис… мэм, — поправила себя Анна.

— Это тоже личное?

Анна кротко взглянула на нее.

Хитрая, подумала Либ. Девочка, наверное, поняла, что любые объяснения выйдут ей боком. Скажи, например, Анна, что она слышала голос Создателя, велевшего ей воздержаться от пищи, она тем самым сравнила бы себя со святой. Если, с другой стороны, она стала бы бахвалиться, что поддерживает жизнь особыми естественными ресурсами, ей пришлось бы в интересах науки

доказать это.

Погоди, мисси, скоро я тебя раскушу.

Либ огляделась по сторонам. До сегодняшнего дня Анне ничего не стоило таскать еду по ночам из соседней кухни, или еду могли тайком приносить ей взрослые.

— Ваша прислуга…

— Китти? Она наша кузина.

Анна вынула из комода клетчатую шаль. Сочные красные и коричневые тона добавили ее лицу немного краски.

Значит, прислуга к тому же и бедная родственница. Такому зависимому человеку трудно отказаться принять участие в заговоре.

— Где она спит?

— На скамье.

Анна кивнула в сторону кухни.

Разумеется, нижним сословиям достается меньше кроватей, чем членам семьи, поэтому приходится импровизировать.

— А твои родители?

— Они спят в закутке.

Либ не знала такого слова.

— Для кровати отгорожено место на кухне, за занавеской, — объяснило дитя.

Либ уже раньше успела заметить портьеру из

мешковины, но подумала, что она отгораживает кладовку. Как нелепо со стороны О'Доннеллов оставлять пустой лучшую комнату, а самим спать в импровизированной комнатушке. Вероятно, у них все же достаточно гордости, чтобы стремиться к большему.

Прежде всего надо было проверить, не служит ли эта узкая спальня для трюков с едой. Либ дотронулась до стены, и у нее на пальцах остались чешуйки побелки. Какая-то сыроватая штукатурка, а не дерево, кирпичи или камни, как в английских домах. Ну, по крайней мере, это означает, что легко будет обнаружить любое углубление, в котором может быть спрятана еда.

Она должна быть уверена, что девочке негде укрыться от ее взгляда. Для начала следовало убрать старую расшатанную деревянную ширму. Либ сложила вместе три створки и отнесла ее к двери.

Не выходя из спальни, она заглянула на кухню. Миссис О'Доннелл помешивала что-то в трехногом котелке, стоящем в очаге, а прислуга месила тесто за длинным столом. Либ внесла ширму со словами:

— Нам это не потребуется. Можете принести мне таз с горячей водой и тряпку?

— Китти, — повернув голову, обратилась к горничной миссис О'Доннелл.

Либ украдкой бросила взгляд на девочку, снова шептавшую молитвы у кровати.

Затем вернулась к узкой кровати, стоявшей у стены, и принялась разбирать ее. Деревянный остов кровати, соломенный матрас, покрытый заляпанным полотняным чехлом. Ну, по крайней мере, не перина. Мисс Н. проклинала перины. Новый матрас из конского волоса был бы более гигиеничным, но Либ едва ли может попросить О'Доннеллов раскошелиться на такой. Она подумала о сейфе, набитом монетами, которые формально предназначались для бедных. Кроме того, Либ напомнила себе, что приехала сюда не для того, чтобы заботиться о здоровье девочки, а лишь анализировать его. Она прощупала весь чехол — нет ли утолщений и прорех в швах, в которых можно что-то спрятать.

Странное звяканье на кухне — колокольчик? Звук повторился один, два, три раза. Созывают семью к столу на дневную трапезу? Но разумеется, Либ придется ждать, пока ей принесут еду в спальню.

Анна О'Доннелл поднялась:

— Можно, я пойду и прочту «Ангелус»?

— Тебе следует оставаться в поле моего зрения, — напомнила Либ, ощупывая валик, набитый оческами.

На кухне послышался голос. Голос матери?

Девочка, опустившись на колени, внимательно прислушивалась.

— И она зачала от Духа Святого, — откликнулась Анна. — Радуйся, Мария, благодати полная. Господь с тобой…

Либ узнала эту молитву. Это явно не личная молитва. Анна громко выпевала слова, и они доносились до соседней комнаты.

За стеной голосу Анны вторили приглушенные женские голоса. Потом все стихло. И вновь зазвучал голос Розалин:

— Се, Раба Господня.

— Да будет Мне по слову твоему[3], — откликнулась Анна.

Либ отодвинула кровать от стены, чтобы иметь возможность подходить к ней с трех сторон. Потом для проветривания перекинула чехол через спинку кровати и поставила рядом валик. Молитва продолжалась — с призывами, откликами, хором и звоном колокольчика.

---

[3] Примечания: 3
Евангелие от Луки, 1: 38.

— И пребывает среди нас, — нараспев произнесла девочка.

Склоняясь по очереди к углам кровати, Либ в поисках объедков прощупала каждую перекладину, каждый узел и закоулок. Потом обшарила пол, выискивая следы углублений, в которые можно что-то запрятать.

Наконец молящиеся умолкли, и Анна поднялась на ноги.

— Вы разве не читаете «Ангелус», миссис Райт? — чуть запыхавшись, спросила она.

— Так называется то, что вы сейчас читали? — вместо ответа спросила Либ.

Кивок, как будто все это знают.

Либ стряхнула с юбки пыль и вытерла руки о передник. Где же горячая вода? Китти просто ленится или игнорирует английскую сиделку?

Анна достала из рабочей корзины что-то большое и белое и принялась подшивать его, стоя в углу у окна.

— Садись, дитя, — указывая на стул, сказала Либ.

— Мне здесь очень удобно, мэм.

Какой парадокс — Анна О'Доннелл, отъявленная притворщица, но с хорошими манерами. Либ поняла, что не в состоянии обращаться с ней с

той суровостью, которую она заслуживает.

— Китти, — позвала Либ, — не могла бы ты принести еще один стул, а также воды?

Никакого ответа из кухни.

— Возьми пока этот стул, — настаивала Либ. — Мне он не нужен.

Анна перекрестилась и села на стул, продолжая шить.

Либ чуть-чуть отодвинула комод от стены, чтобы убедиться в том, что за ним ничего не спрятано. Выдвинула по очереди все ящики — древесина покоробилась от сырости — и стала перебирать одежду девочки, ощупывая каждый шов и подол.

На комоде стоял кувшин с поникшим одуванчиком. Мисс Н. одобряла цветы в больничных палатах, высмеивая бабушкины сказки о том, что они якобы отравляют воздух. Она говорила, что яркие расцветки и разнообразие форм поддерживают не только дух, но и тело. В первую неделю работы Либ в госпитале мисс Н. пыталась втолковать это главной медсестре, которая лишь презрительно фыркала.

Либ пришло в голову, что цветок, на который никто и не взглянет, может быть источником питания. А жидкость — это действительно вода,

или некий прозрачный бульон, или сироп? Либ понюхала воду, но учуяла только резкий запах одуванчика. Потом опустила палец в воду и поднесла его к губам. Безвкусная, в той же степени, что и бесцветная. Но может быть, там находится какой-то питательный элемент, обладающий этими свойствами?

Либ чувствовала, что девочка наблюдает за ней. Господи! Либ попала в западню заблуждений старого доктора. Это просто вода. Она вытерла руку о передник.

Рядом с кувшином ничего, кроме небольшого деревянного ящичка. Нет даже зеркала. Неужели Анне никогда не хочется посмотреть на себя?

— Это мои сокровища, — вскакивая, сказала Анна.

— Как мило. Можно посмотреть?

Либ уже шарила внутри, на тот случай, если Анна объявит, что это личное.

— Конечно.

Церковные безделушки: четки, сделанные, похоже, из семян, с простым крестиком на конце, раскрашенный подсвечник в форме Богоматери с Младенцем.

— Красиво, правда? — Анна дотронулась до подсвечника. — Это мама и папа подарили мне в

день конфирмации.

— Важный день, — пробормотала Либ.

Статуэтка показалась ей безвкусной. Она ощупала фигурку, чтобы убедиться, что это фарфор, а не что-то съедобное. И только потом разрешила девочке взять ее.

Анна прижала подсвечник к груди:

— Конфирмация — самый важный день.

— Почему?

— В тот день я перестала быть ребенком.

Есть что-то комичное в том, что это дитя воображает себя взрослой женщиной. Либ стала вглядываться в надпись на крошечном серебряном овале, не больше кончика пальца.

— Это мой чудотворный образок, — сказала Анна, беря его с ладони Либ.

— Какие чудеса он сотворил?

Вопрос прозвучал немного легкомысленно, но девочка не обиделась.

— Очень много, — поглаживая образок, заверила она Либ. — То есть не именно этот, а все чудотворные образки в христианском мире вместе.

Либ ничего не ответила. На дне шкатулки она нашла крошечный диск в стеклянном футляре, на котором был оттиснут ягненок, несущий флаг

и герб. Это ведь не может быть хлеб от причастия? Право, святотатством было бы хранить облатку в детской шкатулке.

— Что это, Анна?

— Мой Агнус Деи.

Агнец Божий. Эти слова на латыни Либ знала. Она откинула крышку футляра и слегка потерла диск ногтем.

— Не сломайте!

— Не сломаю. — Поняв, что это не хлеб, а воск, Либ положила коробочку в протянутую ладонь Анны.

— Все образки освящены его святейшеством, — захлопнув крышку, сообщила девочка. — Агнус Деи прекращает наводнения и тушит пожары.

Либ задумалась над происхождением этой легенды. Если учесть, что воск плавится, кто мог бы представить, что от него будет толк при пожаре?

В ящичке ничего не осталось, кроме нескольких книг. Либ прочитала заголовки — все религиозные. «Служебник для мирян», «Подражание Христу». Она выдернула из черной «Книги псалмов» прямоугольник с орнаментом размером с игральную карту.

— Положите на место, — взволнованно произнесла Анна.

Так, может быть, в книге спрятана еда?

— Минутку… — Либ пролистнула страницы. Ничего, кроме маленьких прямоугольников.

— Это мои священные карты. Каждая на своем месте.

На той, что держала Либ, отпечатана молитва с затейливо вырезанным, как кружево, краем, к которому привязана ленточка с одним из крошечных образков. На обратной стороне рисунок пастелью: женщина, обнимающая овцу. Сверху написано: «Divine Bergère». Божественная… что?

— Видите, эта подходит к псалму сто восемнадцать: «Я сбился с пути, как отбившаяся от стада овца», — продекламировала Анна, постукивая по карточке и даже не заглядывая в нее.

Очень напоминает «У Мэри был маленький барашек», подумала Либ. Теперь она заметила, что все книги в ящичке забиты этими прямоугольниками.

— Кто дал тебе эти карточки?

— Некоторые были призами в школе или в миссии, другие подарены посетителями.

— Где сейчас эта миссия?

— Ее закрыли. Мой брат оставил мне самые красивые карточки. — Анна поцеловала карточку с овцой и засунула ее на место.

Какой удивительный ребенок…

— У тебя есть любимый святой?

Анна покачала головой:

— Все они учат нас разному. Некоторые родились хорошими, а другие были злыми, пока Господь не очистил их души.

— Правда?

— Он может выбрать любого и сделать его благочестивым, — уверила Анна.

Дверь распахнулась так неожиданно, что Либ вздрогнула. Пришла Китти с тазом горячей воды.

— Извините, что задержалась. Я носила хозяину еду, — тяжело дыша, проговорила молодая женщина.

Малахия О'Доннелл… Копает торф для соседа — в качестве услуги или в дополнение к жалким доходам от фермы? Либ пришло на ум, что здесь, наверное, только мужчин кормят в полдень.

— Где для вас прибраться? — спросила служанка.

— Я сама, — хватая таз, ответила Либ.

Нельзя впредь пускать в комнату домочадцев. Возможно, Китти прячет под передником еду для ребенка.

Служанка нахмурилась — от смущения или от обиды?

— Ты, наверное, занята. Можно попросить у тебя еще один стул, а также свежее постельное белье?

— Простыню? — спросила Китти.

— Пару, — поправила ее Либ, — и чистое одеяло.

— У нас этого нет, — покачала головой горничная.

Отсутствующее выражение на лице Китти. Похоже, ее мысли заняты чем-то другим.

— Она хочет сказать, что нет чистых простыней, — пояснила Анна. — Стирка в следующий понедельник, если только не будет чересчур сыро.

— Понятно, — подавив раздражение, сказала Либ. — Ну, тогда только стул, Китти.

Либ добавила в воду хлорированную соду из своей бутылки и протерла все поверхности. Запах резкий, но чистота обеспечена. Она вновь застелила постель теми же несвежими простынями и серым одеялом. Потом выпрямилась. Куда еще можно запрятать чуточку еды?

Эта комната совсем не похожа на загроможденную мебелью комнату для больного у богатых людей. Помимо кровати, комода и стула, только плетеный коврик на полу, с рисунком из темных

линий. Либ приподняла его — под ним ничего. Без коврика комната станет совсем скучной и ногам будет холодно. К тому же самое вероятное место, где можно спрятать корочку или яблоко, — это кровать. Однако комитет не станет заставлять девочку спать на голых досках, как узницу. Нет, но, чтобы убедиться в отсутствии еды, Либ придется осматривать комнату часто и без предупреждения.

Китти наконец-то принесла стул и с грохотом поставила его на пол.

— Когда будет минутка, вынеси этот коврик и выбей его, — сказала Либ. — Скажи, где можно взять весы, чтобы взвесить Анну?

Китти покачала головой.

— Может быть, в деревне?

— Мы пользуемся пригоршнями. — (Либ недоуменно нахмурилась.) — Например, пригоршни муки и щепотки соли. — Служанка изобразила их в воздухе.

— Я не имею в виду хозяйственные весы, — сказала Либ. — Что-то большое для взвешивания человека или животного. Может, такие есть на одной из соседних ферм?

Китти устало пожала плечами.

Анна, смотревшая на поникший одуванчик, и

виду не подала, что слышит их. Словно разговор шел о весе другой девочки.

Либ вздохнула:

— Тогда принеси, пожалуйста, кувшин чистой воды и чайную ложку.

— Хотите что-нибудь перекусить? — выходя, спросила Китти. Фраза смутила Либ. — Или подождете до ужина?

— Могу подождать, — ответила Либ.

Когда горничная ушла, Либ пожалела о сказанном, поскольку была голодна. Но почему-то в присутствии Анны О'Доннелл Либ не могла объявить о том, что хочет есть. И это совершенно нелепо, напомнила она себе, потому что девчонка — притворщица.

Анна снова бормотала свою молитву к Доротее. Либ велела себе проигнорировать это. Ей и прежде приходилось мириться с еще более раздражающими привычками. Тот мальчик со скарлатиной, за которым она ухаживала, — он все время отхаркивался на пол. Или та сумасшедшая старушка, которая считала лекарство ядом и отталкивала руку Либ, проливая его ей на платье.

Теперь девочка очень тихо напевала, сложив руки на оконченном шитье. Она не делала тайны

из этого гимна. Пожалуй, Анна хотела сохранить в тайне лишь молитву к Доротее.

Чу! Слушай гимн небесный,
Ангельские хоры в вышине.
Херувимов, серафимов
Неустанно льется песня…

Когда Китти принесла кувшин воды, Либ похлопала по свисающей хлопьями штукатурке.

— Что это такое, можно узнать?

— Стена, — ответила Китти.

Девочка чуть слышно хихикнула.

— Я имею в виду, из чего она сделана? — спросила Либ.

Лицо горничной прояснилось.

— Из глины.

— Только из глины? Правда?

— Да, но в фундаменте есть камни, чтобы отгонять крыс.

Когда она ушла, Либ воспользовалась маленькой костяной ложкой, чтобы попробовать воду из кувшина. Ни намека на какую-то примесь.

— Хочешь пить, дитя? — (Анна покачала головой.) — Может быть, все же выпьешь глоток?

Тут она перестаралась — слишком сильно въелись в нее привычки медсестры. И Либ тут

же напомнила себе, что ей нет никакого дела до того, попьет плутовка или нет.

Однако Анна открыла рот и без усилия проглотила ложку воды.

— О, прости меня, если я подкреплю свои силы, — пробормотала она.

Обращалась она, разумеется, не к Либ, а к Господу.

— Еще?

— Нет, спасибо, миссис Райт.

Либ записала:

13:13, одна чайная ложка воды.

Она полагала, что количество не так уж важно, но ей хотелось составить полный отчет обо всем, что проглотила девочка во время ее дежурства.

Теперь действительно не осталось никаких дел. Либ села на второй стул. Он стоял рядом со стулом Анны, их юбки почти соприкасались, но поставить его было больше некуда. Либ подумала о предстоящих долгих часах, и ей стало не по себе. Она проводила с другими частными пациентами месяцы напролет, но здесь было иное, ведь она следила за девочкой, точно хищная птица, и Анна это понимала.

Тихий стук в дверь заставил Либ подскочить.

— Малахия О'Доннелл, мэм.

Фермер постучал себя по пуговицам вылинявшего жилета.

— Мистер О'Доннелл… — Либ пожала его жесткую руку.

Либ поблагодарила бы его за гостеприимство, но это показалось ей не совсем уместным, ведь она здесь в роли шпиона.

Мистер О'Доннелл был приземистым и жилистым, худым, как жена, но не таким ширококостным. Анна пошла в отца. Но ни у кого из этой семьи нет лишнего жира. Худые, как марионетки в кукольном театре.

Наклонившись, он поцеловал дочь около уха:

— Как ты, крошка?

— Очень хорошо, папочка.

Малахия О'Доннелл стоял, кивая.

Либ почувствовала разочарование. Она ожидала от отца семейства чего-то большего. Главный организатор закулисных интриг или по меньшей мере один из заговорщиков, столь же язвительный, как его жена. Но этот увалень…

— Вы держите шортгорнов, мистер О'Доннелл?

— Ну, сейчас совсем немного, — ответил он. — Я беру в аренду пару заливных лугов для пастбища. И продаю… сами знаете что, для удобрения.

Либ поняла, что он имеет в виду навоз.

— Скот иногда… — Малахия умолк. — Можно сказать, с ними больше беспокойства, чем выгоды. То отобьются от стада, то ноги переломают, то застрянут где-нибудь…

Что еще Либ видела во дворе фермы?

— Наверное, у вас есть домашняя птица?

— Теперь они будут принадлежать Розалин, миссис О'Доннелл. — Мужчина кивнул в последний раз, словно договорившись о чем-то, и погладил дочь по волосам. Выходя, он обернулся: — Хотел сказать… Там парень из газеты.

— Прошу прощения?

Малахия указал в сторону окна. Сквозь закопченное стекло Либ увидела фургон.

— Туда нужно отвести Анну.

— Куда отвести? — резко спросила Либ.

Право, о чем только думают люди из комитета, когда организуют наблюдение в этой тесной и грязной лачуге, а потом вдруг отправляют ребенка неизвестно куда?

— Чтобы сделать ее портрет, — объяснил отец. — Сфотографировать.

На одной стороне фургона вычурными буквами была сделана надпись: «РЕЙЛИ И СЫНОВЬЯ, ФОТОГРАФЫ». С кухни доносился незнакомый голос. О, это уж чересчур! Сделав несколько шагов,

Либ вспомнила, что ей нельзя отходить от девочки. Она остановилась, обхватив себя руками.

В комнату ворвалась Розалин О'Доннелл.

— Мистер Рейли готов сделать твой дагеротип, Анна.

Девочка кивнула.

— Это действительно нужно? — спросила Либ.

— Его должны напечатать в газете.

Напечатать портрет этой маленькой плутовки, словно она королева. Или, скорее, двухголовый бык.

— Студия далеко отсюда?

— Он сделает это прямо в фургоне.

Миссис О'Доннелл ткнула пальцем в окно.

Либ выпустила девочку вперед, но оттолкнула от ведра без крышки, из которого резко пахло химикалиями. Она узнала запах алкоголя и… был ли это эфир или хлороформ? Эти неприятные запахи вызвали в ее памяти Шкодер, где в ходе непрерывных ампутаций обезболивающие кончались очень быстро.

Помогая Анне подняться по откидным ступеням, Либ снова сморщила нос, почувствовав более сложный неприятный запах. Что-то вроде уксуса и гвоздей.

— Писака был и ушел, да? — спросил нахо-

дящийся внутри мужчина с прилизанными волосами; Либ прищурила глаза. — Журналист, который пишет про девчушку.

— Я ничего не знаю про журналиста, мистер Рейли.

Сюртук фотографа был чем-то заляпан.

— Встань, пожалуйста, около этих красивых цветов, — сказал он Анне.

— Если придется долго находиться в одном положении, может быть, ей лучше сесть? — спросила Либ.

Она сама один раз позировала для дагеротипа в группе медсестер мисс Н., и это занятие показалось ей утомительным. Через несколько минут от начала одна непоседливая девушка слегка пошевелилась, все изображение смазалось, и пришлось начинать заново.

Рейли хохотнул и на несколько дюймов передвинул камеру, установленную на штативе с колесиками.

— Перед вами мастер современного мокрого процесса. Мне потребуется на это три секунды. Не более десяти минут от затвора до пластины.

Анна стояла там, где ее поставил Рейли, у консоли, положив на нее правую руку рядом с вазой шелковых роз.

Фотограф наклонил зеркало на подставке, так что прямоугольник света упал на лицо Анны, потом нырнул под черное покрывало, наброшенное на камеру.

— Подними глаза, девонька. На меня, на меня.

Взгляд Анны неуверенно блуждал по сторонам.

— Посмотри на публику.

Для девочки это значило еще меньше. Ее взгляд остановился на Либ, и она чуть улыбнулась, хотя Либ не улыбалась.

Рейли высунулся из-под покрывала и вставил в аппарат деревянный прямоугольник.

— Теперь замри. Не шевелись. — Он снял с линзы латунную крышку. — Раз, два, три… — Потом быстрым движением вернул ее на место и откинул с глаз сальные волосы. — Можете идти, дамы.

Толкнув дверь, фотограф выскочил из фургона, потом снова забрался туда с ведром вонючих химикалий.

— Почему вы держите это на улице? — взяв Анну за руку, спросила Либ.

Рейли дергал за шнуры, по очереди опуская жалюзи на окнах, отчего в фургоне стало темно.

— Опасность взрыва.

Либ подтолкнула Анну к двери.

Выйдя из фургона, девочка глубоко вдохнула и посмотрела в сторону зеленых полей. На улице она выглядела еще бледнее, на виске проступала голубая жилка.

В спальне девочки день тянулся бесконечно. Анна шептала молитвы и читала свои книги. Либ принялась читать скучную статью про грибок из журнала «Круглый год». Анна выпила еще две ложки воды. Они сидели всего в нескольких футах друг от друга. Время от времени Либ бросала на девочку взгляд поверх страницы. Странно чувствовать себя настолько привязанной к другому человеку.

Либ не могла даже сходить в туалет, пришлось воспользоваться ночным горшком.

— Тебе тоже нужно, Анна?

— Нет, спасибо, мэм.

Либ оставила горшок у двери, прикрыв его тряпкой. Она с трудом сдерживала зевоту.

— Хочешь прогуляться?

— А это можно? — оживилась Анна.

— Конечно, если я пойду с тобой.

Либ хотела проверить выносливость Анны, посмотреть, мешают ли девочке двигаться отеки на ногах. Кроме того, ей нестерпимо было оста-

ваться в этой тесной комнатушке.

На кухне Розалин О'Доннелл на пару с Китти снимали ситечками сливки с молока. По виду горничная была раза в два меньше хозяйки.

— Тебе что-нибудь нужно, детка? — спросила Розалин.

— Нет, спасибо, мамочка.

Пища, подумала Либ, необходимая вещь для каждого ребенка. Разве кормление ребенка с первых дней жизни — не главное занятие матери? Худшее огорчение для женщины — это когда ребенка нечем накормить. Или видеть, как ребенок отворачивает маленький рот от еды.

— Мы пойдем прогуляемся, — сказала ей Либ.

Женщина прихлопнула жирную муху и вернулась к своему занятию.

Существуют лишь два возможных объяснения безмятежности ирландки, решила Либ. Или она настолько уверена в Божественном вмешательстве, что не беспокоится за дочь… или знает, что девочка тайком получает еду.

Анна шла, шаркая ногами и тяжело ступая в мальчишеских ботинках, и, когда переносила вес с одной ноги на другую, слегка пошатывалась.

— Ты укрепляешь шаг мой, — пробормотала она, — да не колеблются ноги мои.

— У тебя болят колени? — спросила Либ, когда они шли по тропинке мимо суетливых коричневых куриц.

— Не особенно, — подставляя лицо солнцу, ответила Анна.

— Это все поля твоего отца?

— Он берет их в аренду, — уточнила девочка. — У нас нет своих.

До сих пор Либ не видела никаких наемных работников.

— Он сам делает всю работу?

— Ему помогал Пэт, когда был с нами. Здесь растет овес, — сказала Анна.

В поле, покосившись, стояло перепачканное пугало в коричневых штанах. Похоже, на нем старая одежда Малахии О'Доннелла.

— А на том поле заготавливают сено, но дожди всегда его портят.

Либ показалось, что она узнала низкие растения с зелеными листьями: вожделенный картофель.

Дойдя до проулка, они свернули на тропу, уводящую от деревни, по которой Либ еще не ходила. Какой-то дочерна загорелый мужчина с рассеянным видом чинил каменную стенку.

— Бог в помощь, — молвила Анна.

— И вам тоже, — откликнулся он.

— Это наш сосед мистер Коркоран, — прошептала она Либ.

Наклонившись, Анна сорвала коричневатый стебель со звездообразным цветком. Потом высокую траву с тускло-фиолетовым верхом.

— Любишь цветы, Анна?

— О да! Особенно лилии, конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что это любимые цветы Девы Марии.

Анна говорила о Святом Семействе так, словно это ее родственники.

— Где ты могла видеть лилии? — спросила Либ.

— На картинках, много раз. Или водяные лилии на озере, хотя они не такие. — Присев на корточки, она погладила мелкий белый цветок.

— Что это?

— Росянка, — ответила Анна. — Посмотрите.

Либ всмотрелась в круглые листья на стеблях. Они были покрыты чем-то наподобие липкого пуха с черными крапинками.

— Росянка ловит насекомых и всасывает их, — прошептала Анна, словно боясь побеспокоить растение.

Неужели ребенок прав? Очень интересно, но и страшно тоже. Похоже, у девочки есть тяга к науке.

Поднявшись на ноги, Анна покачнулась и глубоко вздохнула.

Голова закружилась? Не привыкла к физическим нагрузкам, подумала Либ, или ослабла от недоедания? Если даже ее голодание — надувательство, это не означает, что Анна получает полноценное питание, необходимое для подрастающей девочки. Эти выпирающие лопатки говорят о недоедании.

— Может быть, пора возвращаться? — предложила Либ.

Анна не стала возражать. Устала или просто послушалась?

Когда они пришли к дому, Китти была в спальне. Либ собиралась отчитать ее, но служанка наклонилась к ночному горшку — наверное, чтобы оправдать свое присутствие там.

— Принести вам миску болтушки, госпожа?

— Хорошо, — ответила Либ.

Когда Китти через минуту принесла миску, оказалось, что это каша. Вероятно, это весь ее обед. Четверть пятого, сельское время.

— Возьмите соль.

При виде солонки с маленькой ложечкой Либ покачала головой.

— Берите, — сказала Китти, — это отпугивает мелюзгу.

Либ искоса взглянула на горничную. Она говорит о мухах?

Как только Китти вышла из комнаты, Анна заговорила:

— Она имеет в виду маленький народец.

Либ не поняла.

Девочка задвигала пухлыми руками, изображая танец.

— Феи?

Невероятно!

Девочка скорчила гримаску:

— Им не нравится, когда их так называют.

Она чуть заметно улыбалась, словно обе они знали, что в каше не барахтаются никакие крошечные существа.

Совсем недурно — овсяная каша была сварена скорее на молоке, чем на воде. Однако Либ с трудом глотала в присутствии ребенка, чувствуя себя неотесанной крестьянкой, набивающей рот в присутствии изысканной дамы. Дочь мелкого арендатора земли, напомнила себе Либ. К тому же плутовка.

Анна штопала разорвавшуюся нижнюю юбку. Она не смотрела с вожделением на ужин Либ и не отводила взгляда, как если бы боролась с искушением. Она лишь продолжала делать аккуратные маленькие стежки. Либ прикинула, что если даже девочка съела что-нибудь ночью, то после семи часов надзора она уже проголодалась бы, поскольку выпила лишь три чайные ложки воды. Как она выносит пребывание в комнате, где разносится аромат теплой каши?

Либ дочиста выскребла миску, чтобы ничего не осталось. Как ей не хватает свежеиспеченного хлеба!

Немного погодя к ним зашла Розалин О'Доннелл, чтобы показать новую фотографию.

— Мистер Рейли подарил нам одну копию.

Отпечаток был удивительно четким, хотя все оттенки оказались искажены: серое платье обесцветилось до белизны ночной сорочки, а клетчатая шаль стала черной как смоль. Девочка на фотографии, чуть улыбаясь, смотрела в сторону, на невидимую сиделку.

Анна лишь на миг взглянула на снимок, как будто из вежливости.

— И рамка такая красивая, — сказала миссис О'Доннелл, поглаживая литое олово.

Простая, необразованная женщина, подумала Либ. Может ли человек, бесхитростно восторгающийся дешевой рамкой, придумать столь замысловатый трюк? Либ украдкой взглянула на Анну. Не исключено, что виновата только эта хитрющая крошка. Еще до начала наблюдения, начавшегося этим утром, девчонка без ведома семьи могла легко запастись всей необходимой едой.

— Эта фотография встанет на каминной полке рядом с бедным Пэтом, — с восхищением разглядывая снимок с расстояния вытянутой руки, добавила Розалин О'Доннелл.

Кто знает, не бедствует ли сын О'Доннеллов там, в Штатах? Или, быть может, родители не имеют об этом понятия? Иногда эмигранты пропадали и от них не было никаких вестей.

Когда хозяйка вернулась на кухню, Либ уставилась в окно, рассматривая траву, примятую колесами фургона Рейли. Потом, повернувшись, она наткнулась взглядом на ужасные ботинки Анны. Либ пришло в голову, что мать парня назвала его бедным Пэтом, потому что тот был слабоумным от рождения, дурачком. Это объясняло бы его странную развязную позу на семейной фотографии. Но в таком случае как могли О'Дон-

неллы отправить несчастного в Америку? Так или иначе, не стоит обсуждать этот предмет с его младшей сестрой.

Еще несколько часов кряду девочка перебирала свои священные карточки — по сути дела, играла с ними, нежно прикасаясь к ним, внимательно вглядываясь и время от времени что-то бормоча. Так обычно девочки играют с игрушками.

Либ в это время листала небольшую книгу, которую всегда возила с собой, — «Заметки по сестринскому делу», дар от автора.

В половине девятого она решила, что Анне пора ложиться спать.

Девочка перекрестилась и переоделась в ночную сорочку, с опущенными глазами застегивая пуговицы спереди и на рукавах. Потом сложила одежду и положила ее на комод. Она не воспользовалась ночным горшком, так что Либ по-прежнему нечего было измерять. Девочка из воска, а не из плоти.

Когда Анна развязала волосы и стала причесываться, то на расческе осталось довольно много темных прядей. Это обеспокоило Либ. Чтобы ребенок терял волосы, как немолодая женщина… «Она сама делает это с собой, — напомнила себе Либ. — Это часть продуманного обмана, с

помощью которого она собирается одурачить весь свет».

Анна вновь осенила себя крестным знамением и забралась в кровать. Потом села, опершись на валик, и принялась читать псалмы.

Либ сидела у окна, глядя, как на западе небо окрашивается оранжевыми полосами. Могла она пропустить какой-то крошечный тайник с едой? Сегодня ночью девочке может выпасть верный шанс, когда на месте Либ окажется монахиня. Достаточно ли хорошо видят глаза стареющей сестры Майкл? Достаточно ли она сообразительна?

Китти внесла тонкую свечу в широком латунном подсвечнике.

— Сестре Майкл понадобятся еще свечи, — сказала Либ.

— Сейчас принесу одну.

— Мало будет и полдесятка. — (У горничной слегка отвисла челюсть.) — Знаю, что это очень хлопотно, но постарайся достать лампы. — Либ старалась говорить примирительно.

— Сейчас китовое масло очень дорого.

— Тогда пусть будет другое масло.

— Завтра попробую что-нибудь найти, — с зевком ответила Китти.

Через несколько минут она вернулась с молоком, овсяными лепешками и маслом — ужином Либ.

Намазывая маслом лепешку, Либ украдкой наблюдала за Анной, которая была по-прежнему увлечена книгой. Настоящий подвиг — весь день ничего не есть и делать вид, что не замечаешь пищу. Такая выдержка в столь юном создании — твердость, даже честолюбие. Если эти способности направить на благие цели, как многого могла бы достичь Анна О'Доннелл! Имея опыт ухода за разными женщинами, Либ знала, что самообладание важнее едва ли не любого другого таланта.

Либ прислушивалась к позвякиванию посуды и невнятным голосам, доносящимся с той стороны полуоткрытой двери. Даже если мать и не причастна к обману, она, по крайней мере, наслаждается всей этой суетой. И у входной двери стоит ящик с деньгами… Как там говорится в той старой пословице? «Дети — богатство бедняка». Имеется в виду богатство в метафорическом смысле, но иногда и в буквальном.

Анна переворачивала страницы, беззвучно шепча слова.

На кухне произошло какое-то движение. Либ

высунула голову и увидела монахиню, которая снимала черный плащ. Она вежливо кивнула сестре Майкл.

— Вы преклоните вместе с нами колени, сестра? — спросила миссис О'Доннелл.

Монахиня пробормотала, что не хочет заставлять миссис Райт ждать.

— Ничего страшного, — вынуждена была сказать Либ.

Она вновь повернулась к Анне, которая стояла у нее за спиной — немного призрачная в ночной рубашке, — и Либ вздрогнула. В руке девочка держала нитку коричневых семян.

Анна проскользнула мимо Либ и встала коленями на земляной пол между родителями. Монахиня и горничная уже преклонили колена, и каждая сжимала маленький крестик на четках.

— Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.

Пять голосов в унисон произносили слова молитвы.

Теперь Либ едва ли могла уйти, потому что глаза сестры Майкл были закрыты, а ее лицо, обрамленное громоздким головным убором, склонялось над сложенными руками. Никто не

следил за Анной. Так что Либ вошла и села на табурет у стены, откуда ей хорошо было видно девочку.

Бессвязное бормотание перешло в «Отче наш», которую Либ помнила с юности.

— И остави нам долги наши, — тут все они в унисон ударили каждый себя в грудь, чем напугали Либ, — якоже и мы оставляем должникам нашим.

Либ подумала, что, может быть, теперь они встанут и пожелают друг другу спокойной ночи. Но нет, группа погрузилась в молитву «Аве Мария», потом следующую, и следующую. Это было нелепо. Неужели Либ застрянет здесь на весь вечер? Она заморгала, чтобы увлажнить утомленные глаза, но не сводила их с Анны и ее родителей, чьи широкие фигуры почти загораживали девочку. Чтобы передать кусок, хватило бы мимолетного встречного движения рук. Либ слегка прищурилась, удостоверившись, что ничто не коснулось красных губ Анны.

Взглянув на часы, висящие у пояса, Либ поняла, что прошла четверть часа. Во время этого изнурительного действа девочка ни разу не покачнулась, не опустилась. Либ изредка обводила взглядом комнату, чтобы дать глазам отдых.

Между двумя стульями был привязан толстый муслиновый мешочек, с которого капало в таз. Что бы это могло быть?

Потом слова молитвы изменились.

— К Тебе взываем, изгнанные чада Евы…

Наконец вся эта морока подошла к концу. Католики вставали, потирая затекшие ноги, и Либ могла теперь уйти.

— Доброй ночи, мамочка, — сказала Анна.

— Через минуту приду с тобой попрощаться.

Либ взяла плащ и сумку. Она упустила случай наедине поговорить с монахиней. В присутствии ребенка она не смогла бы выговорить: «Ни на секунду не спускайте с нее глаз».

— Увидимся утром, Анна.

— Доброй ночи, миссис Райт.

Направляясь в сторону деревни, Либ повернула налево в том месте, где тропинка от дома О'Доннеллов доходила до переулка. Еще не совсем стемнело, и горизонт у нее за спиной по-прежнему отсвечивал красным. В теплом воздухе пахло животными и дымом горящего торфа. От долгого сидения у Либ болело все тело. Ей действительно нужно было поговорить с доктором Макбрэрти о неудовлетворительных условиях надзора, но не в эту позднюю пору.

Что же ей удалось разузнать? Мало или почти ничего. Пожалуй, единственным секретом, который хранила Анна О'Доннелл, были слова наиболее часто повторяемой ею молитвы.

Впереди на дороге показался чей-то силуэт с длинным ружьем на плече. Либ сжалась. Ей не приходилось оказываться ночью на улице в сельской местности.

Первой к ней подошла собака, обнюхав юбку Либ. Потом, чуть заметно кивнув, мимо прошел мужчина.

Настойчиво заголосил петух. Из коровника гуртом выходили коровы, а хозяин за ними следом. Либ полагала, что фермеры выгоняют скот днем, а на ночь загоняют в хлев, чтобы животные были в безопасности, а не наоборот. Это место представлялось ей совершенно непонятным.

Глава 2. Надзор

Надзор
наблюдать
охранять кого-либо
бодрствовать всю ночь
нести вахту

В ее сне мужчины всегда просили табака. Полуголодные, немытые, с волосами, кишащими насекомыми, с искромсанными конечностями в окровавленных бинтах, они умоляли лишь о том, чтобы было чем набить их трубки. Когда Либ проходила мимо, они протягивали к ней руки. Через треснутые окна задувало снегом, а дверь все хлопала и хлопала…

— Миссис Райт!

— Я здесь, — хриплым голосом отозвалась Либ.

— Четверть пятого, вы просили вас разбудить.

Либ находилась в комнате над пабом, в самом сердце Ирландии. Голос, прозвучавший вслед за хлопаньем двери, вероятно, принадлежал Мэгги Райан.

— Да, — откашлялась Либ.

Одевшись, она достала «Заметки по сестрин-

скому делу» и, не глядя, открыла книгу, ткнув пальцем в случайную строчку. Как та игра с гаданием по Библии, в которую они с сестрой играли в скучные воскресные дни. Женщины, прочитала она, гораздо чаще бывают *точными и внимательными*, чем представители сильного пола, и поэтому *избегают ошибок по недосмотру*.

Но невзирая на все вчерашние усилия, Либ пока не удалось раскрыть обман. Сестра Майкл пробыла там всю ночь. Может быть, она разгадала загадку? Либ в этом сомневалась. Вероятно, монахиня сидела с полузакрытыми глазами, перебирая четки.

Ну уж нет, Либ не согласна, чтобы ее одурачил ребенок одиннадцати лет. Сегодня надо быть еще более точной и внимательной и доказать себе, что она достойна надписи на этой книге, сделанной красивым почерком мисс Н.: «Миссис Райт, обладающей истинным призванием к сестринскому делу».

Леди всегда пугала Либ, и не только при первой встрече. Каждое произнесенное мисс Н. слово звучало как с высокой кафедры. «Никаких отговорок, — внушала она новобранцам. — Упорно работайте и ни в чем не отказывайте Богу. Пусть земной шар вертится, а вы исполняйте свой долг.

Не жалуйтесь, не отчаивайтесь. Лучше утонуть в волнах прибоя, чем праздно стоять на берегу».

В частной беседе она как-то заметила: «У вас есть одно важное преимущество перед вашими коллегами-сестрами, миссис Райт. Вы одинокая. Ни с кем не связаны».

Либ опустила взгляд на свои руки. Без связей. Опустошенная.

«Так скажите, вы готовы к этой благородной борьбе? Можете без колебаний броситься на прорыв?»

«Да, — ответила тогда Либ. — Могу».

Все еще темно. Только убывающая луна освещала путь по единственной деревенской улице, потом поворот направо, в переулок, мимо наклонившихся, покрытым мхом надгробий. К счастью, Либ не была суеверной. Без лунного света она ни за что не нашла бы нужную, еле заметную тропинку, ведущую к ферме О'Доннеллов, поскольку все хижины выглядели одинаково. Было без четверти пять, когда она постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Либ не хотела стучать сильней, чтобы никого не потревожить. Из дверей коровника, справа от нее, лился свет. Похоже, женщины доят коров. Отзвук мелодии — одна из них, вероятно, пела

коровам. На этот раз не гимн, а заунывная баллада — они Либ никогда не нравились.

В ее глазах небесный свет сияет,
Как хороша, сама она не знает.
И ангел пожелал ее забрать,
Уж не вернется на Лох-Ри она опять.

Либ толкнула входную дверь хижины, и распахнулась верхняя ее часть.

В пустой кухне пылал камин. В углу кто-то шуршал — крыса? В Шкодере Либ перестала бояться грызунов и прочую нечисть. На ощупь найдя задвижку, она открыла нижнюю часть двери. Потом пересекла комнату и наклонилась, чтобы заглянуть в зарешеченную нижнюю часть буфета.

Глаза-бусинки курицы. Всего около десятка птиц, которые принялись тихо кудахтать. Либ подумала, что их заперли от лисиц.

Она заметила только что снесенное яйцо. Ей пришло в голову, что, возможно, Анна О'Доннелл высасывает яйца ночью и съедает скорлупу, не оставляя следов.

Отступив назад, Либ споткнулась обо что-то белое. Блюдце, край которого высовывался из-под буфета. Какая беспечная прислуга! Либ подняла

блюдце, и из него пролилась жидкость, замочив ей манжету. Фыркнув, она отнесла блюдце к столу.

Только теперь до нее дошло. Либ лизнула мокрую руку — безошибочный вкус молока. Стало быть, великая притворщица не выдумывает особых сложностей. Нет нужды доставать яйцо, когда для нее приготовлено блюдце молока, которое она, как собака, вылакает в темноте.

Либ испытывала скорее разочарование, чем триумф. Чтобы обнаружить такое, вряд ли нужна обученная медсестра. Похоже, ее работа окончена и еще до восхода солнца она отправится в повозке на железнодорожную станцию.

Дверь со скрипом открылась, и Либ резко обернулась, словно это ей приходится что-то прятать.

— Миссис О'Доннелл…

Ирландка приняла обвинение за приветствие.

— С добрым утром, миссис Райт. Надеюсь, вы выспались?

За ее спиной стояла Китти, согнувшись под тяжестью двух ведер.

Либ подняла блюдце — как она сейчас заметила, со щербинами в двух местах.

— Кто-то в этом доме прячет молоко под буфетом. — (Розалин О'Доннелл разомкнула обветрен-

ные губы, словно собираясь рассмеяться.) — Могу лишь предположить, что ваша дочь украдкой пьет это молоко.

— В таком случае вы предполагаете чересчур много. Нет такого фермерского дома в наших краях, в котором не оставляли бы на ночь блюдце с молоком.

— Для маленького народца, — словно дивясь невежеству англичанки, с полуулыбкой проговорила Китти. — А иначе они обидятся и станут ругаться.

— Вы полагаете, я поверю, что молоко для фей?

Розалин О'Доннелл сложила на груди костистые руки:

— Верьте, во что вам угодно. Капля молока никому не навредит.

Либ лихорадочно соображала. Обе — хозяйка и прислуга — могут и не сообразить, почему молоко было под буфетом. Хотя это еще не значит, что Анна О'Доннелл четыре месяца кряду не пила по ночам из блюдца для фей.

Наклонившись, Китти открыла низ буфета:

— А ну, кыш отсюда! В траве полно слизней. — И она принялась подолом подгонять куриц к двери.

Открылась дверь спальни, и выглянула мона-

хиня, говоря, как обычно, шепотом:

— Что-то случилось?

— Ничего не случилось, — ответила Либ, не желая говорить о своих подозрениях. — Как прошла ночь?

— Спокойно, слава Богу.

То есть сестра Майкл не поймала девочку за едой. Но насколько она старалась, веруя в то, что неисповедимы пути Господни? Либ пока не могла уразуметь, будет толк от монахини или она станет лишь помехой.

Миссис О'Доннеллл сняла с огня котелок. Взяв швабру, Китти принялась выметать из буфета к двери зеленоватый куриный помет.

Монахиня вновь исчезла в спальне, оставив дверь приоткрытой.

Либ как раз снимала плащ, когда со двора вошел с охапкой торфа Малахия О'Доннелл.

— Миссис Райт…

— Мистер О'Доннелл…

Он свалил торф у огня, потом повернулся, чтобы уйти.

Либ не забыла спросить его:

— Скажите, есть тут где-нибудь напольные весы, чтобы я взвесила Анну?

— Нет.

— Тогда как же вы взвешиваете скот?

Малаки почесал багровый нос:

— На глазок, думаю.

Из спальни послышался детский голос.

— Она уже проснулась? — с просиявшим лицом спросил отец.

Пройдя мимо него, миссис О'Доннелл вошла к дочери в тот момент, когда оттуда вышла с сумкой сестра Майкл.

Либ двинулась вслед за матерью, однако отец поднял руку:

— Вы хотели спросить… еще о чем-то.

— Разве?

Либ уже следовало находиться рядом с ребенком, чтобы не было промежутка между сменой одной сестры и следующей. Но она не могла взять и уйти во время разговора.

— О стенах. Китти сказала, вы спрашивали про них.

— О стенах, да.

— Туда кладут немного… навоза вперемешку с глиной. А для связывания — вереск и шерсть, — сказал Малахия О'Доннелл.

— Шерсть — неужели?

Либ скосила глаза в сторону спальни. Может ли этот явно находчивый мужик быть подсадной

уткой? Могла ли его жена зачерпнуть немного еды из котелка, прежде чем метнуться в спальню к дочери?

— И кровь, и капля пахты, — добавил он.

Либ уставилась на него. Кровь и пахта — как приношение на некий примитивный алтарь.

Когда Либ наконец попала в спальню, то нашла там Розалин О'Доннелл, сидящую на маленькой кровати, и Анну на коленях подле матери. За это время девочка вполне успела бы проглотить пару лепешек. Либ кляла себя за нелепую вежливость, которая заставила ее болтать с фермером. А также и монахиню за то, что так быстро улизнула. Учитывая, что накануне вечером Либ осталась на чтение молитв, неужели монахиня не могла задержаться утром на минуту? И более того, та должна была дать Либ, как более опытной медсестре, полный отчет о ночной смене.

Анна говорила тихим, но ясным голосом. Непохоже было, что она минуту назад запихивала в себя еду.

— Он пребывает во мне, а я пребываю в Нем.

Эти строчки напоминали стихи, но, зная ребенка, можно было догадаться, что это Священное Писание.

Мать не молилась, а лишь кивала, как обожа-

тель на балконе.

— Миссис О'Доннелл, — обратилась к ней Либ.

Розалин О'Доннелл приложила палец к сухим губам.

— Вы не должны здесь находиться, — сказала Либ.

— Неужели мне нельзя поздороваться с Анной? — Розалин О'Доннелл наклонила голову набок.

Анна с непроницаемым лицом и виду не подала, что слышит.

— Только не так, — с расстановкой произнесла Либ, — без одной из сестер. Вы не должны врываться в комнату Анны раньше нас или иметь доступ к ее вещам.

Ирландка поднялась с упрямым видом:

— И какая мать не захочет помолиться с собственным дорогим чадом?

— Вы, безусловно, вправе приветствовать ее утром и вечером. Это все для вашего блага, вашего и мистера О'Доннелла, — добавила Либ, чтобы смягчить последующие слова. — Но вы ведь хотите доказать свою непричастность к каким бы то ни было уловкам?

Вместо ответа Розалин О'Доннелл фыркнула. Выходя, она бросила через плечо:

— Завтрак в девять.

Оставалось еще почти четыре часа. Либ очень хотелось есть. Но на фермах свой распорядок дня. Надо было утром попросить хоть что-то у прислуги Райан в пабе — хотя бы корку хлеба.

В школе Либ с сестрой всегда испытывали голод. Это было время, когда они хорошо ладили — общие для двух узниц чувства, как поняла сейчас Либ. Умеренность в еде считалась в особенности благотворной для девочек, потому что нормализует пищеварение и воспитывает характер. Либ полагала, что у нее достаточно самообладания, но чувство голода отвлекало, заставляя думать только о еде. Поэтому во взрослой жизни она старалась никогда не пропускать приема пищи.

Анна перекрестилась и поднялась с колен:

— С добрым утром, миссис Райт.

Либ рассматривала девочку с недовольством, смешанным с уважением:

— С добрым утром, Анна.

Даже если девочка съела или выпила что-то во время дежурства монахини или только что с матерью, этого было не много — самое большее кусок со вчерашнего утра.

— Как прошла ночь?

Либ достала свою записную книжку.

— Ложусь я, сплю и встаю, — снова перекрестившись и сняв ночной колпак, процитировала Анна, — ибо Господь защищает меня.

— Отлично, — произнесла Либ, не зная, что еще сказать.

Она заметила внутри колпака много выпавших волос.

Девочка расстегнула ночную рубашку, приспустила ее и завязала рукава вокруг пояса. Странная диспропорция между худыми плечами и пухлыми запястьями и кистями, между узкой грудью и раздутым животом. Потом она ополоснулась водой из таза.

— Пусть лицо твое засияет… — еле слышно проговорила она, после чего, дрожа, вытерлась.

Либ вытащила из-под кровати пустой ночной горшок:

— Ты пользовалась им, девочка?

Анна кивнула:

— Сестра отдала его Китти, чтобы вылила во дворе.

Что в нем было? Надо было спросить, но Либ не решилась.

Анна вновь натянула на плечи ночную рубашку. Потом смочила небольшую тряпицу и, засунув руку под рубашку, застенчиво протерла каждую

ногу, балансируя на другой. Чтобы не упасть, она держалась за комод. Сорочка, панталоны, платье и чулки, которые она надела, были вчерашними.

Обычно Либ настаивала на ежедневной смене белья, но в такой бедной семье не чувствовала себя вправе это сделать. Перед тем как начать осмотр девочки, она развесила простыни и одеяло на спинке кровати для проветривания.

Вторник, 9 августа, 5:23.

Выпила одну чайную ложку воды.

Пульс: 95 ударов в минуту.

Дыхание: 16 вдохов в минуту.

Температура нормальная.

Всегда было сложно оценить температуру. Это зависело от того, теплей или холодней были в тот момент пальцы медсестры, чем подмышка пациента.

— Высунь, пожалуйста, язык.

Либ взяла себе за правило осматривать язык пациента, хотя обычно затруднялась определить, что он говорит о здоровье. Язык Анны был красным, необычно плоским в задней части, в то время как обыкновенно там бывают мелкие бугорки.

Приложив стетоскоп к пупку Анны, Либ услышала слабое бульканье. Правда, это могло быть

вызвано смешиванием воздуха и воды и не доказывало присутствия пищи. Она написала:

Звуки в полости живота неопределенного происхождения.

Сегодня надо будет спросить доктора Макбрэрти об этих опухших лодыжках и кистях. Либ считала весьма сомнительным, что любые симптомы, сопровождающие ограничение в еде, идут на пользу, и рано или поздно они заставят девочку отказаться от этой нелепой затеи. Либ перестелила постель, разгладив простыни.

В этот второй день сиделка и подопечная освоились с новым распорядком. Они читали — Либ заинтересовалась нечестивыми делами мадам Дефарж[4], описанными в журнале «Круглый год», — и немного поболтали. Девочка на свой возвышенный лад была очаровательна. Либ трудно было свыкнуться с мыслью, что Анна — обманщица, большая лгунья в краю, известном своими лгунами.

По несколько раз в час Анна шептала какие-то слова — как полагала Либ, молитву к Доротее. Помогало ли ей это укреплять решимость всякий

---

[4] Примечания: 4

Мадам Дефарж — героиня исторического романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах» о временах Великой французской революции.

раз, как ее желудок сжимался от голода?

Позже Либ вывела Анну на прогулку, но только во двор фермы, потому что по небу ходили тучи. Либ обратила внимание на запинающуюся походку Анны, но девочка сказала, что она всегда так ходит. Гуляя, она распевала гимны, как бравый солдат.

— Ты любишь загадки? — спросила Либ во время паузы в пении.

— Я никаких не знаю.

— Не может быть! — Либ помнила детские загадки более живо, чем все, что приходилось заучивать в школе. — Вот, послушай: «Нет такого царства на земле, которое я не прошел бы из конца в конец. День ли, ночь ли — меня нет, и меня не видно. Что я такое?»

У Анны был озадаченный вид, и Либ повторила загадку еще раз.

— Меня нет, и меня не видно, — сказала Анна. — Значит ли «меня нет» — я не существую или меня не увидеть?

— Второе, — подсказала Либ.

— Кто-то невидимый, — пробормотала Анна, — странствующий по всей земле…

— Или что-то невидимое, — вставила Либ.

Брови девочки разгладились.

— Ветер?

— Очень хорошо. Ты быстро схватываешь.

— Еще одну, пожалуйста.

— Хм, посмотрим… «Земля белым-бела, — начала Либ. — На ней черные семена. Пусть умный школяр загадку отгадает».

— Бумага и на ней написано чернилами?

— Умница.

— Это из-за слова «школяр».

— Тебе надо вернуться в школу, — сказала Либ.

Анна перевела глаза на корову, жующую траву:

— Мне хорошо дома.

— Ты умная девочка.

Комплимент прозвучал скорее как обвинение.

На небе сгущались тучи, и Либ заспешила с Анной в душную хижину. Но дождь так и не пошел, и она пожалела, что они не остались на улице дольше.

Китти наконец принесла завтрак Либ — два яйца и чашку молока. На этот раз голод заставил Либ есть так быстро, что на зубах заскрипели кусочки скорлупы и песок. Яйца воняли торфом — без сомнения, их пекли в золе.

Как может этот ребенок выносить не только голод, но и скуку? Остальное человечество ис-

пользует приемы пищи для разделения дня. Это и награда, и развлечение — тиканье внутренних часов. Для Анны каждый день во время надзора проходил как один бесконечный момент.

Девочка приняла ложку воды, будто некое пряное вино.

— Что такого особенного в воде? — спросила Либ.

Анна сконфузилась.

Либ подняла чашку с молоком:

— Какая разница между водой и молоком?

Анна запнулась, словно ей загадали очередную загадку.

— В воде ничего нет.

— В молоке нет ничего, кроме воды и питательных веществ из травы, которую съедает корова.

Анна, слегка улыбаясь, покачала головой.

Вошла Китти, чтобы забрать поднос, и Либ умолкла.

Она наблюдала за девочкой, вышивающей цветок на уголке носового платка. Та низко склонилась над работой, от усердия высунув кончик языка.

Вскоре после десяти часов послышался первый стук в дверь. Либ услышала приглушенный разговор. Потом в дверь спальни постучала Розалин

О’Доннелл и, глядя мимо сиделки, проговорила:

— К тебе гости, детка. С полдесятка, некоторые прибыли из Америки.

Оживленность крупной ирландки покоробила Либ, словно она компаньонка на первом балу дебютантки.

— По-моему, следует на время отменить подобные визиты, миссис О’Доннелл.

— Почему же? — Хозяйка дернула головой в сторону гостевой комнаты. — Они кажутся приличными людьми.

— Надзор требует соблюдения порядка и покоя. И нет возможности проверить, что у них может быть с собой…

— В каком смысле?

— Ну, еда, — сказала Либ.

— В этом доме и так есть еда, и нет нужды привозить ее с той стороны Атлантики! — хохотнула Розалин О’Доннелл. — Анна ни кусочка не ест. Неужели вы не увидели тому доказательств?

— Мне надлежит не допустить, чтобы кто-нибудь передал девочке еду и, кроме того, чтобы не было тайников, которые она может найти потом.

— Зачем им это, если они проделали весь этот путь с целью увидеть удивительную девчушку,

которая не ест?

— Тем не менее…

Миссис О'Доннелл поджала губы:

— Гости уже в доме, и сейчас поздно выставлять их, а не то сильно обидятся.

В этот момент Либ пришло на ум захлопнуть дверь спальни и привалиться к ней спиной.

Однако ее удержал холодный взгляд женщины.

Либ решила уступить, а позже переговорить с доктором Макбрэрти. *Проиграешь битву, выиграешь войну*. Она отвела Анну в гостевую комнату и встала прямо за стулом девочки.

Посетителями оказались джентльмен из западного порта Лимерик с женой и свойственниками, а также мать и дочь их знакомой, приехавшие из Бостона. Старшая американка сообщила, что обе, мать и дочь, медиумы.

— Мы верим, что мертвые разговаривают с нами. — (Анна кивнула, не выказав никакого удивления.) — Случай с тобой, моя дорогая, поражает нас как замечательное доказательство силы духа.

Дама наклонилась и сжала пальцы девочки.

— Никаких контактов, пожалуйста, — произнесла Либ, и посетительница отпрянула.

В дверь заглянула миссис О'Доннелл, предлагая гостям чашку чая.

Либ была убеждена, что женщина провоцирует ее. «Никакой еды», — беззвучно шевеля губами, предупредила она.

Один из гостей расспрашивал Анну о дате ее последнего приема пищи.

— Седьмого апреля, — ответила она.

— В тот день тебе исполнилось одиннадцать лет?

— Да, сэр.

— И как, по-твоему, тебе удается так долго выживать?

Либ ожидала, что девочка пожмет плечами или скажет, что не знает. Вместо этого она пробормотала слово, похожее на «мама».

— Говори громче, малышка, — попросила старшая ирландка.

— Я питаюсь манной небесной, — произнесла девочка так просто, словно сказала: «Я питаюсь молоком с отцовской фермы».

Пытаясь скрыть свои чувства, Либ на миг прикрыла глаза.

— Манна небесная, — повторила младшая женщина-медиум для старшей.

— Только подумай!

Посетители принялись доставать подарки. Из Бостона привезли игрушку под названием тауматроп[5]. У Анны есть нечто подобное?

— У меня нет никаких игрушек, — ответила девочка.

Им понравилась очаровательная серьезность ее тона. Джентльмен из Лимерика показал Анне, как скручивать две бечевки диска, а потом вращать его, чтобы картинки с двух сторон сливались в одну.

— Вот птичка попала в клетку, — удивлялась Анна.

— Ага! — воскликнул он. — Это просто иллюзия.

Движение диска замедлилось, и он остановился, так что клетка осталась на заднем плане, а птичка на переднем порхала на свободе.

Китти принесла чай, а потом жена джентльмена подарила нечто еще более удивительное: грецкий орех, раскрывшийся в руке Анны, из которого выпал скомканный шарик. Расправившись, он оказался парой необычайно тонких

---

[5] Примечания: 5

Тауматроп — игрушка, основанная на оптической иллюзии: при быстром вращении кружка́ с двумя рисунками, нанесенными с разных сторон, они воспринимаются как один; была особенно популярна в Викторианскую эпоху.

желтых перчаток.

— «Куриная кожица», — поглаживая перчатки, сказала дама. — Последний писк моды во времена моего детства. Нигде в мире их не делают, кроме Лимерика. Я носила эту пару полвека, и они не порвались.

Анна натянула перчатки на пухлые пальцы. Перчатки были для нее длинноваты.

— Господи благослови тебя, дитя!

После чаепития Либ строгим тоном сказала, что Анне нужно отдохнуть.

— Сначала прочитаешь с нами короткую молитву? — спросила женщина, подарившая ей перчатки.

Анна взглянула на Либ, которой пришлось кивнуть.

— О Мария, тихий свет, — начала девочка, — О, пусть я буду твоим чадом. Пожалей меня, дозволь прийти к тебе.

— Прекрасно!

Пожилая женщина хотела подарить гомеопатические тонизирующие пилюли.

— Ах, оставьте их себе, — покачала головой Анна.

— Она не может принять их, мама, — шепотом напомнила дочь женщины.

— Не думаю, что рассасывание под языком считается приемом пищи.

— Благодарю, не надо, — сказала Анна.

Когда они вышли из комнаты, Либ стала прислушиваться к звону монет, падающих в ящик.

Розалин О'Доннелл снимала с крюка над догорающим огнем котелок, стряхивая с крышки золу. Взяв тряпку, она подняла крышку и вынула круглый хлеб с крестом наверху.

Здесь все связано с религией, подумала Либ. К тому же она уразумела, почему вся еда отдавала торфом. Если она останется здесь на все две недели, то поглотит добрую пригоршню болотистой почвы. От одной мысли об этом у нее свело рот.

— Это были последние допущенные посетители, — твердым голосом сказала Либ хозяйке.

Анна, опершись на дверь, смотрела, как группа садится в коляску.

Розалин О'Доннелл, тряхнув юбками, выпрямилась:

— Для ирландцев гостеприимство — священный закон, миссис Райт. Если кто-то постучится в дверь, мы обязаны впустить человека, накормить и дать приют, даже если на полу кухни уже вповалку спят люди. — Широким жестом она словно обняла толпу невидимых гостей.

Гостеприимство, как бы не так!

— Это не значит, что нужно принимать нищих, — заметила Либ.

— Богатый или бедный, мы все равны перед Господом.

Ее благочестивый тон вывел Либ из себя.

— Эти люди — глупцы. Им так не терпится увидеть вашу дочь, которая якобы живет без еды, что они готовы заплатить за эту привилегию.

Анна вращала тауматроп, на него упал свет.

— Что плохого в том, что при виде Анны им хочется сделать пожертвование? — поджав губы, поинтересовалась миссис О'Доннелл.

Девочка подошла к матери и вручила ей подарки. Чтобы отвлечь женщин от спора, подумала Либ.

— Они, конечно, твои, детка, — сказала Розалин.

Анна покачала головой:

— Разве мистер Таддеус не говорил про тот золотой крест, который на днях оставила одна женщина, что его можно продать и собрать хорошую сумму для бедных?

— Но это всего лишь игрушки, — ответила мать. — Ну, перчатки в футляре — их, пожалуй, можно продать… — Она повернула грецкий орех

на ладони. — А эту крутящуюся штуку оставь. Ну какой от нее вред? Если только миссис Райт не усмотрит что-нибудь.

Либ придержала язык.

Она вошла в спальню перед Анной и опять обследовала все поверхности — пол, шкатулку с сокровищами, комод, постель.

— Вы сердитесь? — спросила Анна, крутя в пальцах тауматроп.

— Из-за игрушки? Нет-нет.

Все-таки что за ребенок, несмотря на все туманные стороны ее положения!

— Тогда из-за посетителей?

— Пожалуй. В душе они не пекутся о твоем благополучии.

В кухне прозвенел колокольчик, и Анна снова опустилась на колени. Неудивительно, что голени девочки в синяках. Шли минуты, и комнату заполняли молитвы «Ангелуса». Словно тебя заперли в монастыре, подумала Либ.

— Через Христа, Господа нашего. Аминь.

Анна встала, ухватившись за спинку стула.

— Тебе нехорошо? — спросила Либ.

Покачав головой, Анна поправила шаль.

— Как часто вам надо делать все это?

— Только в полдень, — ответила девочка. —

Лучше было бы читать в шесть утра, а также вечером, но мама, папа и Китти очень заняты.

Вчера Либ совершила ошибку, сказав прислуге, что может подождать с обедом. На этот раз она позвала Китти и попросила что-нибудь поесть.

Китти принесла свежего сливочного сыра. Видимо, эта штука висела тогда в мешочке между двумя стульями. В хлебе, еще теплом, на вкус Либ, было чересчур много отрубей. Ожидая нового осеннего урожая картофеля, семья вынуждена была постепенно опустошать все припасы.

Хотя Либ уже привыкла есть в присутствии Анны, но по-прежнему чувствовала себя свиньей, уткнувшейся рылом в корыто.

Покончив с едой, Либ начала читать роман «Адам Бид»[6]. Когда в час дня в дверь постучала монахиня, Либ вздрогнула — она почти позабыла, что ее дежурство должно закончиться.

— Посмотрите, сестра, — сказала Анна, вращая тауматроп.

— Что за вещица!

Либ поняла, что и в этот раз двум сиделкам не удастся поговорить с глазу на глаз. Подойдя

---

[6] Примечания: 6

«Адам Бид» — роман Джорджа Элиота — псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс (1819–1880); необыкновенно популярный и, возможно, лучший пасторальный роман в английской литературе.

ближе и наклонившись к чепцу монахини, она прошептала:

— Пока я не заметила ничего предосудительного. А вы?

— Ничего, — отозвалась сестра и, замявшись, добавила: — Нам нельзя совещаться.

— Да, но…

— Доктор Макбрэрти настаивал, чтобы мы не обменивались своими мнениями.

— Я не выпытываю у вас ваше мнение, сестра, — резко ответила Либ. — А хочу знать лишь основные факты. К примеру, вы записываете количество экскрементов? Я имею в виду, твердых?

— Ничего подобного не было, — тихо ответила монахиня.

Либ кивнула.

— Я объяснила миссис О'Доннелл, что не должно быть никаких контактов без присмотра, — продолжала она. — Разрешим только обниматься с родителями утром и вечером при отходе ко сну. И ни один из них не должен входить в комнату, когда там нет Анны.

Монахиня напоминала безгласного наемного участника похоронной процессии.

Либ пробиралась по грязному проулку с рытви-

нами, заполненными водой после ночного дождя, в которой отражалось голубое небо.

Она пришла к выводу, что в отсутствие второй сестры, работающей согласно высоким стандартам Либ, то есть по стандартам самой мисс Н., вся затея с надзором могла провалиться. При недостатке надлежащей бдительности по отношению к хитрому ребенку все усилия и затраты могут оказаться напрасными.

И все же Либ до сих пор не нашла доказательств обмана. Если не считать, разумеется, одной огромной лжи — утверждения о том, что Анна живет без пищи.

Манна небесная — вот о чем она позабыла спросить сестру Майкл. Либ могла не особо доверять суждению монахини, однако эта женщина наверняка знает Библию.

В тот день было довольно жарко. Либ сняла плащ и несла его на руке. Подергав за воротник платья, она пожалела, что оно такое толстое и колючее.

В комнате над лавкой Либ переоделась в простой зеленый костюм. Невмоготу было даже ненадолго оставаться в доме — она и так полдня провела взаперти.

Внизу двое мужчин выносили из коридора

легко узнаваемый предмет. Либ отпрянула.

— Прошу прощения, миссис Райт, — сказала Мэгги Райан, — они мигом вынесут его.

Либ смотрела, как мужчины обносят неукрашенный гроб вокруг прилавка.

— Мой отец к тому же и гробовщик, — объяснила девушка, — у него есть для аренды пара двуколок.

Значит, экипаж за окном при необходимости используется в качестве катафалка. Сочетание занятий Райана показалось Либ отталкивающим.

— Тихое у вас тут место.

Мэгги кивнула, как раз когда за гробом захлопнулась дверь.

— Пока не настали тяжелые времена, нас было в два раза больше.

«Нас» — имелось в виду жителей этой деревни или графства? Или, может быть, всей Ирландии? «Тяжелые времена», как полагала Либ, наступили десять или пятнадцать лет назад, когда случился ужасный неурожай картофеля. Она попыталась вспомнить подробности, но в памяти осталось только мелькание жирных заголовков в газетах. В молодые годы Либ не читала газет, а лишь просматривала их. Каждое утро она сворачивала «Таймс» и клала у тарелки Райта — весь тот год,

когда была его женой.

Либ вспомнила про нищих.

— По пути сюда я видела много одиноких женщин с детьми, — обратилась Либ к Мэгги Райан.

— Многие мужчины уехали только на сезон — на уборку урожая в ваших краях, — ответила Мэгги, и Либ поняла, что она имеет в виду Англию. — Но большинство молодежи настроено на Америку, и тогда уже домой не возвращаются.

Девушка вздернула подбородок, словно говоря: «Этой молодежи, не привязанной к родному месту, скатертью дорога!» Судя по лицу, самой Мэгги было не больше двадцати.

— А тебя это не привлекает?

— Как говорят, в гостях хорошо, а дома лучше. — В ее тоне слышалась скорее покорность, чем теплота.

Либ попросила девушку объяснить дорогу к дому доктора Макбрэрти.

Дом доктора, стоящий в конце переулка, в некотором отдалении от дороги на Атлон, имел внушительный вид. Прислуга, столь же немощная, как ее хозяин, проводила Либ в кабинет. Вставая, Макбрэрти сорвал с носа восьмиугольные очки.

«Тщеславие? — подумала она. — Он думает, что

без них выглядит моложе?»

— Добрый день, миссис Райт. Как поживаете?

«Утомлена, — хотелось сказать Либ. — Разочарована. Со всех сторон препятствия».

— Хотите сообщить мне нечто срочное? — спросил он, и они сели.

— Срочное? Не совсем.

— Значит, ни намека на обман?

— Нет подтверждающих доказательств, — поправила его Либ. — Но я подумала, вы могли бы навестить вашу пациентку и посмотреть сами.

— О, уверяю вас, я постоянно думаю о крошке Анне. — Его впалые щеки порозовели. — По сути дела, меня настолько тревожит надзор, что я решил на время устраниться, чтобы впоследствии меня не обвинили в оказании давления на ваши заключения.

Либ чуть заметно вздохнула. По-прежнему казалось, Макбрэрти полагает, будто наблюдение докажет: эта маленькая девочка — современное чудо.

— Меня беспокоит пониженная температура Анны, особенно в конечностях.

— Любопытно. — Макбрэрти потер подбородок.

— У нее нехорошая кожа, — продолжала Либ, —

а также ногти и волосы. — Это звучало как статья из косметического журнала. — И все ее тело покрыто тонким пушком. Но больше всего меня беспокоят отеки на ногах, на лице и руках тоже, но хуже всего на нижних конечностях. Она вынуждена носить старые ботинки брата.

— Мм… Да, Анна некоторое время страдает водянкой. Тем не менее она не жалуется на боль.

— Она вообще ни на что не жалуется, — заметила Либ.

Доктор кивнул, словно эти слова убедили его.

— Дигиталис — испытанное лекарство против задержки жидкости, но, разумеется, она не станет ничего принимать внутрь. Можно прибегнуть к безводной диете…

— Еще больше ограничить прием жидкости? — повысив тон, спросила Либ. — Она и так получает лишь несколько чайных ложек воды в день.

Доктор Макбрэрти подергал себя за бакенбарды:

— Полагаю, я мог бы механически уменьшить отеки ног.

Он имеет в виду кровопускание? Или медицинские пиявки? Либ пожалела, что заговорила об этом с человеком столь допотопных взглядов.

— Но это все-таки рискованно. Нет-нет, надеж-

ней наблюдать и ждать.

Либ было не по себе. Если Анна подвергает опасности собственное здоровье, чья это вина, как не ее? Или вина того человека, который принуждает ее к этому.

— Она не похожа на ребенка, четыре месяца не получавшего еды, верно? — спросил доктор.

— Совершенно не похожа.

— В точности мои мысли! Удивительная аномалия.

Но старик неправильно ее понимает. Он сознательно закрывает глаза на очевидный вывод: ребенка каким-то образом кормят.

— Доктор, вам не кажется, если бы Анна действительно не получала никакого питания, она была бы совершенно истощена? Конечно, вы, должно быть, повидали много голодающих пациентов во время неурожая картофеля, гораздо больше, чем я, — желая польстить его опыту, добавила Либ.

— Получилось так, что в то время я был еще в Глостершире, — покачал головой Макбрэрти. — Это имение досталось мне по наследству только пять лет назад. Поскольку оказалось невозможным сдавать его в аренду, я решил вернуться сюда и открыть практику. — Он поднялся на ноги,

словно давая понять, что разговор окончен.

— И еще, — поспешно продолжила Либ, — не могу сказать, что полностью доверяю своей коллеге-сестре. Непростая задача — быть постоянно начеку, особенно в ночную смену.

— Но сестра Майкл в этом поднаторела, — возразил Макбрэрти. — Она двенадцать лет прослужила медсестрой в благотворительном лазарете Дублина.

О! Почему никто не сказал об этом Либ?

— А в доме призрения в полночь идут на вечерню, а на рассвете — на утреню.

— Понимаю, — подавленно произнесла Либ. — Знаете, главная проблема в том, что условия в их хижине не подходят для наблюдений. Я не могу взвесить ребенка, и освещение явно недостаточное. В комнату Анны легко зайти из кухни, и любой может войти, когда мы ходим на прогулку. Если вы с вашим авторитетом не вмешаетесь, миссис О'Доннелл не позволит мне даже закрыть дверь перед почитателями, а это мешает мне тщательно за ней следить. Не могли бы вы написать записку о том, что посетители не должны допускаться?

— Да-да, конечно.

Макбрэрти вытер перо о тряпицу и взял чи-

стый лист бумаги. Потом порылся в нагрудном кармане.

— Мать может воспротивиться, если к ним не допустят посетителей, потому что лишится денег. — Продолжая рыться в кармане, старик заморгал слезящимися глазами. — Но все пожертвования попадают в ящик для бедных, который мистер Таддеус дал О'Доннеллам. Вы не понимаете этих людей, мэм, если думаете, что они присвоят хотя бы фартинг.

Либ поджала губы.

— Вы, случайно, не очки ищете? — Она указала на очки, лежащие среди бумаг.

— А, очень хорошо. — Водрузив очки на нос, доктор принялся писать. — Можно спросить, как вам показалась Анна в других отношениях?

В других отношениях?

— Вы имеете в виду душевный настрой?

— Характер, я думаю.

Либ растерялась. *Милая девочка… Но отъявленная плутовка.* Должно быть… Или нет?

— В основном спокойна, — сказала она. — То, что мисс Найтингейл называла кумулятивным темпераментом, когда постепенно накапливаются впечатления.

При упоминании этого имени Макбрэрти за-

метно просиял, и Либ даже пожалела, что назвала его. Подписав записку, доктор свернул ее и вручил Либ.

— Не могли бы вы послать записку к О'Доннеллам, чтобы сегодня же положить конец этим визитам?

— Да-да, разумеется. — Он вновь снял очки и сложил их трясущимися пальцами. — В недавнем номере «Телеграф» есть потрясающая статья. — Макбрэрти поворошил газеты на столе, не находя нужной. — Там говорится о нескольких прежних случаях постящихся девочек, живущих без пищи, — так, по крайней мере, казалось, — поправил он себя, — в Британии и за границей, на протяжении столетий.

Неужели? Либ никогда не слышала об этом феномене.

— Автор предполагает, что они… э-э… не хочу заострять на этом внимание — поглощали свои менструации. Существовали за счет продуктов жизнедеятельности собственного организма.

Какая причудливая теория. Но этому ребенку всего одиннадцать.

— По моему мнению, Анна еще не достигла половой зрелости. Похоже, ей до этого еще далеко.

— Мм, и то верно… — Макбрэрти сконфузился,

но вскоре уголки его рта приподнялись. — Подумать только, что я мог остаться в Англии, — пробормотал он, — и никогда не столкнулся бы с подобным случаем!

Выйдя из дома доктора, Либ побрела прочь, пытаясь размять затекшие ноги и стряхнуть с себя атмосферу затхлого кабинета Макбрэрти.

Проулок вывел ее на лесистый участок. Она заметила деревья с листьями как у дуба, но с более прямыми ветвями, чем у английских дубов. Проходя мимо изгородей из колючего дрока, Либ вдыхала аромат крошечных желтых цветков. Были там и склонившиеся к земле розовые цветы, без сомнения известные Анне О'Доннелл. Либ пыталась распознать птиц, чирикающих в кустах, но узнала лишь низкое гудение выпи, напоминающее сирену невидимого в тумане корабля.

На краю поля стояло одинокое дерево, которое выделялось своими свисающими ветвями. Либ шла по внешней борозде, ее ботинки уже сильно испачкались, так что можно было не беспокоиться о них. Дерево оказалось дальше, чем она думала, — на порядочном расстоянии от распаханных полос, за массивом обнажившегося серого известняка, растрескавшегося от солнца и дождя. Приблизившись к дереву, Либ поняла,

что это боярышник с молодыми красноватыми побегами на фоне глянцевитых листьев. Но что это за мох свисает лентами с розоватых ветвей?

Нет, это не мох. Шерсть?

Либ едва не угодила в крошечное озерцо в расселине скалы. В нескольких дюймах над водой замерли две слившиеся стрекозы. Может здесь быть родник? Ей вдруг ужасно захотелось пить. Когда она наклонилась, стрекозы улетели и вода показалась Либ такой же темной, как торфяная почва. Она зачерпнула немного ладонью. У воды был странный запах креозота, поэтому Либ, подавив жажду, вылила воду.

С веток боярышника свисала не шерсть, а что-то сделанное руками человека. Как необычно. Ленты, шарфы? Они так долго висели на дереве, что посерели и почти превратились в растения.

Вернувшись в дом Райана, Либ обнаружила в крошечной столовой рыжеволосого мужчину, который, поглощая отбивную, быстро заносил что-то в такую же, как у нее, записную книжку. Он вскочил на ноги:

— Вы не здешняя, мэм.

Как он догадался? Ее простой зеленый костюм, манера держаться?

Мужчина был примерно одного с ней роста, на

несколько лет моложе, с безошибочно ирландской молочной кожей, блестящими вьющимися волосами и акцентом, но не просторечным.

— Уильям Берн из «Айриш таймс».

А, тот писака, которого упоминал фотограф. Либ ответила на рукопожатие:

— Миссис Райт.

— Осматриваете достопримечательности Мидлендса?

Похоже, он не догадывается, зачем она здесь, — принял ее за путешествующую даму.

— А они тут есть? — Слова прозвучали весьма язвительно.

Берн хохотнул:

— Ну, это зависит от того, насколько вашу душу волнует таинственная атмосфера древних каменных кругов, кольцевых фортов или курганов.

— Я не знакома со вторым и третьим.

— Думаю, это вариации на тему каменного круга. — Он скорчил гримасу.

— Значит, здесь все достопримечательности каменистые и круглые? — спросила Либ.

— Если не считать одной новой, — ответил Уильям Берн, — чудесная девочка, питающаяся воздухом. — (Либ насторожилась.) — Не то, что я называю реальными новостями, но мой редактор

в Дублине говорит, что для августа сойдет. Однако на дороге у Маллингара моя лошадь повредила ногу, пришлось два дня ухаживать за ней, пока не поправится. А теперь, приехав сюда, я узнал, что меня не допускают в скромное жилище девочки!

Либ пришла в смятение. Вероятно, он пришел сразу после того, как О'Доннеллы получили записку от доктора. Право, если придать этому случаю больше публичности, разгорятся страсти. Надоедливое внимание газетного репортера только помешает надзору.

Либ хотелось извиниться и пойти наверх, пока Берн не наговорил чего-то еще про Анну О'Доннелл, но ей нужно было поужинать.

— Разве вы не могли оставить свою лошадь и нанять другую?

— Я боялся, если оставлю Полли, они пристрелят ее, вместо того чтобы кормить горячим пойлом из отрубей.

Либ улыбнулась, представив себе журналиста, скрючившегося у лошадиного стойла.

— Холодный прием в доме этого чудо-ребенка — настоящая катастрофа, — пожаловался Берн. — Я уже послал в газету по телеграфу язвительный отрывок, но теперь мне предстоит составить полный отчет и отослать его с ночным почтовым

дилижансом.

Он всегда так словоохотлив с незнакомцами? Либ ничего не пришло в голову, как только спросить:

— Почему язвительный?

— Знаете, это ведь не говорит о порядочности семьи, если меня не пустили даже на порог из опасения, что я с первого взгляда раскушу их вундеркинда.

Это было несправедливо по отношению к О'Доннеллам, но едва ли Либ могла сказать ему, что он сейчас разговаривает с той самой особой, которая настояла на отмене посетителей. Она скользнула взглядом по его блокноту.

До чего же безгранично легковерие человека, в особенности в сочетании с провинциальным невежеством. Однако «mundus vult decipi, ergo decipiatur», то есть «если мир желает обманываться, то пусть обманывается». Так говорил Петроний[7] *еще во времена Иисуса, и афоризм этот уместен и поныне.*

Вошла Мэгги Райан с элем для Берна.

— Отбивные отменные, — сказал он ей.

— Перестаньте, — насмешливо ответила она, —

---

[7] Примечания: 7

Петроний Арбитр (27–66) — автор древнеримского романа «Сатирикон»; считался законодателем вкуса при дворе императора Нерона.

голод — лучшая приправа.

— Я бы съела отбивную, — сказала Либ.

— Кончились, мэм. Есть баранина.

Выбора не было, и она согласилась на баранину. Потом склонилась над «Адамом Бидом», чтобы Уильям Берн не подумал засиживаться.

Когда в тот вечер в девять Либ подошла к хижине, она услышала жалобный хор молитв: «Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь».

Войдя, Либ села на трехногий табурет. Они бубнили что-то, как малые дети, перебирая четки. Голова сестры Майкл была поднята, взгляд направлен на девочку. На чем она сосредоточена — на Анне или на молитвах?

Девочка была уже в ночной рубашке. Либ наблюдала за ее губами, вновь и вновь повторяющими слова молитвы: «…ныне и в час смерти нашей. Аминь». Она поочередно останавливала взор на матери, отце, бедной кузине, стараясь угадать, кто из них этой ночью замышляет обмануть ее бдительность.

— Сестра, останетесь с нами на чашку чая? — немного погодя спросила Розалин О'Доннелл.

— Нет, миссис О'Доннелл, но премного благодарна.

Мать Анны выставляет напоказ свое благожелательное отношение к монахине, решила Либ. Разумеется, им по душе знакомая и безобидная сестра Майкл.

Розалин О'Доннелл сгребла лопаточкой в кружок тлеющие угли в очаге, потом положила туда свежие торфяные брикеты и, вновь опустившись на пятки, перекрестилась. Как только свежий торф вспыхнул, она зачерпнула из ведра золы и разбросала над пламенем, погасив его.

Либ в оцепенении размышляла о том, что время, подобно тлеющим углям, может оставаться неизменным. В этих полутемных лачугах ничего не меняется со времен друидов и не изменится никогда. *Ночь темна, и я далеко от дома.*

Пока монахиня надевала плащ в спальне, Либ расспросила ее о прошедшем дне.

Если верить сестре Майкл, девочка выпила три ложки воды и побывала на короткой прогулке. Никаких симптомов улучшения или ухудшения.

— Если вы заметите подозрительное поведение девочки, — шепотом спросила Либ, — надеюсь, вы сочтете это существенным фактом и расскажете мне?

Монахиня сдержанно кивнула.

Это сводило ее с ума: что они могли пропу-

стить? И все же девочке долго не продержаться. Либ почти не сомневалась, что поймает ее нынешней ночью.

Она рискнула сказать еще одно.

— Вот вам факт. Манна небесная, — пробормотала она в ухо сестры Майкл, — я слышала, как утром Анна сказала одному посетителю, что питается манной небесной.

Монахиня еще раз еле заметно кивнула. Просто дает понять, что услышала, или подтверждает возможность подобного?

— Я подумала, вы можете знать отсылки к Библии.

— Полагаю, Исход, — наморщила лоб сестра Майкл.

— Благодарю вас. — Либ искала еще какую-нибудь общую тему, на которой можно завершить разговор. — Меня всегда озадачивало, — заговорив громче, сказала она, — почему вас, сестер ордена Милосердия, называют странствующими монахинями?

— Мы, так сказать, выходим в мир, миссис Райт. Мы следуем обычным обетам любого ордена — бедность, целомудрие, смирение, но и также четвертому, служение.

Либ никогда прежде не слышала, чтобы мона-

хиня говорила так много.

— Какого рода служение?

Тут вмешалась Анна:

— Служение больным, бедным, невежественным.

— Крепко запомнила, дитя, — сказала монахиня. — Мы даем обет быть полезными.

Когда сестра Майкл вышла, без слов вошла Розалин О'Доннелл. Уж не отказывается ли она разговаривать с англичанкой после утренней перебранки по поводу посетителей? Розалин повернулась к Либ спиной, наклонившись, чтобы обнять хрупкую девочку. Либ слышала, как она шепчет ласковые слова, и видела, как опухшие кисти Анны опускаются вдоль туловища.

Затем женщина выпрямилась со словами:

— Пусть тебе хорошо спится сегодня, детка, и пусть тебе приснятся самые сладкие сны. Господень ангел, милый мой хранитель, кому Господь вручил свою любовь. — Она снова наклонилась, едва не касаясь лбом лба ребенка. — Пребудь в ночи рядом со мной, свети и храни, веди за собой.

— Аминь! — Девочка повторила вместе с матерью последнее слово. — Спокойной ночи, мамочка.

— Спокойной ночи, крошка.

— Доброй ночи, миссис О'Доннелл, — подчеркнуто вежливо вставила Либ.

Через несколько минут вошла горничная с лампой без абажура и поставила ее на комод. Чиркнув спичкой, она зажгла фитиль и перекрестилась.

— Вот, пожалуйста, мэм.

— Это нам очень пригодится, Китти, — сказала Либ. — Лампа была старомодной, с раздвоенным фитилем внутри конического стеклянного колпака, но свет от нее был белым. Либ принюхалась. — Это не китовое масло?

— Горючая жидкость.

— Какая?

— Не могу сказать.

Во времена бедствий нам надлежит быть мусорщиками. Сейчас Либ вновь вспомнила эти слова мисс Н. В Шкодере медсестрам приходилось рыться в кладовых в поисках хлорной извести, настойки опиума, одеял, носков, дров, муки, расчесок для вычесывания вшей… Если что-то не удавалось найти, приходилось импровизировать. Разорванные простыни становились повязками, из набитых всякой всячиной мешков сооружались матрасы. Отчаяние заставляло придумывать временные приспособления.

— Вот жестянка и ножницы для лампы, — добавила Китти. — Через шесть часов гасите фитиль, срезаете сгоревший кусок, подливаете жидкость и снова зажигаете фитиль. И опасайтесь сквозняков, как сказал парень, потому что от них сажа разлетится по комнате черным дождем!

Девочка стояла на коленях у кровати, сложив ладони для молитвы.

— Спокойной ночи, малышка, — широко зевнув, произнесла Китти и потащилась на кухню.

Либ открыла записную книжку на новой странице и взяла металлический карандаш.

Вторник, 9 августа, 21:27.

Пульс: 93 удара в минуту.

Дыхание: 14 вдохов в минуту.

Язык — без изменений.

Ее первое ночное дежурство. Либ всегда была не прочь работать в эти часы. В тишине и покое было что-то умиротворяющее. Она в последний раз провела ладонью по простыне. Поиск припрятанных объедков стал обычным делом.

Взгляд Либ упал на оштукатуренную стену, и она подумала о подмешанных туда навозе, шерсти, крови животных и пахте. Разве может такая поверхность быть чистой? Либ представила себе, как Анна лижет стену, чтобы хоть как-то насы-

титься, ведь есть дети, которые пригоршнями поедают землю. Но нет, от этого, несомненно, испачкался бы рот ребенка. Кроме того, с начала надзора Анна теперь никогда не остается одна. Свечи, одежда девочки, страницы ее книг, чешуйки собственной кожи — у нее не остается возможности незаметно проглотить что-то из этого.

Анна покончила с молитвами, прошептав напоследок молитву к Доротее. Потом, перекрестившись, забралась под серое одеяло. Ее голова покоилась на тонком валике.

— У вас нет другой подушки? — спросила Либ.

Полуулыбка.

— У меня вообще не было подушки, пока я в прошлом году не заболела коклюшем.

Какой-то парадокс: Либ надлежит открыть миру уловки девочки, а она между тем печется о том, чтобы Анна хорошо выспалась. Трудно отделаться от старых медсестринских привычек.

— Китти, — позвала Либ из-за двери. Супруги О'Доннеллы уже ушли, а горничная раскладывала на скамье старый матрас. — Можешь принести вторую подушку для Анны?

— Возьмите мою, — сказала горничная, протягивая ей комковатую подушку в хлопчатобумаж-

ной наволочке.

— Нет-нет…

— Берите, мне все равно. Я засыпаю на ходу.

— В чем дело, Китти? — послышался из закутка голос Розалин О'Доннелл.

— Она просит другую подушку для ребенка.

— Анне нездоровится? — отодвинув портьеру из мешковины, спросила мать.

— Просто хотела узнать, нет ли лишней подушки, — в замешательстве ответила Либ.

— Возьмите обе, — ответила Розалин О'Доннелл. Она появилась в ночной рубашке, с босыми ногами и положила свою подушку поверх Киттиной. — Детка, у тебя все хорошо? — просунув голову в спальню, спросила она.

— Очень хорошо, мамочка, — ответила Анна.

— Одной хватит, — сказала Либ, беря подушку Китти.

Миссис О'Доннелл стала принюхиваться:

— Тебя не мутит от запаха этой лампы, милая? Глазки не щиплет?

— Нет, мамочка.

Женщина выставляла напоказ свою заботу, пытаясь создать впечатление, что безжалостная сиделка причиняет ребенку вред, настаивая на чересчур ярком освещении.

Наконец дверь закрылась, и сиделка осталась наедине с ребенком.

— Ты, наверное, устала, — обратилась Либ к Анне.

Долгое молчание.

— Не знаю.

— Сегодня тебе, вероятно, будет трудно уснуть, поскольку ты не привыкла к лампе. Хочешь почитать? Или я тебе почитаю?

Ответа не было.

Либ подошла к девочке, которая уже, оказывается, уснула. Бледные пухлые щеки.

Питается манной небесной. Какой вздор! Что в точности означает эта манна — какой-то вид хлеба?

Книга Исхода, это в Ветхом Завете. Единственный библейский том, который попался Либ в ящичке с сокровищами Анны, был сборник псалмов. Либ пролистала его, стараясь не перепутать карточки. Ни одного упоминания о манне. Либ обратила внимание на одну фразу. *Дети, бывшие незнакомцами, лгали мне. Странные дети исчезли и сошли со своего пути.* Что бы это значило? Безусловно, Анна — странный ребенок. И она сошла с обычного пути девичества, вознамерившись лгать целому свету.

И тогда Либ осенило, что спрашивать нужно не о том, *как* ребенок мог совершить подобное мошенничество, а *зачем*? Верно, дети выдумывают всякие небылицы, но наверняка такого рода историю мог сочинить только ребенок с извращенной натурой. Анна не проявляет ни малейшего интереса к богатству. Обычно дети стремятся завоевать внимание, может быть, даже славу, но не такой ценой — пустой желудок, болящее тело, постоянные терзания о том, как поддержать эту ложь.

Если только О'Доннеллы не придумали этот чудовищный план, заставив Анну принять в нем участие, чтобы получать выгоду от посетителей, проторивших дорожку к их двери. Однако не похоже на то, что Анну к чему-то принуждают. В ней есть какая-то спокойная уверенность, самообладание, необычное для столь юного существа.

Разумеется, взрослые тоже, бывает, бесстыдно лгут, в особенности про самих себя. По опыту Либ знала, что люди, не способные и на грош обмануть продавца, станут врать о том, сколько бренди выпили или в чью комнату вошли и что там делали. Девушки с выпирающим из корсета телом отрицают свое положение, пока не начнутся схватки. Мужья клянутся всеми святыми,

что разбитые лица жен — не их рук дело. Каждый человек — вместилище секретов.

Священные карточки приводили Либ в смятение своими причудливыми деталями: у некоторых края как кружево, другие с экзотическими именами. Святой Алоизий Гонзага, святая Катерина Сиенская, святой Филипп Нери, святая Маргарита Шотландская, святая Елизавета Венгерская — подобно коллекции кукол в национальных костюмах. Как сказала недавно Анна, *Он может обратить любого*, любого грешника или неверующего. Целая серия посвящена страстям Христовым: «С Господа срывают одежду». Кому пришла в голову мысль дать в руки ребенку, тем более чувствительному, столь мрачные и сильные образы?

На одной карточке была изображена маленькая девочка в лодке с голубем над головой: «Божественный кормчий». Означает ли надпись, что Христос незримо управляет ее лодкой? Или, может быть, кормчий — это голубь. Разве не изображается зачастую Святой Дух в виде птицы? Или фигурка, которую Либ приняла за девочку, на самом деле — Христос с детскими пропорциями тела и длинными волосами?

Дальше женщина в пурпурном одеянии — Де-

ва Мария, как догадалась Либ, — приводит на водопой к водоему с мраморными бортиками стадо овец. Какая странная смесь утонченности и бесхитростности. На следующей карточке та же самая женщина бинтует овцу с раздутым животом. Либ долго билась с французской надписью. Получилось что-то вроде: «Мои овцы никогда не погибнут, и никто не отнимет их у меня».

Анна заворочалась, голова съехала с подушек и уперлась в плечо. Либ быстро вставила карточки в книгу.

Но Анна не просыпалась. У нее был ангельский вид, как у всех детей во сне. Мягкие линии лица не хранили никакой тайны. Либ напомнила себе, что сон даже взрослым придает невинный вид. *Лицемеры!*

Это заставило Либ вспомнить кое о чем: Мадонна с Младенцем. Она вынула из ящичка подсвечник. Что могла Анна вверить этой миниатюрной фигурке? Либ потрясла ее, никаких звуков. Полая трубка, открытая снизу. Она заглянула в темную голову Девы Марии в поисках крошечного припаса какой-нибудь очень питательной еды. Поднеся подсвечник к носу, Либ ничего не учуяла. Но потом нащупала пальцем с коротким ногтем… что-то едва ощутимое. Мини-

атюрный пакетик?

Достала из сумки ножницы и просунула лезвия в шероховатее нутро статуэтки, поворачивая их. Право, ей пригодился бы крючок, но где его достать посреди ночи? Она стала долбить сильней…

И вскрикнула, когда вещица развалилась на две части. В ее руках фарфоровый младенец откололся от фарфоровой матери.

Из тайника показался пакетик — после всего не такой уж важный. Либ развернула бумагу и нашла лишь прядь темноватых волос, но без рыжеватого оттенка, как у Анны. Пожелтевшая бумага была, судя по всему, оторвана от газеты «Фримэнз джорнал» примерно в конце прошлого года.

Итак, она напрасно испортила одно из сокровищ ребенка. Как какой-то неловкий новичок на первом дежурстве. Либ положила обломки в ящичек, засунув между ними пакетик с волосами.

Анна продолжала спать. Либ не на что больше было смотреть, нечего делать, как только уставиться на девочку наподобие верующего, благоговейно взирающего на икону. Пусть даже ребенок случайно урывает кусок — разве этого достаточно, чтобы умерить муки голода? Почему

они не терзают ее во время сна?

Либ повернула плетеный стул с твердой спинкой лицом к кровати. Села и распрямила плечи. Посмотрела на часы — 22:49. Не было нужды нажимать на кнопку, чтобы узнать время, но все же она это сделала, ощутив большим пальцем глухое биение — сначала десять быстрых и сильных ударов, затем удары ослабли.

Либ потерла глаза и остановила их на девочке. *Можете хотя бы час бодрствовать со мной?* Она вспомнила эту строчку из Евангелия. Но она не бодрствует с Анной. И не охраняет ее, чтобы уберечь от опасности. Просто наблюдает.

По временам Анна беспокойно вертелась. Сворачивалась под одеялом клубком. Может быть, ей холодно? Второго одеяла нет — еще одно, о чем нужно спросить Китти, пока та не легла. Либ накрыла девочку клетчатой шалью. Анна что-то бормотала, словно произнося молитвы, но это не доказывало, что она не спит. На всякий случай Либ не стала ничего говорить. Мисс Н. никогда не разрешала им будить пациента, поскольку внезапное пробуждение может принести большой вред.

Лампу требовалось дважды в сутки настраивать и один раз наполнять — громоздкая, вонючая

штуковина. После полуночи Либ показалось, что О'Доннеллы разговаривают у камина на кухне. Уточняют свои планы? Или просто бессвязно болтают, как это часто бывает у людей между первым и вторым сном? Голоса Китти слышно не было. Возможно, горничная так устала, что не проснулась от шума.

В пять часов утра, когда в дверь спальни постучала монахиня, Анна, размеренно дыша, спала глубоким сном.

— Сестра Майкл… — Либ вскочила на онемевшие ноги.

Монахиня учтиво кивнула.

Анна заворочалась и повернулась на другой бок. Либ невольно сдержала дыхание, чтобы убедиться, что девочка спит.

— Я не смогла найти Библию, — прошептала Либ. — Что именно представляла собой эта манна небесная?

Монахиня колебалась, видимо раздумывая, допускает ли инструкция разговоры подобного рода.

— Если мне не изменяет память, манна падала каждый день, чтобы накормить детей израилевых, когда они спасались бегством в пустыне от преследователей. — Монахиня вынула из сумки

черный том и стала перелистывать шуршащие страницы из гладкой белой бумаги.

Сестра Майкл, водя по бумаге толстым пальцем, просмотрела одну страницу, потом предыдущую.

— «…а поутру лежала роса около стана; роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни *нечто* мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле. И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу»[8].

— Значит, это зерно? — спросила Либ. — Твердое, хотя описано как роса?

Сестра вела пальцем по странице, остановившись на другой строчке:

— «И нарек дом Израилев *хлебу* тому имя: манна; она была как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом»[9].

Либ поразила наивность и простодушие этого — мечта ребенка о том, что можно подбирать с земли сладкую еду. Или, например, найти в лесу пряничный домик.

— Есть что-то еще?

---

[8] Примечания: 8
Исход, 16: 13–15.

[9] Примечания: 9
Исход, 16: 31.

— «Сыны Израилевы ели манну сорок лет…»[10] — прочитала монахиня и захлопнула Библию.

Значит, Анна О'Доннелл верит, что питается каким-то небесным росяным зерном, манной. Либ так и подмывало наклониться к женщине и сказать: «Хотя бы раз, сестра Майкл, откажитесь от своих предрассудков и признайте, что все это вздор».

Но разве Макбрэрти не запретил подобного рода обсуждение? Опасаясь, что англичанка преуспеет в выметании паутины предрассудков метлой логики? К тому же лучше не спрашивать. Плохо, конечно, что обе они работают под надзором доктора, этого престарелого знахаря. Если бы Либ получила подтверждение своему опасению, что ее напарница верит, будто бы ребенок питается каким-то сверхъестественным хлебом, как могла бы она работать с ней дальше?

В дверях стояла Розалин О'Доннелл.

— Ваша дочь еще не проснулась, — сказала Либ.

Женщина исчезла.

— Кроме того, с этого дня лампу надо держать зажженной всю ночь, — сообщила Либ мона-

---

[10] Примечания: 10
Исход, 16: 35.

хине.

— Очень хорошо.

И наконец, маленькое унижение: Либ открыла ящичек и показала разбитый подсвечник.

— К сожалению, он упал и разбился. Передайте мое извинение Анне.

Соединяя фарфоровую мать с младенцем, сестра Майкл поджала губы.

Либ взяла плащ и сумку.

По дороге в деревню ее знобило. Ломило спину. Это от голода, подумала Либ, — ни кусочка во рту с ужина в гостинице накануне вечером. В голове туман. Она устала. Было утро среды, а с понедельника она почти не спала. И, что хуже всего, ее обманывает маленькая девочка.

К десяти Либ уже проснулась. Весь этот шум в лавке внизу очень мешал спать.

Мистер Райан, рыжеволосый хозяин, руководил двумя мальчишками, тащившими бочонки в погреб. Заходясь в отрывистом кашле, он сказал, что время завтрака прошло, потому что дочери надо кипятить простыни, так что миссис Райт придется подождать до полудня.

Сначала Либ хотела попросить почистить ей ботинки, но потом потребовала тряпку, ваксу и щетку, чтобы сделать это самой. Если они думают,

что англичанка высокомерна и боится испачкать ручки, то они ошибаются.

Вычистив ботинки до блеска, Либ села у себя в комнате и стала читать «Адама Бида», однако ее быстро утомили нравоучения мистера Элиота и досаждало урчание в животе. На той стороне улицы прозвучал колокол, созывающий на «Ангелус». Либ сверилась со своими часами, которые показывали две минуты первого.

Она спустилась в столовую, в которой никого не было. Должно быть, журналист вернулся в Дублин.

— Добрый день, миссис Райт, — сказала Анна, когда Либ вошла.

В комнате было душно. Девочка, как обычно, была при деле: вязала из кремовой шерсти чулок.

Либ посмотрела на сестру Майкл, вопросительно подняв брови.

— Ничего нового, — пробормотала монахиня. — Выпила две ложки воды. — Выходя, она закрыла за собой дверь.

Анна и словом не обмолвилась о разбитом подсвечнике.

— Может быть, скажете мне сегодня свое имя? — спросила она.

— Лучше я загадаю тебе загадку, — предложила Либ.

— Хорошо.

Либ продекламировала:

Без ног я, но пляшу,
Я как листва, но не расту на древе.
Как рыба я, но от воды умру.
Тебе я друг, но отойди, прошу.

— Отойди, прошу… — пробормотала Анна. — Ну а что случится, если не отойду? — (Либ выжидала.) — Боится воды. Нельзя трогать. Только пусть пляшет… — Девочка расплылась в улыбке: — Огонь!

— Отлично, — сказала Либ.

Этот день тянулся долго. Не так, как бывает в тишине затянувшегося ночного дежурства, то была скука, прерываемая постоянными вмешательствами. Дважды стучали во входную дверь, и Либ вся сжималась. Громкий разговор на пороге, потом в комнату Анны врывается Розалин О'Доннелл, чтобы объявить, что, согласно указанию доктора Макбрэрти, ей пришлось отправить восвояси посетителей. В первый раз полдесятка важных гостей из Франции, а потом группу с мыса Доброй Надежды, только подумайте! Эти

добрые люди узнали про Анну в Корке или Белфасте и прибыли на поезде и в экипаже, потому что не могли помыслить уехать из страны, не познакомившись с ней. Они умоляют, чтобы миссис О'Доннелл передала Анне этот букет, эти поучительные книги, их горячие приветы и сожаление, что им отказано хоть глазком посмотреть на чудесную маленькую девочку.

Когда постучали в третий раз, Либ написала объявление и попросила хозяйку приклеить его на входную дверь.

ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗДЕРЖИТЕСЬ ОТ СТУКА.
СЕМЬЯ О'ДОННЕЛЛ ПРОСИТ НЕ БЕСПОКОИТЬ.
МЫ
БУДЕМ ВАМ ОЧЕНЬ ПРИЗНАТЕЛЬНЫ.

Негромко фыркнув, Розалин взяла листок.

Продолжая вязать носок, Анна, казалось, не обращала внимания на происходящее. Либ подумала, что она проводит свой день как любая девочка — читает, шьет, ставит подаренные цветы в высокий кувшин, — с той разницей, что ничего не ест.

Делает вид, будто не ест, поправила себя Либ,

раздосадованная тем, что хоть на миг поверила этой лжи. Однако следовало признать, что во время дежурства Либ девочка не брала в рот ни крошки. Даже если в ночь понедельника монахиня заснула и Анна успела что-то перехватить, сейчас день среды, третьи сутки для Анны без пищи.

У Либ застучало в висках, ибо ее осенило: если строгий надзор не дает Анне доставать еду прежними методами, то девочка начнет по-настоящему страдать. Может ли надзор оказать обратное действие и превратить ложь О'Доннеллов в правду?

Из кухни то и дело доносились глухие удары и всплески — прислуга сбивала масло на старинной маслобойке. При этом она что-то бормотала себе под нос.

— Это гимн? — спросила Либ у девочки.

Анна покачала головой:

— Китти надо заговорить масло, чтобы получилось. — И она напела песенку:

Где ты, масло? Вот
Петр у ворот с нетерпеньем ждет
С нежным маслом торт.

Что происходит в голове у девочки, когда она

думает о масле и торте, размышляла Либ.

Уставившись на голубую жилку на тыльной стороне ладони Анны, она вспомнила о странной теории реабсорбции крови, упомянутой Макбрэрти.

— Думаю, у тебя еще нет менструаций? — тихо спросила Либ.

У Анны был непонимающий вид.

Как это называют ирландки?

— Месячных? У тебя были кровотечения?

— Несколько раз, — ответила Анна с прояснившимся лицом.

— Правда? — Либ была поражена.

— У меня во рту.

— О-о…

Неужели девочка одиннадцати лет может быть настолько наивной, что не знает о превращении в женщину?

Анна с готовностью засунула палец в рот, а когда вынула, кончик его был красным.

Либ корила себя за то, что внимательно не осмотрела десны девочки в первый же день.

— На минутку открой рот пошире. — Да, десны были рыхлыми, местами розовато-лиловыми. Она ухватилась за резец и подергала — немного качается? — Вот тебе еще одна загадка, — сказала

Либ, чтобы разрядить обстановку.

Белые овцы на красном холме.

То вперед идут, то назад,

То на месте стоят.

— Зубы! — невнятно вскрикнула Анна.

— Правильно. — Либ вытерла руку о фартук.

Она сразу поняла, что должна предупредить девочку, даже если это не входит в ее обязанности медсестры.

— Анна, мне кажется, ты страдаешь болезнью, характерной для долгих морских путешествий, когда люди плохо питаются.

Девочка слушала, наклонив голову, словно это был какой-то рассказ.

— Я здорова, — ответила она.

Либ скрестила на груди руки:

— На мой просвещенный взгляд, вовсе нет.

Анна только улыбнулась.

На Либ накатил приступ ярости. Вступать в эту ужасную игру девочке, обделенной здоровьем…

Китти внесла поднос с обедом для сиделки, впустив из кухни облако густого дыма.

— Неужели надо всегда топить камин, — спросила Либ, — даже в такой теплый день?

— Дым высушивает солому и сохраняет древе-

сину, — указывая на низкий потолок, ответила горничная. — Если не зажигать очаг, дом скоро рухнет.

Либ не собиралась спорить с ней. Существует ли хоть какая-то сторона жизни, на которую это создание не смотрит сквозь мутную призму предрассудков?

Сегодня обед состоял из трех крошечных рыбешек под названием плотва, которых хозяин выловил в озере. Почти безвкусные, но, по крайней мере, замена овсу. Мелкие рыбьи косточки Либ положила на край тарелки.

Проходили часы. Либ пыталась читать роман, но все время теряла нить повествования. Анна выпила две ложки воды и выделила немного мочи. Пока никаких явных доказательств. На несколько минут зарядил дождь, по маленькому оконцу стекали дождевые капли. Когда прояснилось, Либ захотелось прогуляться, но она опасалась, что в любой момент в переулке могут показаться энергичные просители, жаждущие хоть на миг увидеть Анну.

Девочка вынимала из книг свои священные карточки, нашептывая каждой из них милую чепуху.

— Прости меня, пожалуйста, за подсвечник, —

проговорила Либ. — Я такая неловкая, и вообще не стоило вынимать его из шкатулки.

— Я вас прощаю, — ответила Анна.

Либ не могла припомнить, чтобы кто-нибудь говорил ей подобные слова и столь официально.

— Знаю, он тебе нравился. Тебе ведь на первое причастие его подарили, верно?

Девочка достала из ящичка куски подсвечника и погладила трещину в месте соединения двух фарфоровых частей.

— Лучше не слишком привязываться к вещам.

Этот тон самоотречения привел Либ в уныние. Разве дети по своей природе не стараются все ухватить, изведать все жизненные удовольствия? Она припомнила слова молитвы: «…изгнанные чада Евы».

Анна взяла маленький пакетик с волосами и засунула его обратно вовнутрь Девы Марии.

Волосы более темнее, чем у нее. Подруги? Или брата? Да, Анна могла попросить у Пэта локон перед его отплытием в Америку.

— Какие молитвы читают протестанты? — спросила девочка.

Вопрос этот озадачил Либ. Она собралась с духом, чтобы дать банальный ответ по поводу схожести традиций. Но вместо этого неожиданно

для себя ответила:

— Я не молюсь. — (Анна широко раскрыла глаза.) — И уже много лет не хожу в церковь, — добавила Либ.

Назвался груздем — полезай в кузов.

— «Больше счастья, чем праздник», — процитировала Анна.

— Прошу прощения?

— Молитва приносит больше счастья, чем праздник.

— Похоже, это мне не помогает. — Собственное признание заставило Либ смутиться. — У меня не было ощущения, что я получаю отклик.

— Бедная миссис Райт, — пробормотала Анна. — Почему вы не хотите назвать свое имя?

— Почему бедная? — спросила Либ.

— Потому что ваша душа должна быть одинокой. Та тишина, которую вы слышали, когда пытались молиться, — знак, что вас слушает Господь.

Лицо ребенка сияло.

Шум у входной двери избавил Либ от продолжения разговора. Мужской голос перекрывал голос Розалин О'Доннелл. Разобрав лишь несколько слов, Либ поняла, что этот английский джентльмен рассержен. Потом входная дверь

захлопнулась.

Девочка даже не подняла глаз от книги «Сад души».

Пришла Китти, чтобы проверить, готова ли лампа к ночи.

— Я слыхала от одной женщины, — предостерегла она Либ, — что пары́ ночью загорелись и сожгли семью!

— Наверное, стекло у той лампы было закопченным, — сказала Либ, — так что не забудь почистить это стекло.

— Хорошо. — Китти зевнула, широко открыв рот.

Полчаса спустя рассерженный проситель вернулся.

Минуту спустя он входил в комнату Анны, а следом за ним Розалин О'Доннелл. Огромный выпуклый лоб, обрамленный длинными серебристыми кудрями. Он представился Либ как доктор Стэндиш, главный врач дублинского госпиталя.

— У него с собой записка от доктора Макбрэрти, — помахав листком, сказала Розалин О'Доннелл, — в которой тот просит нас сделать исключение и принять доктора Стэндиша как самого важного посетителя.

— Учитывая, что я здесь лишь по соображениям

профессиональной этики, — отрывисто начал Стэндиш с сильным английским акцентом, — я не намерен терять время, бегая взад-вперед по этим вонючим переулкам, чтобы получить разрешение осмотреть ребенка. — Он остановил на Анне бледно-голубые глаза.

У девочки был встревоженный вид. Боится, что этот врач обнаружит нечто такое, чего не заметили Макбрэрти и медсестры? Или просто дело в том, что этот человек такой строгий?

— Можно предложить вам чашку чая, доктор? — спросила миссис О'Доннелл.

— Нет, благодарю вас.

Это было сказано так отрывисто и резко, что мать попятилась, закрыв за собой дверь.

Доктор Стэндиш стал принюхиваться:

— Когда эту комнату последний раз окуривали, сестра?

— Свежий воздух поступает из окна, сэр…

— Позаботьтесь об этом, — сказал он. — Хлорная известь или цинк. Но сначала разденьте, пожалуйста, ребенка.

— Я уже сделала все ее обмеры, может быть, желаете взглянуть? — предложила Либ.

Доктор отмахнулся от записной книжки Либ, настояв на том, чтобы девочку раздели догола.

Стоя на плетеном коврике с опущенными вдоль тела руками, девочка дрожала. Острые лопатки и локти, выпуклые икры и живот. Анна не была бесплотной, но вся ее плоть опустилась вниз, словно девочка медленно таяла. Либ отвела глаза. Разве стал бы истинный джентльмен выставлять на всеобщее обозрение одиннадцатилетнюю девочку, как ощипанного гуся на крюке?

Не переставая отдавать команды, Стэндиш щупал Анну, обстукивал ее холодными инструментами.

— Высунь язык. — Он запустил палец ей в глотку, и Анна закашлялась. — Так больно? — спрашивал он, надавливая на ребра. — А так? Что-нибудь чувствуешь?

Анна на все качала головой, однако Либ ей не верила.

— Можешь сильней наклониться? Вдохни и задержи дыхание! — скомандовал доктор. — Покашляй. Еще. Сильней. Когда последний раз был стул?

— Не помню, — прошептала Анна.

Он надавил на деформированную ногу.

— Здесь больно? — (Анна чуть дернула плечами.) — Отвечай!

— Слово «больно» не годится.

— Ну а какое подошло бы?

— Гудение.

— Гудение?

— Кажется, что она гудит.

Стэндиш фыркнул и, приподняв опухшую стопу девочки, поскреб подошву ногтем.

Гудение? Либ попыталась представить себе, что она распухла и каждая клетка напряжена и готова лопнуть. Как будто ощущаешь высокочастотную вибрацию и все тело как натянутый лук?

Наконец Стэндиш велел девочке одеться и убрал инструменты в саквояж.

— Как я и думал, обычный случай истерии, — обронил он в сторону.

Либ пришла в замешательство. Девочка не была похожа на истеричку — ни тика, ни обмороков, ни паралича, ни конвульсий. Ни застывших взглядов, ни вскриков.

— У меня на отделении и прежде бывали ночные едоки — пациенты, не желавшие принимать пищу в чьем-либо присутствии, — добавил он. — Этот случай отличается только тем, что она сама довела себя до крайности частичного голодания.

Частичное голодание. Значит, Стэндиш полагает, что Анна таскает пищу по ночам, но в меньших количествах, чем необходимо? Или,

может быть, она получала почти достаточно до начала наблюдения в понедельник утром, но с тех пор совсем ничего? Либ ужасно боялась, что дело именно в этом. Ближе ли Анна к голоданию или нормальному здоровью? Как измерить степень жизнеспособности?

Завязывая тесемки на талии, Анна не подавала виду, что слышит слова доктора.

— Мое предписание очень простое, — сказал Стэндиш. — Кварта молока с арроурутом три раза в день.

Либ уставилась на него, потом произнесла:

— Она ничего не возьмет в рот.

— Тогда влейте это в нее, как в овцу, женщина!

Анна еле заметно вздрогнула.

— Доктор Стэндиш! — запротестовала Либ.

Она знала, что персонал психиатрических клиник и тюрем часто прибегает к насилию, но…

— Если мой пациент второй раз отказывается от еды, моим медсестрам предписан регламент использования резиновой трубки, сверху или снизу.

Либ не сразу поняла, что он имел в виду под словом «снизу». А когда поняла, шагнула вперед, встав между ним и Анной:

— Только доктор Макбрэрти может предписать

такое, с разрешения родителей.

— Именно этого я и опасался, когда прочитал об этом случае в газете! — разбрызгивая слюну, проговорил Стэндиш. — Заинтересовавшись дерзкой девчонкой — и выставляя с помощью официального надзора эту загадку в выгодном свете, — Макбрэрти сделал себя посмешищем. Нет, сделал посмешищем всю несчастную нацию!

Либ не могла с этим не согласиться. Она остановила взгляд на склоненной головке Анны:

— Но подобная строгость не нужна, доктор…

— Не нужна? — усмехнулся он. — Взгляните на ее состояние — короста, волосистость и отеки от водянки.

Хлопнув дверью спальни, Стэндиш вышел. В комнате воцарилась напряженная тишина. Либ слышала, как он на кухне пролаял что-то О'Доннеллам, а затем вышел к экипажу.

В спальню заглянула Розалин О'Доннелл.

— Ради бога, скажите, что случилось?

— Ничего, — ответила Либ, выдерживая взгляд женщины, пока та не ушла.

Она подумала, что Анна заплачет, но девочка, застегивая маленькие манжеты, лишь казалась задумчивой более обычного.

За плечами Стэндиша были годы, нет, десятилетия наблюдений и опыта, которого недоставало Либ и который ни одна женщина не могла бы приобрести. Покрытая пушком шелушащаяся кожа Анны, ее отеки малозначительны сами по себе. Но был ли доктор прав в том, что, сильно недоедая, девочка подвергает себя опасности? Либ захотелось вдруг обнять ребенка.

Разумеется, она сдержалась.

Она вспомнила веснушчатую медсестру из Шкодера, которая жаловалась на то, что им не разрешается следовать велениям сердца, например посидеть минут пятнадцать у постели умирающего, утешая его.

Ноздри мисс Н. затрепетали от гнева. *Знаете, что утешило бы этого человека, если это вообще возможно? Подушка, которую можно подложить под его ногу с искалеченным коленом. Так что не слушайте свое сердце, слушайте меня и занимайтесь делом.*

— Что значит «окуривать»? — спросила Анна.

Либ моргнула:

— Воздух можно очистить, сжигая определенные дезинфицирующие вещества. Моя наставница в это не верила.

Либ сделала два шага к кровати Анны и приня-

лась тщательно разглаживать простыни.

— Почему не верила?

— Потому что из помещения нужно убирать саму вредную вещь, а не просто запах от нее, — ответила Либ. — Моя наставница даже шутила на этот счет.

— Я люблю шутки, — сказала Анна.

— Ну, она говорила, что окуривания очень важны в медицине, поскольку дают такой гадкий запах, что приходится открывать окно.

Анна немного посмеялась:

— Она много шутила?

— Это единственная шутка, какую я могу припомнить.

— Какая в этой комнате вредная вещь?

Анна переводила взгляд со стену на стену, словно ожидая появления домового.

— Единственное, что вредит тебе, — это воздержание от пищи. — Слова Либ падали как камни в тихой комнате. — Твой организм нуждается в пище.

— Не в земной пище, — покачала головой девочка.

— Любой организм…

— Не мой.

— Анна О'Доннелл! Ты слышала, что сказал

доктор: частичное голодание.

— У него неверный взгляд, — возразила Анна.

— Нет, это у тебя неверный взгляд. Когда ты видишь кусок бекона, разве ничего не чувствуешь? — спросила Либ.

Маленький лоб наморщился.

— У тебя нет желания положить его в рот и разжевать, как ты делала одиннадцать лет?

— Больше нет, — ответила Анна.

— Ну и что же могло измениться?

Долгая пауза. Потом Анна сказала:

— Как будто это подкова.

— Подкова?

— Как будто бекон — это подкова, или бревно, или камень, — объяснила она. — В камне нет ничего плохого, но ведь не станешь его жевать, верно?

Либ уставилась на нее.

— Ваш ужин, мэм, — объявила Китти, входя с подносом и ставя его на кровать.

Когда в тот вечер Либ толкнула дверь паба, у нее тряслись руки. Во время передачи смены она собиралась перемолвиться парой слов с монахиней, но после встречи с доктором Стэндишем нервы никак не могли успокоиться.

Пьянствующих фермеров на этот раз не было.

Либ почти дошла до лестницы, когда в дверях бара возникла фигура.

— Вы не сказали мне, кто вы на самом деле, сестра Райт.

Писака. Либ про себя охнула.

— Вы еще здесь, мистер… Берк, кажется?

— Берн, — поправил он. — Уильям Берн.

Она нарочно неправильно произнесла фамилию, чтобы вызвать у него раздражение.

— Доброй ночи, мистер Берн. — Либ стала подниматься по лестнице.

— Будьте добры оказать мне любезность и задержаться на минуту. От Мэгги Райан я узнал, что именно вы не пустили меня в хижину.

Либ обернулась:

— По-моему, я не сказала ничего, что могло бы ввести вас в заблуждение по поводу моего присутствия здесь. Если вы сделали поспешные выводы…

— Ни по виду, ни по разговору вы не похожи ни на одну из известных мне медсестер, — перебил он ее.

Либ сдержала улыбку:

— Значит, ваш опыт ограничивался только старшим поколением.

— Допустим, — откликнулся Берн. — Так когда

я смогу поговорить с вашей подопечной?

— Я всего лишь защищаю Анну О'Доннелл от вторжений внешнего мира, включая, — добавила Либ, — и литературных подёнщиков.

Берн подошел ближе:

— А вы не считаете, что она привлекает внимание этого мира своим поведением фрика, совсем как фиджийская русалка в кинетоскопе?[11]

От этого сравнения Либ передернуло.

— Она всего-навсего маленькая девочка.

От пламени свечи в руке Уильяма Берна его волосы засияли медным блеском.

— Предупреждаю вас, мэм: я разобью лагерь у нее под окном. Буду скакать по-обезьяньи, прижмусь носом к стеклу и стану корчить рожи, пока ребенок не попросит впустить меня в дом.

— Вы этого не сделаете.

— Каким образом вы предполагаете остановить меня?

Либ вздохнула. Как ей хочется лечь спать.

— Сама отвечу на ваши вопросы, вас это устро-

---

[11] Примечания: 11

Фиджийская русалка — популярный в XIX в. экспонат, диковинка, представлявшая собой туловище и голову обезьяны, пришитые к задней части туловища крупной рыбы; объект представлялся как мумифицированное тело реального существа — «морской девы». *Кинетоскоп* — ранняя технология кинематографа для показа движущегося изображения, изобретенная в 1888 г. Томасом Эдисоном; предназначался для индивидуального просмотра через окуляр.

ит?

— Все вопросы? — Молодой человек скривил рот.

— Разумеется, нет.

— Тогда мой ответ «нет», — ухмыльнулся он.

— Делайте что хотите, — ответила Либ. — Я задерну занавески. — Поднявшись еще на две ступени, она добавила: — Если будете досаждать нам и мешать проведению надзора, то навредите своей репутации и принесете газете сомнительную славу. И без сомнения, навлечете на себя гнев комитета в целом.

— Вы знакомы с вашими нанимателями?! — раздался хохот парня. — Это отнюдь не гневный пантеон богов, вооруженных громами и молниями. Врач-шарлатан, падре, трактирщик и несколько их дружков, вот и весь ваш комитет.

Либ пришла в замешательство. Макбрэрти утверждал, что в комитет входят важные люди.

— Остаюсь при своем мнении, — сказала Либ, — от меня вы узнаете больше, чем от О'Доннеллов, которых намерены изводить.

— Отлично! — Берн смерил ее взглядом светлых глаз.

— Тогда завтра днем?

— Прямо сейчас, сестра Райт. — Он рукой пома-

нил ее вниз.

— Уже почти десять, — запротестовала Либ.

— Мой редактор спустит с меня шкуру, если я не пришлю со следующей почтой что-нибудь стоящее. Ну пожалуйста! — В его голосе было что-то мальчишеское.

Чтобы покончить с этим, Либ спустилась по лестнице и села за стол.

— Что у вас там? — кивнула она на его заляпанную чернилами записную книжку. — Гомер и Платон?

Берн с кривой улыбкой перелистывал свои записи:

— Разнообразные мнения попутчиков, которым сегодня было отказано в приеме. Целитель из Манчестера, намеревающийся вернуть девочке аппетит наложением рук. Какое-то медицинское светило, гораздо более меня разгневанное тем, что его отвергли.

Либ поморщилась. Последнее, что ей хотелось бы обсуждать, — доктор Стэндиш и его рекомендации. Ей пришло в голову, что, если журналист не видел вечером у Райана дублинского врача, значит Стэндиш сразу после осмотра Анны укатил в столицу.

— Одна женщина предложила купать девочку

в масле, чтобы какая-то его часть могла проникнуть в организм сквозь поры, — сказал Берн. — А некий мужчина уверял меня, что его кузен из Бостона достиг заметных результатов с магнитами. — (Либ тихо рассмеялась.) — Что ж, вы заставляете меня собирать все по крохам. — Берн снял колпачок с ручки. — Так зачем нужна вся эта таинственность? Что же вы помогаете О'Доннеллам скрыть?

— Напротив, для обнаружения обмана этот надзор проводится со всей возможной тщательностью, — ответила она. — Ничто не должно отвлекать нас от наблюдения за каждым движением девочки, чтобы увериться в том, что она не принимает пищу.

Берн перестал писать и откинулся на спинку скамьи:

— Довольно варварский эксперимент? — (Либ сжала губы.) — Предположим, озорница каким-то образом украдкой получала пищу с самой весны, — продолжал Берн, и в этой деревне фанатиков его реализм воспринимался с облегчением. — Но если ваш надзор столь безупречен, это означает, что Анна О'Доннелл не ест уже три дня.

Либ с трудом сглотнула. Именно этого она на-

чала опасаться, но не хотела признаваться в этом журналисту.

— Не думаю, что он настолько безупречен. Полагаю, что во время дежурства моей сменщицы… — Неужели она действительно собирается безосновательно обвинять свою коллегу? Либ вовремя остановилась. — Надзор проводится на благо Анны, чтобы освободить ее из пут обмана.

Безусловно, Анна стремится вновь стать обыкновенным ребенком, так ведь?

— Заставляя ее голодать?

У этого малого такой же аналитический ум, как у Либ, и более жесткий.

— «Надлежит проявить твердость, чтобы быть добрым», — процитировала Либ.

Берн узнал цитату:

— Гамлет убил троих или пятерых, если принять в расчет Розенкранца и Гильденстерна.

Невозможно состязаться по уму на равных с журналистом.

— Если Анна начнет слабеть, они выскажутся открыто, — настаивала Либ, — родители, горничная, тот, кто за этим стоит. Еще и потому, что я запретила собирать с посетителей пожертвования.

— Высказаться открыто, — поднял брови

Берн, — взять на себя вину и предстать перед судом за мошенничество?

Либ не подумала о криминальной стороне этого дела.

— Что ж, рано или поздно голодный ребенок дрогнет и признается.

Но, говоря это, Либ с ужасом поняла, что больше этому не верит. Анна неподвластна голоду.

— Мне пора спать, мистер Берн. — Либ вскочила на ноги.

Он разгладил свои волосы:

— Если вам действительно нечего прятать, миссис Райт, тогда впустите меня, чтобы я сам увидел девочку — минут на десять, — и в следующей статье я осыплю вас похвалами.

— Мне не по душе ваш торг, сэр.

На этот раз он отпустил ее.

Вернувшись в комнату, Либ пыталась уснуть. Эти восьмичасовые смены нарушали естественный ритм организма. Она выбралась из вмятины в матрасе и взбила подушку.

Либ сидела в темноте на кровати, и вдруг ее впервые осенило: что, если девочка не врет?

На какое-то время она отбросила все факты. Как учила ее мисс Н., настоящая сестринская помощь начинается с понимания болезни, и, кроме того,

сестра должна вникнуть в психическое и физическое состояние страдальца. Итак, вопрос состоял в том, верит ли девочка в свою историю.

Ответ был ясен. Анна О'Доннелл излучала убежденность. Возможно, случай истерии, но совершенно искренней.

Либ почувствовала, как у нее поникли плечи. Эта девочка с нежным лицом не враг ей, не закаленный узник. Всего лишь девочка во власти некой иллюзии, которая, сама того не зная, подходит к краю пропасти. Всего лишь пациентка, нуждающаяся в незамедлительной помощи медсестры.

Глава 3. Пост

Пост
отказываться от пищи
период воздержания,
фиксированный временными рамками, безопасный,
постоянный, стойкий, усиленный

В пять часов утра четверга Либ вошла в спальню. При мерцающем свете лампы она посмотрела на спящую Анну О'Доннелл.

— Никаких изменений? — шепотом спросила она монахиню.

Голова в чепце качнулась из стороны в сторону.

Разве может Либ сообщить ей о визите доктора Стэндиша, не высказав собственного мнения? И что может монахиня, которая верит, будто девочка питается манной небесной, вынести из его теории о том, что Анна — изводящая себя голодом истеричка?

Сестра Майкл, взяв плащ и сумку, вышла за дверь.

Лицо ребенка на подушке напоминало упав-

ший с дерева плод. Либ заметила, что глаза Анны опухли больше обычного, возможно от лежания плашмя всю ночь. Одна щека смята от складок подушки. Это тело, как пустая страница, на которой записывается все, что с ним происходит.

Либ пододвинула стул и села. Она смотрела на Анну с расстояния не более двух футов. Округлая щека, поднимание и опускание грудной клетки и живота.

Итак, девочка искренне верит в то, что живет без пищи. Однако ее тело говорит о другом. А это означает, что до воскресной ночи кто-то еще кормил Анну, и она затем почему-то… забывала об этом факте? Или, может быть, не запечатлевала его. Анну кормили в состоянии некоего транса? Может ли спящий ребенок проглотить пищу, не подавившись, — точно так, как лунатик бродит по дому с закрытыми глазами? Возможно, просыпаясь, Анна знала только, что насытилась, словно ее напитали небесной росой.

Но это не объясняло, почему в дневное время, уже четыре дня на протяжении надзора, Анна не проявляет интереса к еде. Более того, несмотря на все специфические симптомы, которые ей докучали, она была уверена, что прекрасно обходится без питания.

Одержимость, мания — так, по мнению Либ, можно было это назвать. Душевная болезнь. Истерия, как назвал это тот ужасный врач? Анна напоминала Либ заколдованную принцессу из сказки. Что может вернуть Анну к нормальной жизни? Не принц. Волшебная трава с другого края земли? Некое потрясение, способное вытолкнуть из ее глотки кусочек отравленного яблока? Нет, ей нужно нечто простое, как глоток воздуха, — рассудок. Что, если Либ прямо сейчас встряхнет ее и скажет: «Образумься!»

Но Либ знала, что это один из аспектов безумия — отказ признавать себя сумасшедшим. В клинике Стэндиша было полно таких людей.

Кроме того, разве можно считать, что дети обладают совершенно здравым умом? Считается, что лет с семи дети становятся разумными существами, но в этом возрасте у детей по-прежнему бурлит воображение. Дети живут ради игры. Конечно, их можно приучить к работе, но в остальное время они всецело предаются любимым играм, как помешанный своим иллюзиям. Подобно маленьким божествам, они создают свои крошечные мирки из глины или обычных слов. Для них истина никогда не бывает простой.

Однако Анне одиннадцать, и это далеко не

семь, спорила с собой Либ. Другие дети в этом возрасте знают, когда ели и когда не ели. Они могут отличить фантазию от факта. У Анны О'Доннелл все по-другому, что-то совсем не так.

Между тем Анна все спала. Обрамленный в маленькую оконную раму, жидким золотом пылал горизонт. Сама мысль о том, чтобы принуждать нежного ребенка, закачивая в его тело пищу через трубку… сверху или снизу…

Чтобы отделаться от этих мыслей, Либ взяла «Записки о сестринском деле». Она заметила фразу, помеченную ею на полях при первом чтении: «Она не должна сплетничать или вести пустые разговоры, должна отвечать на вопросы о своих больных только людям, имеющим право задавать их».

Имел ли Уильям Берн такое право? Либ не следовало столь откровенно разговаривать с ним накануне вечером в столовой или даже вообще не следовало.

Подняв глаза, Либ подскочила, потому что ребенок смотрел прямо на нее.

— С добрым утром, Анна, — словно чувствуя за собой вину, поспешно проговорила Либ.

— С добрым утром, как вас там зовут.

Это было дерзостью, но Либ рассмеялась:

— Элизабет, если тебе так уж надо знать.

Это прозвучало странно. Почти год назад муж Либ был последним, кто называл ее этим именем, а в госпитале она была миссис Райт.

— С добрым утром, миссис Элизабет, — сказала Анна.

Нет, это звучит как имя другой женщины.

— Никто меня так не называет.

— Так как же вас называют? — приподнявшись на локтях и потирая глаза, спросила Анна.

Либ уже пожалела о том, что назвала свое имя, но ведь она скоро надолго уедет из Ирландии, так что какое это имеет значение?

— Миссис Райт, или сестра, или мэм. Хорошо спала?

Девочка села в кровати.

– *Я почивал и отдохнул*, — пробормотала она. — И как же называют вас ваши родные?

Либ удивил этот стремительный переход от Священного Писания к обычному разговору.

— У меня никого не осталось.

В каком-то смысле это было правдой. Сестра, даже если и жива, была вне досягаемости.

У Анны округлились глаза.

В детстве, припомнила Либ, наличие родных казалось необходимым и неизбежным, напо-

добие кольца гор вокруг селения. Ребенок не в состоянии вообразить, что с годами он может очутиться в безграничном пространстве. Либ вдруг поняла, как она одинока в этом мире.

— Но когда вы были маленькой, — сказала Анна, — вас называли Элиза? Элси? Эффи?

— Это что, сказка про Рамплстилскина? — обратила все в шутку Либ.

— Кто это такой?

— Маленький домовой, который…

Но в этот момент, даже не взглянув на сиделку, стремительно вошла Розалин О'Доннелл, чтобы поздороваться с дочерью. Эта широкая спина, как щитом, загородившая ребенка, темная голова, склонившаяся над маленькой головкой. Нежные слова, должно быть, на ирландском. Весь этот спектакль заставил Либ стиснуть зубы.

Она подумала, что, когда у матери дома остается единственный ребенок, вся ее страсть направляется на него. Были ли у Анны и Пэта другие братья и сестры?

Анна, сложив руки вместе и закрыв глаза, стояла около матери на коленях:

— Я много грешил в мыслях, словах и деяниях, и это мой грех, мой грех, мой самый тяжкий грех.

При каждом слове «грех» девочка ударяла себя

кулаком в грудь.

— Аминь… — нараспев произнесла миссис О'Доннелл.

Анна начала другую молитву:

— О кроткая Дева-Мать, пусть я буду Твоим дитятею.

Либ знала, что впереди у нее долгое утро. Позже ей придется прятать девочку от глаз предполагаемых посетителей.

— Анна, — сказала она, когда мать ушла на кухню, — пойдем с утра прогуляемся?

— Только что рассвело.

Либ еще не успела измерить пульс Анны, но это подождет.

— Почему бы и нет? Одевайся и возьми плащ.

Девочка перекрестилась и, шепча молитву Доротее, стащила через голову ночную рубашку. У нее новый синяк на лопатке — зеленовато-коричневый? Либ записала это в книжку.

На кухне Розалин О'Доннелл сказала, что еще темно и они наступят на коровьи лепешки или переломают себе ноги.

— Я глаз не спущу с вашей дочери, — толкнув дверь, пообещала Либ.

Она вышла во двор, Анна следом. Во все стороны с кудахтаньем разбегались курицы. Дул

чудесный влажный ветерок.

На этот раз они пошли по еле заметной тропинке, начинавшейся за хижиной и идущей между двумя полями. Анна шла медленной неровной походкой, подмечая буквально все. Не странно ли, что жаворонков никогда не заметишь на земле, а только когда они взмывают высоко в небо с песней? Ой, посмотрите, вон ту гору, из-за которой встает солнце, она называет своим китом!

В этой плоской местности Либ не видела никаких гор. Анна указала на низкий гребень. Несомненно, обитателям «самого сердца» Ирландии даже небольшая волнистость местности представлялась горами.

Иногда Анне казалось, что она может увидеть ветер. Миссис Элизабет когда-нибудь думала так?

— Называй меня миссис Райт…

— Или сестра, или мэм, — со смешком произнесла Анна.

Полна энергии, подумала Либ. Каким же образом этот ребенок может наполовину голодать? Кто-то все-таки поддерживает Анну.

Живые изгороди сверкали от росы.

— Какая бывает самая широкая вода, через которую легко переправиться? — спросила вдруг

Либ.

— Это загадка?

— Конечно, я узнала ее в детстве.

— Хм… Самая широкая вода… — повторила Анна.

— Ты представляешь ее себе как море, правда? Не надо.

— Я видела море на картинках.

Родиться на этом небольшом острове и никогда не побывать на его краю…

— Правда, я видела собственными глазами большие реки, — похвалилась Анна.

— Да? — переспросила Либ.

— Талламор и Бросну тоже, когда мы ездили на ярмарку в Маллингар.

Либ узнала название городка в Мидлендсе, где охромела лошадь Уильяма Берна. Интересно, остался ли он сегодня в комнате напротив нее в надежде разузнать больше о случае Анны? Или его сатирических очерков с места события оказалось достаточно для «Айриш таймс»?

— Вода в моей загадке не похожа даже на самую широкую реку. Представь себе воду по всей земле, но пройти по ней совсем не опасно.

Анна надолго задумалась, но потом покачала головой.

— Роса, — сказала Либ.

— Роса! Я должна была догадаться.

— Она такая мелкая, никто не замечает ее.

Либ вспомнила историю про манну: «…а поутру лежала роса около стана».

— Еще загадку!

— Сейчас не могу припомнить, — откликнулась Либ.

Немного прихрамывая, девочка с минуту шла молча. Больно ли ей?

Либ хотелось придержать ее за локоть, помочь перебраться через кочку, но нет. Только наблюдать, напомнила она себе.

Впереди показался человек, которого Либ приняла сначала за Малахию О'Доннелла, но, подойдя ближе, увидела, что это сутулый пожилой человек. Он вырезал из почвы черные прямоугольники и складывал их штабелями. Торф для растопки, понятно.

— Благослови Бог ваш труд, — обратилась к нему Анна.

Мужчина кивнул в ответ. Заступ у него был необычной формы, какой Либ прежде не видела, с лезвием, согнутым в виде крыльев.

— Это еще одна молитва, которую ты обязана говорить? — спросила она девочку, когда они

прошли мимо.

— Благословлять работу? — Анна кивнула. — А иначе он может получить увечье.

— Так он поранится, раз ты о нем не подумала? — немного насмешливо спросила Либ.

Анна смутилась:

— Нет, он может отрезать лезвием палец на ноге.

А, что-то вроде охраняющей магии.

Девочка запела хрипловатым голосом:

Укрой меня, Господь,
Во глуби ран Твоих,
Чтоб никогда с Тобой
Не разлучался я.

По мнению Либ, взволнованная мелодия не сочеталась со странно-болезненными словами. Сама идея укрыться в ране, как личинке…

— Вот доктор Макбрэрти, — сказала Анна.

Старик торопливо шел им навстречу от хижины. Полы его сюртука развевались. Он снял перед Либ шляпу, потом повернулся к ребенку:

— Твоя мать сказала, что я найду вас на воздухе, Анна. Как приятно видеть розы на твоих щечках.

Девочка раскраснелась от ходьбы. «Розы» были явным преувеличением.

— По-прежнему в целом хорошо?

Мисс Н. весьма строго осуждала разговоры шепотом, которые мог услышать больной.

— Иди вперед, — предложила Либ Анне. — Не хочешь собрать цветов себе в комнату?

Девочка подчинилась. Либ все же не спускала с нее глаз. Вокруг могли найтись ягоды, даже неспелые орехи… Может ли истеричка — если Анна была таковой — хватать еду, даже не осознавая того, что делает?

— Я не вполне понимаю, как ответить на ваш вопрос, доктор.

Либ задумалась о словах Стэндиша: «частичное голодание».

Макбрэрти потыкал тростью мягкую землю.

Поколебавшись, Либ заставила себя произнести это имя:

— Доктору Стэндишу удалось переговорить с вами вчера после визита к Анне?

Либ уже была готова представить лучшие аргументы против принудительного кормления.

Лицо старика скривилось, словно он проглотил что-то кислое.

— Он разговаривал совсем не так, как подобает джентльмену. После того, как я любезно согласился впустить его, одного из всех желающих, в дом

девочки! — Макбрэрти явно не собирался рассказывать о полученном им нагоняе. — Дыхание у нее по-прежнему ровное? — спросил он вместо этого, и Либ кивнула. — Сердцебиение, пульс?

— Нормальные, — подтвердила она.

— Спит хорошо?

Очередной кивок.

— Она кажется бодрой, — заметил доктор, — и голос по-прежнему громкий. Рвоты или диареи нет?

— Едва ли это бывает у человека, который не ест.

Слезящиеся глаза старика загорелись.

— Значит, вы верите, что она действительно не…

— Я хочу сказать, — прервала его Либ, — она питается недостаточно и поэтому опорожнения не происходит. Анна не выделяет экскрементов, а мочи совсем мало. Это наводит на мысль, что она получает немного пищи — или, скорей, получала до начала наблюдения, — но недостаточно для выделений. — Следует ли Либ высказать свою мысль о ночных кормлениях, которых Анна не замечала все эти месяцы? Но Либ спасовала — ей вдруг показалось это столь же невероятным, как любая из теорий старика-доктора. — Вам

не кажется, глаза у нее становятся еще более выпуклыми? — спросила она. — Кожа у Анны покрыта синяками и местами коростой, а десны кровоточат. Я подумала, не цинга ли это. Или даже пеллагра. У нее определенно анемия.

— Отлично, миссис Райт! — Макбрэрти тыкал тростью мягкую траву. — Мы начинаем выходить за рамки нашей компетенции?

Ну просто снисходительный отец, распекающий ребенка.

— Прошу прощения, доктор, — сухо произнесла она.

— Предоставьте разгадку этих тайн тем, кто был этому обучен.

Либ многое отдала бы, чтобы узнать, где обучался Макбрэрти, и насколько добросовестно, и было это в текущем столетии или в прошлом.

— Ваша задача состоит просто в наблюдении.

Но задача это непростая. Теперь Либ это знала, а три дня назад еще нет.

— Это здесь!

В отдалении послышался скрип. Он исходил от шаткого экипажа, остановившегося у дома О'Доннеллов. Пассажиры махали руками.

Уже осаждают, даже в столь ранний час. Куда подевалась Анна? Покрутив головой, Либ нако-

нец увидела девочку, которая нюхала какой-то цветок. Ей нестерпима была мысль о подхалимстве, лести, назойливых вопросах.

— Мне нужно отвести ее домой, доктор.

Подбежав к Анне, Либ схватила ее за руку.

— Пожалуйста…

— Нет, Анна, тебе нельзя с ними разговаривать. У нас есть правило, и мы должны его придерживаться.

Срезав угол поля, Либ поспешно повела девочку к хижине, доктор шел следом. Анна споткнулась, подвернув ногу в огромном ботинке.

— Ушиблась? — спросила Либ.

Девочка покачала головой.

Либ провела Анну за собой вдоль боковой стены хижины — почему у них нет черного входа? — и протиснулась сквозь кучку посетителей, которые спорили с Розалин О'Доннелл, по локоть испачканной в муке.

— Вот она идет, чудесная крошка! — воскликнул один из мужчин.

Какая-то женщина подошла ближе:

— Если позволишь подержаться за подол твоего платья, милая…

Либ плечом загородила ребенка.

— …одной капли твоей слюны или прикосно-

вения твоих пальчиков хватит, чтобы вылечить болячку у меня на шее!

Только когда они вошли и Либ захлопнула дверь за доктором Макбрэрти, она заметила, что Анна задыхается, и не только от страха перед цепкими руками посетителей. Девочка очень хрупкая, напомнила себе Либ. Только невнимательная медсестра стала бы излишне напрягать ее. Мисс Н. отругала бы Либ.

— Тебе нездоровится, душечка? — спросила Розалин О'Доннелл.

Анна опустилась на ближайший табурет.

— Наверное, она просто запыхалась, — произнес Макбрэрти.

— Сейчас нагрею тебе фланельку.

Хозяйка вытерла руки, а потом повесила тряпку у огня.

— Ты немного продрогла на прогулке, — сказал девочке Макбрэрти.

— Ей всегда зябко, — пробормотала Либ.

Руки у девочки были голубоватые. Либ подвела ее к стулу с высокой спинкой, стоящему у очага, и растерла пухлые пальчики девочки — легко, боясь сделать ей больно.

Розалин с нежностью обмотала шею Анны теплой фланелькой.

Либ хотела было пощупать тряпицу, чтобы убедиться, что там нет ничего съедобного, но у нее сдали нервы.

— А как ты ладишь с миссис Райт, дорогая моя? — спросил доктор.

— Очень хорошо, — ответила Анна.

Это она только из вежливости? Либ могла бы вспомнить моменты, когда была раздражительна или строга с девочкой.

— Она загадывает мне загадки, — добавила Анна.

— Замечательно!

Проверяя пульс, доктор держал опухшее запястье девочки.

Миссис О'Доннелл, стоявшая вместе с Китти у стола перед дальним окошком, на миг перестала лепить овсяные лепешки.

— Какие загадки?

— Умные, — ответила Анна матери.

— Сейчас тебе уже лучше? — спросил Макбрэрти.

Она с улыбкой кивнула.

— Тогда я пойду. Розалин, доброго дня, — проговорил он с поклоном.

— И вам, доктор. Благослови вас Бог за то, что зашли.

Когда за доктором захлопнулась дверь, Либ погрустнела. Он почти ее не слушал, игнорировал предупреждения Стэндиша. Очарован «чудесной крошкой».

Либ заметила у двери пустой табурет:

— Вижу, сейфа больше нет.

— Мы отослали его мистеру Таддеусу вместе с маленькими перчатками в скорлупке, — сказала Китти.

— Каждый пенни направлен в помощь и утешение беднякам, — бросила Розалин О'Доннелл в сторону Либ. — Только подумай, Анна. Ты приумножаешь богатства на небесах.

До чего же Розалин нравится греться в лучах отраженной славы. Мать — вдохновитель этого заговора, а не просто одна из участниц. Либ почти не сомневалась в этом. Сейчас она пыталась не встречаться с женщиной глазами, чтобы не выдать свою враждебность.

На каминной полке, всего в нескольких дюймах от лица Либ, рядом со старой семейной фотографией стояла новая. На обеих девочка выглядела примерно одинаково: те же изящные руки и ноги, то же выражение немного не от мира сего. Как будто для Анны время не шло, как будто она сохранилась за стеклом.

Либ опять поразил странный вид брата Анны. Юношеское лицо Пэта было похоже на более нежное лицо сестры, только волосы у него были зачесаны направо, как обычно у мальчиков. Губы темные, словно накрашенные. Он прислонился к своей неукротимой матери, как маленький ребенок или же подвыпивший фат. Как там говорится в псалме? *Странные дети исчезли*.

Анна, чтобы согреться, изящным веером раскинула кисти рук над камином.

Как разузнать о мальчике больше?

— Вы, наверное, скучаете по сыну, миссис О'Доннелл.

— Да, конечно, — помолчав, ответила Розалин О'Доннелл. Орудуя секачом, зажатым в большой сухопарой руке, она рубила перезрелый пастернак. — Что ж, как говорят, была бы шея, а хомут найдется.

— Вы давно не получали от него вестей?

Нож замер, и Розалин О'Доннелл уставилась на Либ:

— Он смотрит на нас сверху вниз.

Так, значит, Пэт О'Доннелл хорошо устроился в Новом Свете? Да так хорошо, что и не думает писать своей плебейской семье?

— С небес, — промолвила Китти.

Либ вздрогнула.

Прислуга показала пальцем вверх — на тот случай, если англичанка не поняла.

— Он умер в прошлом ноябре.

Либ невольно прикрыла рот рукой.

— Ему не было и пятнадцати, — добавила прислуга.

— О миссис О'Доннелл! — вскричала Либ. — Простите мне мою бестактность. Я и не представляла…

Она указала на дагеротип, с которого мальчик смотрел, казалось, с презрением — или то была радость? Либ догадалась, что снимок был сделан не перед его смертью, а после.

Анна, откинувшись на стуле и завороженно глядя на пламя, казалось, ничего не слышала.

Розалин О'Доннелл нисколько не обиделась, а с довольным видом разулыбалась:

— Вам он кажется живым, мэм? Тут есть одна хитрость.

Лежит на руках у матери. Губы почернели, первый признак разложения — Либ могла бы и догадаться. Сколько пролежал мальчик О'Доннеллов на кухне — день, два или три, пока его родные дожидались фотографа?

Розалин О'Доннелл подошла так близко, что

Либ вздрогнула.

— Хорошая ретушь у него на глазах, правда? — постучала она по стеклу.

Кто-то нарисовал на отпечатке, на опущенных веках трупа, белки и зрачки. Вот почему взгляд у мальчика, как у крокодила.

Тут вошел мистер О'Доннелл, топнув сапогами, чтобы сбить грязь. Жена приветствовала его на ирландском, потом перешла на английский.

— Только послушай, Малахия. Миссис Райт думала, что Пэт еще в этом мире! — Эта женщина обладала способностью извлекать удовольствие из ужасных вещей.

— Бедный Пэт, — сокрушенно покачал головой Малахия.

— Его глаза совершенно сбили ее с толку. — Розалин О'Доннелл дотронулась пальцем до стекла. — За такое и заплатить было не жалко.

Руки Анны безвольно лежали у нее на коленях, в глазах отражалось пламя. Либ жаждала выбраться из комнаты.

— Его подвел желудок, — сказал Малахия О'Доннелл.

Китти шмыгнула носом и вытерла глаза потрепанным рукавом.

— Его вытошнило тем, что он съел за ужином.

А потом не мог ни к чему притронуться. — Мужчина обращался к Либ, и той пришлось кивнуть. — Его мучили боли здесь, потом здесь, видите? — Малахия тыкал себя пальцем в живот около пупка, потом пониже справа. — Живот сильно раздулся. — Малахия говорил быстрее обычного. — Утром ему полегчало, так что мы решили не беспокоить доктора Макбрэрти.

Либ снова кивнула. Спрашивал ли отец ее профессиональное мнение? Или взывал о прощении?

— Но Пэт чувствовал такую слабость, и его сильно знобило, — продолжила Розалин О'Доннелл, — и мы укрыли его всеми одеялами, что нашлись в доме, и уложили рядом с ним сестру.

Либ содрогнулась. Но не от самого факта, а оттого, что все это рассказывается в присутствии чувствительной девочки.

— Он тяжело дышал, бормотал что-то бессвязное, как во сне, — тихо проговорила мать.

— Умер перед завтраком, бедняжка, — закончил Малахия О'Доннелл. — Мы даже не успели послать за священником. — Он затряс головой, как будто отгонял муху.

— Пэт был слишком хорош для этого мира! — воскликнула Розалин.

— Мне так жаль, — сказала Либ.

Чтобы не смотреть на родителей, она повернула лицо к дагеротипу. Но не смогла выдержать сияния тех глаз, поэтому взяла Анну за прохладную руку и отвела в спальню.

Ее взгляд упал на ящичек с сокровищами. Темно-каштановые волосы в статуэтке, которую она разбила, должно быть, брата. Либ беспокоило молчание Анны. Как такое можно сделать с ребенком — положить, как грелку, в постель к умирающему мальчику.

— Должно быть, ты очень скучаешь по брату.

— Не то чтобы… — Лицо девочки исказилось. — О, конечно скучаю, миссис Элизабет, но дело не в этом. — Анна подошла вплотную к Либ и прошептала: — Мама и папа думают, он на небесах. Только, понимаете, мы не можем быть в этом уверены. *Никогда не отчаивайся, но и не будь самонадеянным*. Это два непростительных греха против Святого Духа. Если Пэт в чистилище, он горит…

— Ах, Анна, — прервала ее Либ, — напрасно ты себя мучаешь. Он был всего лишь мальчиком.

— Но мы все грешники. А он заболел так быстро, что не успел получить отпущение грехов. — Из глаз девочки закапали слезы.

Исповедь — да. Католики привержены представлению о ее исключительном свойстве стирать все грехи.

Анна расплакалась так сильно, что Либ с трудом разобрала ее слова:

— Нас не впустят туда, пока мы не очистимся.

— Хорошо, твой брат непременно очистится, — деловым тоном произнесла Либ.

— Огнем, только огнем!

— О дитя мое…

Этот язык был для Либ чуждым, и она не хотела его постигать. Она неловко похлопала девочку по плечу, почувствовав под рукой выпирающие кости.

— Не пишите об этом в газете, — уплетая рагу, сказала Либ Уильяму Берну, которого нашла в столовой в половине второго, вернувшись после дежурства.

— Продолжайте.

Либ сочла это за обещание и тихо проговорила:

— Анна О’Доннелл оплакивает единственного брата, девять месяцев назад умершего от заболевания пищеварительной системы.

Берн лишь кивнул и вытер тарелку кусочком хлеба.

Его равнодушие уязвило Либ.

— Вы считаете, этого недостаточно, чтобы вызвать у ребенка психическое расстройство?

— Можно сказать, миссис Райт, — пожал он плечами, — вся страна пребывает в скорби. Какая семья не пострадала после семи лет недорода и мора?

Либ не знала, что и сказать.

— Семь лет, правда?

— Картофель не уродился в сорок пятом, и только в пятьдесят втором был хороший урожай, — сказал он.

Либ незаметно извлекла изо рта косточку — кролик, подумала она.

— И все же что может знать Анна об этих национальных проблемах? Ей кажется, она единственная девочка, потерявшая брата. — В голове у Либ зазвучали слова гимна: «И я никогда, никогда не расстанусь с тобой». — Может быть, она терзает себя, думая, почему забрали его, а не ее.

— Значит, она кажется вам подавленной?

— Временами, — неопределенно ответила Либ. — А иногда совершенно иной — так и светится тайной радостью.

— Кстати, о тайнах. Вы еще не поймали ее на попытках хитростью заполучить еду?

Либ покачала головой и вполголоса сказала:

— Я пришла к выводу, что Анна по-настоящему верит, что живет без питания. — Либ засомневалась, но ведь надо было на ком-то проверить свою мысль. — Мне пришло в голову, что один из домочадцев, пользуясь бредовым состоянием ребенка, мог кормить ее во время сна.

— Да быть не может! — Уильям Берн отвел от лица рыжие завитки.

— Подобная уловка объяснила бы убежденность Анны в том, что она не питалась в течение четырех месяцев. Если она не сознавала, что кто-то заливал ей в глотку…

— Возможно. Но вероятно ли? — Он взял карандаш. — Можно, я напишу об этом в следующем очерке?

— Нельзя! Это предположение, а не факт.

— Я бы назвал это квалифицированным мнением ее сиделки.

Вопреки охватившей ее панике Либ было приятно, что Берн воспринимает ее всерьез.

— Кроме того, мне строго предписано не высказывать своего мнения, прежде чем я доложу комитету в воскресенье.

Берн бросил карандаш:

— Зачем же мучить меня, если я не могу ис-

пользовать ни слова?

— Прошу прощения, — твердо произнесла Либ. — Будем считать тему закрытой.

— Значит, возвращаюсь к изложению слухов, — подавленно ухмыльнулся он. — И не все из них благожелательные. Знаете, в этих краях девочка отнюдь не всеобщий фаворит.

— Хотите сказать, некоторые считают ее лгуньей?

— Разумеется, или даже хуже. Вчера вечером я угостил выпивкой какого-то работягу с безумными глазами, и он уверял меня, что за этим стоят эльфы.

— Что вы имеете в виду?

— Причина голодания Анны в том, что она некий чудовищный оборотень, оставленный эльфами взамен похищенной девочки и принявший ее облик.

Чуждая толпа… всячески угождает ей. Эти слова Либ услышала от бородатого фермера в день приезда. Вероятно, он имел в виду сонм невидимых эльфов-прислужников.

— Малый даже предложил меру борьбы. «Поколотить бы его или даже бросить в огонь, — копируя местный выговор, проговорил Берн, — мигом убрался бы туда, откуда пришел!»

Либ передернуло. Она считала чудовищным подобное невежество.

— У вас были пациенты, хотя бы отдаленно напоминающие Анну О'Доннелл?

Либ покачала головой:

— В частном сестринском деле я сталкивалась со случаями притворства, когда здоровые люди считали себя больными. У Анны противоположный случай. Недоедающий ребенок, утверждающий, что пышет здоровьем.

— Хм… Следует ли ипохондриков называть притворщиками? — спросил Берн.

Либ смутилась, словно это она насмехалась над своими нанимателями.

— Сознание способно обманывать тело, — заметил он. — Стоит подумать о зуде, как начнешь чесаться. Или зевать… — И он, зевнув, прикрыл ладонью рот.

— Да, но… — Либ замолчала, потому что тоже стала зевать.

Берн расхохотался, потом умолк и уставился в пространство:

— Полагаю, вполне вероятно, что натренированный рассудок в состоянии управлять организмом, заставляя его, по крайней мере на время, обходиться без пищи.

Но постойте… При первой встрече Либ с Берном он называл Анну обманщицей, при следующей обвинял Либ в том, что та не дает девочке есть. А сейчас, высмеяв идею Либ о кормлении во сне, в конечном итоге признает возможность чуда?

— Только не говорите, что перебегаете в лагерь О'Доннеллов.

— В моей работе необходима беспристрастность. — Он скривил губы. — В Индии — меня посылали в Лакнау для освещения восстания — небезызвестно, что факиры способны временно прекращать жизненные функции.

— Кто такие факиры?

— Аскеты, дервиши, — пояснил он. — Полковник Уэйд, некогда представитель генерал-губернатора Пенджаба, рассказывал мне, что видел, как закапывали в землю некоего факира из Лахора. Сорок дней под землей — ни еды, ни питья, ни света, немного воздуха, — и малый выбрался оттуда живой и невредимый. — (Либ фыркнула.) — Могу лишь сказать, — пожал плечами Берн, — что этот закаленный в битвах старый вояка рассказывал с таким убеждением, что я готов был ему поверить.

— Это вы-то — циничный газетчик?

— Неужели? Когда я вижу зло, то называю

его, — сказал Берн. — Разве от этого я становлюсь циником?

— Прошу прощения, — в смущении произнесла Либ. — Я сказала больше, чем хотела.

— Среди газетчиков порок — дело обычное. — Губы его тронула едва заметная улыбка.

Неужели он показывает, что уязвлен, только затем, чтобы досадить ей?

— Так, может быть, Анна О'Доннелл — маленькая ирландская девочка-йог?

— Вы не стали бы насмехаться, если бы знали ее! — в сердцах проговорила Либ.

— Немедленно принимаю это приглашение. — Мужчина вскочил на ноги.

— Нет-нет! Правило в отношении посетителей должно соблюдаться.

— Тогда нельзя ли узнать, каким образом туда проник доктор Стэндиш из Дублина? — Сквозь шутливый тон Берна прорывалось негодование. — Вы не говорили, что вчера вечером вы впустили его со второй попытки.

— Грубиян!

Уильям Берн опустился на стул:

— Его впустил грубиян?

— Стэндиш — грубиян, — сказала Либ. — Но это между нами. — (Берн хлопнул записной книжкой

по столу.) — Он рекомендовал принудительно кормить ее через трубку. — (Берн поморщился.) — Его впустили по настоянию доктора Макбрэрти, несмотря на мой протест, — добавила Либ, — но такого больше не повторится.

— Как, вы превратились из тюремщика в телохранителя, Элизабет Райт? Намерены принять на себя главный удар и отгонять всех драконов?

Либ не ответила. Как Берн узнал ее имя?

— Я правильно понимаю, что девочка вам нравится?

— Это моя работа! — огрызнулась Либ. — Ваш вопрос неуместен.

— А это моя работа — задавать вопросы, всякие вопросы.

— Почему вы все еще здесь, мистер Берн? — строго посмотрела на него Либ.

— Должен сказать, вы владеете искусством выказывать доброе отношение к попутчику. — Он сильно откинулся назад, и стул заскрипел.

— Прошу меня извинить. Но почему этот случай потребовал столь пристального вашего внимания, что вы здесь уже несколько дней?

— Справедливый вопрос, — ответил Уильям Берн. — Перед тем как в понедельник отправиться, я предложил редактору собрать на улицах

Дублина десяток-другой голодающих оборванцев. Зачем тащиться в эти болота?

— И что он ответил? — спросила Либ.

— Как я и думал: «Одна отбившаяся овца, Уильям».

В следующий миг она поняла ссылку на Евангелие: пастух, который оставил стадо из девяноста девяти овец и отправился за одной отбившейся.

— Журналистские расследования должны быть узкими, — дернув плечами, сказал он. — Направьте интерес читателя на несколько заслуживающих внимания объектов, и тогда он вряд ли прольет слезу хотя бы над одним.

— С медсестрами то же самое, — кивнула она. — Само собой выходит, что больше заботишься об одном человеке, чем о толпе. — (Рыжеватая бровь поползла наверх.) — Вот почему мисс… леди, которая меня обучала, — поправила себя Либ, — не разрешала нам сидеть возле определенного пациента, читать ему и тому подобное. Она говорила, это может привести к привязанности.

— Флирт, ласки и так далее?

Либ постаралась не покраснеть.

— У нас не было времени на пустяки. Она говорила: «Сделайте необходимое и двигайтесь дальше».

— Теперь мисс Найтингейл сама инвалид, — сказал Берн.

Либ уставилась на него. Она не слышала, чтобы ее наставница в последние годы появлялась на публике, предполагая, что мисс Н. продолжает проводить больничную реформу.

— Мне очень жаль, — подавшись к ней через стол, сказал Берн. — Вы об этом не знали?

Либ старалась держать себя в руках.

— Говорят, она была великой женщиной?

— Величайшей, — закашлявшись, произнесла Либ. — И по-прежнему такой остается, больна она или нет. — Не в силах покончить с едой, Либ отодвинула в сторону тарелку с остатками жаркого и встала из-за стола.

— Вам не терпится удалиться? — спросил Уильям Берн.

— Что ж, иногда кажется, что в эту часть света девятнадцатое столетие еще не пришло. — Либ ответила так, словно он имел в виду ирландский Мидлендс, а не эту тесную столовую, и Берн усмехнулся. — Молоко для эльфов, — продолжала Либ, — восковые диски для защиты от пожаров и наводнений, девочки, питающиеся воздухом… Есть ли что-нибудь такое, чего ирландцы не примут на веру?

— Бог с ними, с эльфами, — сказал Берн, — большинство моих сограждан принимают на веру любую белиберду, которой кормят нас наши священники.

Значит, он тоже католик. Это почему-то удивило Либ.

Берн поманил ее к себе. Она чуть наклонилась вперед.

— Вот почему я ставлю на мистера Таддеуса, — пробормотал он. — Девочка О'Доннеллов, может быть, и простодушна. Если верить вам, она могла несколько месяцев получать пищу во сне, но кто ее кукловод?

Как удар под ребра. Почему Либ об этом не подумала? Священник и в самом деле чересчур скользкий и улыбчивый…

Но постойте… Она выпрямилась. Надо рассуждать логически и беспристрастно.

— Мистер Таддеус утверждает, что с самого начала уговаривал Анну питаться.

— Уговаривал, и только? Она его прихожанка, и очень набожная. Он мог приказать ей подняться в гору на коленях. Нет, говорю вам, падре с самого начала стоит за этим надувательством.

— Но какой у него мотив?

Берн потер палец о палец.

— Пожертвования посетителей отдаются беднякам, — сообразила Либ.

— А это значит, Церкви.

У нее голова шла кругом. Все это было ужасно правдоподобно.

— Если мистер Таддеус добьется признания случая с Анной чудом, эта тоскливая деревушка станет местом паломничества. Голодающая девочка станет источником средств для постройки храма!

— Но как ему удавалось тайно кормить ее по ночам?

— Понятия не имею, — признался Берн. — Он, должно быть, в сговоре с горничной О'Доннеллов. Кого вы подозреваете?

Либ раздумывала.

— Право, не могу взять на себя…

— Вот что, давайте между нами. Вы были в этом доме день и ночь с понедельника.

Поколебавшись, Либ очень тихо произнесла:

— Розалин О'Доннелл.

— Кто это сказал, что ребенок называет Бога словом «мать»? — кивнул Берн.

Либ никогда об этом не слышала.

Он покрутил карандаш между пальцами:

— Имейте в виду, я не смогу напечатать ни

слова из этого без подтверждения, иначе меня привлекут к суду.

— Разумеется, нет!

— Если вы на пять минут допустите меня к ребенку, держу пари, я выведаю у нее правду.

— Это невозможно.

— Ладно. — Голос Берна зарокотал как прежде. — Тогда выспросите у нее сами.

Либ не привлекала идея действовать в качестве его сыщика.

— Как бы то ни было, благодарю за компанию, миссис Райт.

Почти три пополудни, а следующая смена Либ начнется в девять. Ей хотелось на воздух, но моросил дождь, и, кроме того, она подумала, что сон для нее важнее. Либ поднялась к себе и сняла ботинки.

Если неурожай картофеля явился столь длительной катастрофой и завершился всего семь лет назад, то, как подумала Либ, девочка, которой сейчас одиннадцать, родилась во время голода. В тот период ее отнимали от груди, растили, формировалась ее личность. Каждая частичка тела Анны привыкла обходиться малым. *Она никогда не была жадной и не требовала лакомств.* Такими словами Розалин О'Доннелл хвалила

свою дочь. Должно быть, Анну ласкали всякий раз, когда она говорила, что ей хватит. Поощряли улыбкой за каждый кусочек, который она отдавала брату или прислуге.

Но это не объясняло, почему все прочие дети в Ирландии желали получить обед, а Анна нет.

Возможно, дело было в матери, подумала Либ. Как та хвастливая мать из старой сказки, которая заявляла, будто бы ее дочь прядет золотую нить. Что, если Розалин О'Доннелл заметила талант своего младшего ребенка к умеренности и придумала способ, как обратить его в фунты и пенсы, известность и славу?

Либ лежала неподвижно, с закрытыми глазами, но сквозь сомкнутые веки просачивался свет. Уставший человек не всегда в состоянии уснуть, точно так же как потребность в еде не одно и то же, что пристрастие к ней. Эта мысль, как и все прочие, вернула ее к Анне.

По деревенской улице растекался последний вечерний свет. Либ свернула по проулку направо. Над кладбищем вставала растущая между второй четвертью и полнолунием луна. Она подумала о мальчике О'Доннеллов, лежащем в гробу. Девять месяцев — разлагается, но еще не превратился в скелет. Не его ли коричневые штаны были на том

огородном пугале?

Записку, составленную Либ для двери хижины, исполосовал дождь.

В спальне ее дожидалась сестра Майкл.

— Уже спит, — прошептала она.

В середине дня у Либ нашлась всего лишь минутка, чтобы сообщить о своем дежурстве. Сейчас настало то редкое время, когда они могли поговорить наедине.

— Сестра Майкл… — Тут Либ поняла, что не может поделиться своими размышлениями о кормлении во сне, поскольку монахиня снова замкнется в себе. Нет, им лучше поговорить на какую-нибудь общую тему.

— Вы знали, что брат девочки умер?

— Да упокоит его Господь, — кивнула монахиня, осенив себя крестным знамением.

Почему же никто не сказал об этом Либ? Или почему она постоянно берется за дело не с того конца?

— Похоже, Анна расстроена, — сказала она.

— Естественно.

— Нет, она чрезмерно расстроена. — Либ засомневалась. Наверное, этой женщине, напичканной религиозными предрассудками, над каждым болотом мерещатся танцующие ангелы,

но с кем еще поговорить о девочке? — Полагаю, у Анны не все в порядке с психикой, — шепотом сказала она.

Белки глаз сестры Майкл блеснули в свете лампы.

— Нас не просили заниматься ее психикой.

— Я наблюдаю ее симптомы, — настаивала Либ. — Печаль о брате — один из них.

— Вы строите умозаключения, миссис Райт. — Монахиня подняла вверх негнущийся палец. — Нам не следует вступать в дискуссии подобного рода.

— Но это невозможно. Мы только об Анне и говорим, а как же иначе?

Монахиня яростно затрясла головой:

— Питается она или нет? Это единственный вопрос.

— Для меня это не единственный вопрос. И раз уж вы называете себя сиделкой, то и для вас тоже.

— Мое начальство послало меня сюда служить под началом доктора Макбрэрти. — Монахиня сжала губы. — Спокойной вам ночи. — Перекинув плащ через руку, она вышла.

Несколько часов спустя, глядя на трепещущие веки Анны, Либ поймала себя на том, что ужасно

сожалеет об упущенной возможности поспать днем. Эта борьба происходила всегда, и, как любая сиделка, она знала, что выиграет, если проявит твердость.

Тело необходимо чем-то радовать — если не сном, так пищей, а если и этого нет, то другими стимулами. Либ сняла с плеч шаль, отодвинула горячий кирпич, на котором стояли ее ноги, и принялась шагать по комнате — три шага туда, три шага сюда.

Ее осенило, что Уильям Берн, вероятно, наводил о ней справки, поскольку знает ее полное имя и кто ее обучал. Что знает о нем Либ? Только то, что он пишет для газеты, которую она никогда не читала, и что он католик, причем весьма скептический. Такой откровенный и грубовато-добродушный, однако не придумал ничего лучше предположения о мистере Таддеусе — опрометчивое умозаключение, которое теперь показалось Либ совершенно неубедительным. С утра понедельника священник даже не показывался рядом с хижиной. Разве она может спросить Анну: «Это мистер Таддеус не разрешает тебе питаться?»

Она поймала себя на том, что считает вдохи спящей девочки. Девятнадцать в минуту, но, если бы Анна не спала, число было бы другим и ритм

был бы менее регулярный.

Что-то варится в котелке. Репа? Она будет медленно томиться всю ночь, заполняя хижину терпким ароматом. Этого было достаточно, чтобы у Либ засосало под ложечкой, несмотря даже на то, что она плотно поужинала у Райана.

Что заставило Либ посмотреть на постель? Темные блестящие глаза встретились с ее глазами.

— Ты давно не спишь? — (Анна пожала плечами.) — Тебе что-нибудь нужно? Горшок? Вода?

— Нет, спасибо, миссис Элизабет.

Что-то странное в том, как она выговаривает слова — вежливо, почти чопорно.

— Тебя беспокоит что-нибудь?

— Нет, пожалуй.

— Что такое? — Либ подвинулась ближе, наклоняясь над кроватью.

— Ничего, — выдохнула Анна.

Либ рискнула:

— Ты хоть немного голодна? Тебя разбудил запах репы?

Слабая, почти жалостливая улыбка.

У Либ урчало в животе. От голода пробуждается любой человек. Тело как младенец, каждое утро просыпающийся с писком: «Накорми меня». Но только не тело Анны О'Доннелл, уже нет. *Исте-*

ричка, помешанная, маньячка. Эти слова к ней не подходят. Она всего-навсего маленькая девочка, не нуждающаяся в еде.

Ну перестань, ругала себя Либ. Если Анна верит, что она одна из пяти дочерей королевы, станет ли она таковой? Девочка может не чувствовать голода, но он все равно разъедает ее плоть, волосы, кожу.

Надолго воцарилась тишина, и Либ подумала, что Анна уснула с открытыми глазами, но тут вдруг она сказала:

— Расскажите о маленьком человечке.

— Каком маленьком человечке? — спросила Либ.

— Взъерошенном.

— А, Рамплстилскине?

Либ рассказала старинную сказку, только чтобы скоротать время. Припоминая подробности, она поняла, до чего причудлива эта сказка. Из-за похвальбы матери девочке дали невыполнимое задание напрясть из соломы золота. Девочке помог гном. Он обещал сохранить за ней право первородства, если только она угадает нелепое имя гнома.

После рассказа Анна какое-то время лежала молча. Либ подумала, что девочка могла при-

нять легенду за правду. Являлись ли для нее все проявления сверхъестественного одинаково реальными?

— Бет.

— Что — Бет? — спросила Либ.

— Родные называли вас Бет?

— Ты опять за свое! — хохотнула Либ.

— Не могли же они называть вас каждый божий день Элизабет. Бетси? Бетти? Бесси?

— Нет, нет и нет.

— Но это имя происходит от Элизабет? — спросила Анна. — Это не другое имя, как Джейн?

— Нет, не другое, — согласилась Либ.

Либ было ее ласковым прозвищем в те времена, когда она была всеобщей любимицей. Это имя придумала ей младшая сестра, потому что «Элизабет» так долго выговаривать. Именем Либ ее называла вся семья, пока у нее еще была семья, когда родители были живы, и до того, как сестра сказала, что Либ для нее умерла.

Она накрыла своей ладонью руку Анны, лежащую поверх серого одеяла. Опухшие пальцы были холодными, и Либ захотелось согреть их.

— Ты рада, что ночью с тобой кто-то есть? — (Девочка смутилась.) — Я хочу сказать, чтобы не быть одной.

— Но я не одна, — ответила Анна.

— Ну, не сейчас.

Не с начала надзора.

— Я никогда не бываю одна.

— Верно, — согласилась Либ.

Две надсмотрщицы, сменяющие друг друга, в качестве постоянной компании.

— Он приходит ко мне, как только я усну.

Голубоватые веки, затрепетав, опустились, и Либ не спросила, кто это такой. Ответ был очевиден.

Анна вновь задышала глубоко. Интересно, подумала Либ, снится ли девочке ее Спаситель каждую ночь? Приходит ли Он к ней в образе длинноволосого мужчины, мальчика с нимбом, младенца? Какое утешение Он приносит ей, какие деликатесы, более сладостные, чем земная пища?

Наблюдая за спящей девочкой, Либ неудержимо захотела спать, веки ее отяжелели. Поднявшись на ноги, она покрутила головой из стороны в сторону, чтобы размять шею.

Он приходит ко мне, как только я усну. Странная фраза. Может быть, Анна, в конце концов, имела в виду не Христа, а какого-то обычного человека — Малахию О'Доннелла? Даже мистера

Таддеуса? Который вливал ей жидкость в рот через воронку, когда она пребывала в полудремотном состоянии. Пыталась ли Анна сказать Либ правду, которую сама не могла постичь?

Чтобы чем-то себя занять, Либ принялась ворошить ящик с сокровищами Анны. Осторожно, чтобы не перепутать священные карточки, раскрыла «О подражании Христу». «Если мы сумели бы совершенно отрешиться от себя, а не копались бы в собственной душе, — прочитала она в верхней части страницы, — то смогли бы вкусить Божественное».

Эти слова озадачили ее. Как может ребенок понять глубинный смысл этих строк? И какие безумные представления могла Анна почерпнуть из этих книг?

Или из ярких картинок на карточках. Так много растений — повернувшиеся к свету подсолнухи. Иисус под сенью дерева, а чуть поодаль столпившиеся люди. Нравоучительные изречения, начертанные готическим шрифтом, где Он называется братом или женихом. На одной карточке была изображена крутая лестница, выдолбленная в скале, а наверху ее, подобно заходящему солнцу, маячило сердце и на его фоне крест. Следующий рисунок был еще причудливей:

«Мистическая свадьба святой Екатерины». Красивая молодая женщина принимает обручальное кольцо из руки Младенца Иисуса, сидящего на коленях Матери.

Но больше всего Либ взволновала картинка, изображающая маленькую девочку, плывущую на плоте в форме широкого креста. Она спит, распростершись и не подозревая о бушующих вокруг волнах. Надпись на французском, которую Либ разобрала с трудом: «Я мирно плыву под надзором Марии». Только потом Либ разглядела в облаках печальное женское лицо, взирающее на девочку.

Закрыв книгу, она положила ее на место. Потом решила снова взглянуть на карточку, чтобы узнать, какое место отмечает Анна. Но ничего не нашла ни про Марию, ни про море. Взгляд Либ остановился на слове «сосуды»: «Ибо Господь дарует свои благодеяния там, где отыщет незаполненные сосуды». Незаполненные — чем? Едой? Мыслями? Индивидуальностью? На следующей странице, рядом с изображением истеричного на вид ангела, Либ прочитала: «Ты желаешь напитать меня небесной пищей и хлебом ангелов». Через несколько страниц дальше, рядом с изображением Тайной вечери: «Как сладостно

это пиршество, когда Ты даруешь себя в качестве нашей пищи!» Или, может быть, этой карточке соответствовали слова: «Ты один моя пища и питие, моя сладость».

Либ понимала, что ребенок мог неправильно истолковать подобные цветистые фразы. Если это единственные книги Анны и ее со времени болезни не пускают в школу, то размышления над ними без должного руководства…

Разумеется, некоторые дети не понимают, что такое метафора. Либ вспомнила одну девочку из школы, которая, несмотря на все свое упорство в учебе, была совершенно бестолковой в повседневных делах. Анна не казалась такой. Право, не глупость ли это, когда поэтический язык воспринимается в нарицательном смысле? Либ захотелось снова разбудить девочку со словами: «Тело Христово — не настоящая пища, глупая башка!»

Нет-нет, не глупая башка. У Анны превосходный ум — просто она сбилась с пути.

Либ припомнила, что у одной из больничных медсестер был кузен, который уверовал в то, что запятые и точки в «Дейли телеграф» содержат в себе закодированные послания для него.

В пять утра без малого Китти, просунув в дверь

голову, долго смотрела на спящую девочку.

Возможно, Анна — единственная оставшаяся в живых кузина Китти, подумала вдруг Либ. О'Доннеллы ни разу не упоминали других родственников. Доверяет ли Анна своей кузине?

— Пришла сестра Майкл, — сказала горничная.

— Спасибо, Китти.

Однако в спальню вошла Розалин О'Доннелл.

Оставьте ее в покое, хотелось сказать Либ, но она придержала язык. Розалин наклонилась и подняла дочь, не выпуская ее из объятий и бормоча молитвы. Похоже на большую оперу — то, как она дважды в день врывается в комнату, чтобы продемонстрировать материнские чувства.

Вошла монахиня и кивнула с плотно зажатым ртом. Либ взяла свои вещи и вышла.

Во дворе прислуга выливала воду из железного ведра в огромную бадью, стоящую на огне.

— Что ты делаешь, Китти?

— Стирка.

По разумению Либ, бадья с бельем стояла чересчур близко к куче навоза.

— Обычно мы стираем по понедельникам, не в пятницу, — сказала Китти, — только в понедельник будет Lá Fhéile Muire Mór.

— Прошу прощения?

— Праздник Святой Девы Марии.

— Ах, неужели?

Уставившись на Либ, Китти уперла руки в боки:

— В пятнадцатый день августа Дева Мария вознеслась.

Либ не могла заставить себя спросить, что это значит.

— Ее взяли на небеса. — Китти помогла себе, взмахнув ведром.

— Она умерла?

— Не умерла, — усмехнулась Китти. — Разве любящий Сын не избавил Ее от этого?

С этим существом невозможно разговаривать. Кивнув, Либ повернула в сторону деревни.

Либ шла к пабу в предутренних сумерках. Низко над горизонтом висела обгрызенная луна. Перед тем как подняться к себе в комнату над лавкой, она не забыла попросить Мэгги оставить ей завтрак.

Либ проснулась в девять. Сон успел одурманить ее, но голова так и не прояснилась. По крыше барабанил дождь, словно это были пальцы слепца.

В столовой никаких признаков Уильяма Берна. Уже уехал в Дублин, что ли? Хотя и упрашивал Либ разузнать о возможном участии священника

в обмане.

Горничная принесла ей холодные лепешки. Испеченные — как определила Либ по тонкой корочке — прямо на углях. Неужели ирландцы ненавидят еду? Она подумала, что позже спросит об этом журналиста, но потом поняла, что вопрос прозвучит дико.

Либ стала думать об Анне О'Доннелл, которая на пятый день проснулась еще более голодной. Ей вдруг сделалось нехорошо, и она, отодвинув тарелку, пошла к себе.

Несколько часов кряду Либ читала сборник разных очерков, но в памяти ничего не удерживалось.

Не обращая внимания на дождь, барабанящий по ее зонту, Либ отправилась по переулку, отходящему от паба, — лишь бы выбраться на улицу. В поле ей повстречались несколько грустных коров. По мере того как Либ шла к единственной возвышенности, «киту» Анны — длинной гряде с одной остроконечной верхушкой, — почва становилась все более скудной. Тропинка, по которой она шла, в конце концов пропала в болоте. Либ старалась выбирать более высокие, сухие на вид участки, покрытые фиолетовым вереском. Краем глаза она заметила какое-то движение — заяц?

Видны были углубления, заполненные жижей, напоминающей горячий шоколад, другие мерцали темной водой.

Чтобы не промочить ботинки, Либ прыгала с одной кочки на другую. Время от времени она опускала зонтик острием вниз и тыкала им в землю, чтобы проверить, насколько она твердая. Какое-то время Либ шла вдоль широкой полосы осоки, хотя ее беспокоили звуки журчащей внизу воды — возможно, подземный ручей. Неужели вся почва здесь напоминает пчелиные соты?

Мимо, издавая пронзительные жалобы, пробежала птица с изогнутым клювом. От края до края влажной луговины раскачивались пучки травы с белыми головками. Либ наклонилась, чтобы рассмотреть интересный лишайник. Оказалось, у него есть рожки, как у крошечного оленя.

Из огромной выемки в земле доносились ритмичные звуки рубки. Приблизившись и заглянув вниз, Либ увидела яму, наполовину заполненную коричневой водой. В этой яме по грудь в воде стоял мужчина, держась согнутой рукой за некоторое подобие лестницы.

— Погодите! — вскрикнула она.

Мужчина вытаращил на Либ глаза.

— Я скоро вернусь с подмогой, — сказала она.

— Я в полном порядке, мэм.

— Но… — Либ указала на подступающую воду.

— Просто немного отдыхаю.

Либ ничего не понимала. Щеки ее горели.

Мужчина подался вперед и схватился за лесенку другой рукой.

— А вы, должно быть, английская сиделка.

— Верно.

— Здесь разве не вырубают торф?

Только теперь Либ заметила свисающую с лесенки лопату с лопастями.

— Только не в моей части страны. Можно спросить: зачем вы спустились так низко?

— Сверху дерн нехорош. — Он указал на край ямы. — Всего лишь мох на подстилку животным и повязки на раны.

Либ не могла себе вообразить, как можно прикладывать эту гниль к ранам, пусть даже на поле боя.

— Чтобы добыть торф на растопку, надо копать яму в рост человека или больше.

— Как интересно! — Либ пыталась казаться деловой, но прозвучало это у нее, как пустой светский разговор.

— Вы потерялись, мэм?

— Вовсе нет. Просто совершаю моцион. Раз-

минаюсь, — добавила она на тот случай, если добытчик торфа не был знаком с этим словом.

Он кивнул:

— У вас не завалялся в кармане кусок хлеба?

Она в замешательстве отступила назад. Уж не нищий ли этот малый?

— Нет. И денег нет.

— В деньгах толку нет. Кусочек хлеба нужен, чтобы отгонять чужую толпу, когда ходишь вокруг.

— Чужую толпу?

— Маленький народец, — ответил он.

Очевидно, опять белиберда про фей. Либ повернулась, чтобы уйти.

— Вы ходили по зеленой дороге?

Снова намек на что-то сверхъестественное?

— Пожалуй, я не знаю, что это такое, — обернулась она.

— Вы уже почти ступили на нее.

Посмотрев в том направлении, куда указывал мужчина, Либ с удивлением заметила тропу.

— Спасибо.

— Как поживает девчушка?

Она чуть не ответила по привычке: «Вполне сносно», но вовремя остановила себя.

— Я не вправе обсуждать этот случай. Доброго

дня!

При ближайшем рассмотрении зеленая дорога оказалась вполне приличной проселочной дорогой, вымощенной камнем и берущей начало прямо посередине болота. Возможно, она вела сюда из соседней деревни, а последний ее участок, который должен был дойти до деревни О'Доннеллов, еще не был достроен. Ничего особо зеленого в ней не было, но все же это название что-то обещало. Либ бодрым шагом пошла по мягкой обочине, где изредка встречались цветы.

Через полчаса хода дорога резко свернула на невысокий холм, а затем, непонятно зачем, спустилась с него. Либ в досаде прищелкнула языком. Вероятно, она слишком многого просит, желая идти по прямой тропе. В конце концов эта так называемая дорога пропала так же неожиданно, как возникла, а ее камни скрылись под разросшимися сорняками.

Какой все-таки сброд, эти ирландцы! Пассивные, расточительные, суеверные, вечно сожалеющие о прошлых ошибках. Дороги их ведут в никуда, деревья у них увешаны вонючими тряпицами.

Либ потопала обратно. Под зонт забиралась сырость, плащ у нее промок. Она намеревалась

отругать малого, отправившего ее неизвестно куда, но, подойдя к болотной выемке, увидела там лишь воду. Если только она не перепутала место. Рядом с большой выемкой в земле на подставках для сушки лежали под дождем торфяные брикеты.

По пути к дому Райана Либ заметила цветок, похожий на крошечную орхидею. Может быть, стоит сорвать его для Анны? Пытаясь дотянуться до цветка, Либ наступила на клочок изумрудного мха и с опозданием почувствовала, как мох оседает под ногой.

Либ упала лицом в тину. Почти сразу поднявшись на колени, она тем не менее успела промокнуть. Подобрав юбку, Либ оперлась на ногу, которая тут же провалилась в торф. Подобно пойманному в силки зверю, она ползла, задыхаясь и цепляясь руками за мох.

Либ шла по переулку, пошатываясь, с облегчением думая о том, что паб совсем близко и ей не придется в таком виде идти через всю деревню.

Домохозяин, стоя в дверях, с удивлением приподнял кустистые брови.

— Коварные эти ваши болота, мистер Райан, — заметила Либ. С ее юбки текла вода. — Много здесь тонет народа?

Он фыркнул, а потом сильно закашлялся.

— Только если придурковатые, — отдышавшись, проговорил он, — или сильно выпившие в безлунную ночь.

К тому времени, когда Либ обсушилась и надела форменную одежду, было уже начало второго. Она быстрым шагом пошла к дому О'Доннеллов. Она бы даже побежала, но боялась уронить достоинство. Чтобы на двадцать минут опоздать на дежурство, вопреки своим притязаниям на высокие стандарты…

В том месте, где утром стояла бадья с бельем, осталась лишь лужа с грязью и пеплом, а рядом лежал деревянный бельевой валёк. Простыни и одежда были развешаны на кустах и веревке, протянутой от хижины к корявому дереву.

В гостевой комнате за чашкой чая и ячменной лепешкой с маслом сидел мистер Таддеус. На Либ накатила ярость.

Но он же не обычный посетитель, напомнила она себе, он приходской священник и член общины. К тому же рядом с Анной сидела сестра Майкл. Снимая плащ, Либ встретилась взглядом с глазами монахини и извинилась за опоздание.

— Мое дорогое дитя, — говорил священник, — отвечая на твой вопрос, скажу: ни вверху ни

внизу.

— Тогда где? — спросила Анна. — Оно парит в промежутке?

— Не стоит рассматривать чистилище как конкретное место — это, скорее, время, отведенное для очищения души.

— Сколько нужно такого времени, мистер Таддеус? — Анна, сидящая очень прямо, была белой, как молоко. — Я знаю, это семь лет для каждого совершенного нами смертного греха, потому что они действуют против семи даров Святого Духа. Но я не знаю, сколько грехов совершил Пэт, поэтому не могу сосчитать.

Священник вздохнул, но не стал возражать ребенку.

Либ в душе возмутилась этой математической бессмыслицей. Одна ли Анна страдает от религиозного помешательства или весь ее народ?

Мистер Таддеус поставил чашку на стол.

Либ посмотрела, не осталось ли у него на тарелке крошек, — не потому, что она могла себе представить, как девочка хватает их.

— Этот процесс не ограничивается определенным периодом, — сказал он Анне. — В безграничности любви Всемогущего времени не существует.

— Но мне кажется, Пэт пока не на небесах с Богом.

Сестра Майкл сжала руку Анны.

Наблюдая за происходящим, Либ переживала за девочку. Когда их было двое, в трудные времена брат с сестрой, вероятно, держались вместе.

— Тем, кто пребывает в чистилище, конечно, не разрешается молиться, — отвечал священник, — но мы можем молиться за них. Чтобы искупить их грехи, что-то улучшить — это как лить воду на их пламя.

— Но я молилась, мистер Таддеус, — уверила его Анна, глядя огромными глазами. — Я молилась за святые души по девять дней каждый месяц в течение девяти месяцев. Я читала на кладбище молитву святой Гертруды, читала Священное Писание, поклонялась священным таинствам, молилась за заступничество Всех Святых…

Мистер Таддеус поднял руку, призывая ее к молчанию:

— Ну что ж. Это уже с полдесятка деяний искупления.

— Но этой воды может не хватить, чтобы погасить пламя Пэта.

Либ стало жаль священника.

— Надо представлять себе это не как настоящий

огонь, — внушал он Анне, — а скорее как мучительную робость души предстать перед Богом, ее самонаказание, понимаешь?

Девочка судорожно всхлипнула.

Сестра Майкл обхватила ладонями левую руку ребенка.

— Ну перестань, — бормотала она. — Разве Господь не говорил: «Не убоись»?

— Правильно, — сказал мистер Таддеус. — Предоставь Пэта заботам нашего Отца Небесного.

По опухшему лицу Анны скатилась слеза, но девочка смахнула ее.

— Ах, Господь любит ее, нежную голубку, — прошептала Розалин О'Доннелл за спиной у Либ, стоявшей в дверном проеме.

За хозяйкой маячила Китти.

Либ вдруг стало неловко оттого, что она стала свидетелем этой сцены. Может быть, все это разыграно матерью и священником? А сестра Майкл — утешала она девочку или завлекала дальше в лабиринт?

— Помолимся, Анна? — Мистер Таддеус сжал руки.

— Да. — Девочка сложила ладони вместе. — Боготворю тебя, о дорогой крест, облагороженный

прекрасными уязвимыми конечностями Иисуса, моего Спасителя, обагренный Его драгоценной кровью. Поклоняюсь Тебе, о Господь мой, пригвожденный к кресту за любовь ко мне.

Это была молитва к Доротее! «Дорогой», а не «Доротея» — вот что слышала Либ в течение последних пяти дней.

Испытав краткое удовлетворение от разрешения этой загадки, она заскучала. Просто очередная молитва, что в ней особенного?

— Теперь о деле, которое привело меня сюда, Анна, — проговорил мистер Таддеус. — Твой отказ от пищи.

Пытается ли священник снять с себя всякую вину в присутствии англичанки? «Тогда заставьте ее сию же минуту съесть эту сдобную ячменную лепешку», — молча уговаривала его Либ.

Анна очень тихо что-то проговорила.

— Говори громче, дорогая.

— Я не отказываюсь, мистер Таддеус, — сказала она. — Я просто не ем.

Либ разглядывала эти серьезные опухшие глаза.

— Господь читает в твоем сердце, — сказал мистер Таддеус, — и Он тронут твоими хорошими намерениями. Давай помолимся за то, чтобы тебе

была дарована милость принимать пищу.

Монахиня закивала.

Милость принимать пищу! Как будто это некая чудесная способность, в то время как с этим рождается каждая собака, каждая гусеница.

Все трое несколько минут молча молились. Потом мистер Таддеус съел лепешку, благословил О'Доннеллов и сестру Майкл и ушел.

Либ отвела Анну в спальню. Она не решалась заговорить, боясь оскорбить религиозные чувства ребенка. Во всем мире, говорила она себе, люди возлагают свою веру на амулеты, идолов или магические слова. Пусть Анна верит во что угодно, лишь бы только стала есть.

Открыв журнал «Круглый год», Либ попыталась найти хоть в чем-то интересную статью.

Вошел Малахия, чтобы перемолвиться словечком с дочерью.

— А что у тебя здесь сегодня?

Анна принялась показывать ему стоящие в кувшине цветы: болотная асфодель, трилистник водяной, вереск, голубая молиния.

Слушая, он рассеянно поглаживал изгиб ее уха.

Замечает ли Малахия ее поредевшие волосы? Участки шелушащейся кожи, пушок на лице, опухшие конечности? Или в глазах отца Анна

всегда одинаковая?

В этот день в дверь хижины никто не стучал, — может быть, любопытных отпугнул непрекращающийся дождь. После встречи со священником Анна, казалось, онемела. Она сидела, положив на колени открытую книгу псалмов.

Пять дней, думала Либ, всматриваясь в девочку до рези в глазах. Неужели упрямое дитя могло протянуть последние пять дней на нескольких глотках воды?

Без четверти четыре Китти принесла Либ поднос. Капуста, репа и неизменные овсяные лепешки, но Либ, успев проголодаться, приступила к еде, как к изысканной трапезе. На этот раз лепешки слегка подгорели, а внутри были сырыми, но Либ запихнула их в себя. И, только съев половину тарелки, она вспомнила про Анну, которая сидела в трех футах от нее, бормоча молитву, бывшую для Либ молитвой к Доротее. Вот что делает с человеком голод — оставляет равнодушным ко всему прочему. Овес встал комом в горле у Либ.

Одна медсестра, которую она знала по Шкодеру, провела некоторое время на плантации в Миссисипи. Женщина говорила, что самым ужасным было то, насколько быстро человек перестает замечать ошейники и цепи. Человек ко всему

привыкает.

Либ уставилась в свою тарелку, пытаясь увидеть содержимое глазами Анны: «подкова», «полено» или «камень». Невозможно! Она попыталась снова, представляя овощи в обособленном виде, как будто в рамке. Теперь это была всего лишь фотография тарелки с едой, и, в конце концов, никто не стал бы лизать изображение или откусывать от страницы. Либ добавила слой стекла, потом еще одну рамку и второй слой стекла, упаковав содержимое тарелки. Не для еды.

Но аппетитный аромат капусты говорил сам за себя. Либ отправила вилку с едой в рот.

Анна смотрела на дождь, почти прижавшись лицом к закопченному окну.

Мисс Н. в свое время с энтузиазмом проповедовала значение солнечного света для больных, вспомнила Либ. Подобно растениям, они без него увядали. Это заставило ее подумать о Макбрэрти и его загадочной теории о питании солнечным светом.

Около шести небо наконец прояснилось, и Либ решила, что посетители уже вряд ли придут. Закутав Анну в две шали, она вывела ее на прогулку вокруг фермерского двора.

Девочка протянула распухшую руку к корич-

невой бабочке, которая порхала вокруг и никак не хотела сесть.

— Разве то облако не похоже на тюленя?

Либ прищурилась:

— Думаю, ты никогда не видела настоящего тюленя, Анна.

— На картинке он настоящий.

Детям, разумеется, нравятся облака: бесформенные, а скорее, вечно переменчивые, как в калейдоскопе. Неразвитый ум этой маленькой девочки еще не устоялся. Неудивительно, что она стала жертвой фантастического желания — жить без пищи.

Войдя в дом, они увидели высокого бородатого мужчину, который курил, сидя на лучшем стуле. Повернувшись, он широко улыбнулся Анне.

— Стоило мне выйти, и вы впустили чужака? — свистящим шепотом спросила Либ у Розалин О'Доннелл.

— Уж точно Джон Флинн не чужак. — Хозяйка даже не понизила голоса. — У него поблизости большая отличная ферма, и он частенько заглядывает по вечерам, чтобы занести Малахии газету.

— Никаких посетителей, — напомнила ей Либ.

Из зарослей на лице мужчины послышался

очень низкий голос:

— Я член комитета, выплачивающего вам жалованье, миссис Райт.

Опять промах!

— Прошу прощения, сэр. Я не знала.

— Выпьете глоток виски, Джон?

Миссис О'Доннелл извлекла из ниши за очагом небольшую бутылку, припасенную для посетителей.

— Нет, не сейчас. Анна, как ты сегодня? — подзывая девочку к себе, ласково спросил он.

— Очень хорошо, — заверила его Анна.

— Ну разве ты не чудо? — Глаза фермера остекленели, словно перед ним возникло видение. Он вытянул вперед массивную руку, как будто собираясь погладить девочку по голове. — Ты даешь всем нам надежду. Именно то, что нужно в эти унылые времена. Путеводная звезда, сияющая над этими полями. Над всем погруженным во тьму островом.

Анна, поеживаясь, стояла на одной ноге.

— Помолишься со мной? — спросил он.

— Ей надо переодеться в сухое, — напомнила Либ.

— Тогда скажи одну молитву за меня, когда будешь ложиться спать, — проговорил Джон вслед

Анне, которую Либ поспешно повела в спальню.

— Обязательно, мистер Флинн, — бросила Анна через плечо.

— Благослови тебя Бог!

Без лампы в комнате было так тесно и сумрачно.

— Скоро стемнеет, — сказала Либ.

— Тот, кто пойдет за мной, не будет блуждать во тьме, — расстегивая манжеты, произнесла Анна.

— Можешь прямо сейчас надеть ночную рубашку.

— Хорошо, миссис Элизабет. Или, может быть, Элиза? — Из-за усталости улыбка девочки получилась кривой.

Либ сосредоточилась на крошечных пуговках Анны.

— Или вы Лиззи? Мне нравится Лиззи.

— Не Лиззи, — ответила Либ.

— Иззи? Ибби?

— Идли-дидли!

Анна зашлась в смехе:

— Тогда буду вас так и называть, миссис Идли-дидли.

— Не будешь, маленькая проказница, — сказала Либ.

Интересно, удивляются ли О'Доннеллы и их

друг Флинн этому веселью, доносящемуся через стенку?

— Буду.

— Либ. — Слово выскочило само по себе, как кашель. — Меня называли Либ. — Она уже успела немного пожалеть о сказанном.

— Либ, — повторила Анна, удовлетворенно кивнув. — Привет, Либ.

Приятно было это слышать. Как в детстве, когда сестра еще смотрела на нее снизу вверх — в то время они думали, что всегда будут вместе. Но Либ заставила себя прервать поток воспоминаний.

— Ну а ты — у тебя есть уменьшительное имя?

Анна покачала головой.

— Ты могла быть Энни. Ханной, Нэнси, Нэн…

— Нэн, — задумчиво повторила девочка.

— Больше всего тебе нравится Нэн?

— Но это буду не я.

— Женщина может поменять имя или фамилию, — пожала плечами Либ. — Например, выйдя замуж.

— Вы были замужем, миссис Либ?

— Я вдова, — сдержанно кивнула она.

— Вы все время грустите?

Либ смутилась:

— Я знала своего мужа меньше года. — Навер-

ное, это прозвучало сухо.

— Вы, должно быть, любили его, — промолвила Анна.

Либ не знала, как ответить. Она попыталась вызвать Райта в памяти, вместо лица — расплывшееся пятно.

— Подчас, когда приходит несчастье, не остается ничего другого, как начать все сызнова.

— Что начать?

— Все. Совершенно новую жизнь.

Девочка задумалась, но ничего не сказала.

Когда Китти внесла горящую лампу, они чуть не ослепли.

Позже пришла Розалин О'Доннелл с газетой «Айриш таймс», которую оставил Джон Флинн. Там была фотография Анны, снятая Рейли в понедельник, но сделанная в виде гравюры на дереве, с более резкими линиями и тенями. Либ была раздосадована, подумав, что дни и ночи ее пребывания в этой покосившейся лачуге превращаются в поучительную историю. Пока Анна не увидела, она припрятала сложенную газету.

— Там, внизу, есть большая заметка. — Мать дрожала от радости.

Пока Анна расчесывала волосы, Либ подошла к лампе и бегло просмотрела статью. Как она

поняла, это был первый очерк Уильяма Берна — где он цитировал Петрония, — набросанный в среду утром, когда журналист не располагал еще никакой достоверной информацией. Либ не могла не согласиться с выражением «провинциальное невежество».

Второй абзац был для нее внове.

> Воздержанность является несомненной ирландской чертой. Старая ирландская мудрость гласит: «Можно и недоспать, можно и недоесть. Умеренность – мать здоровья».

Это не новость, подумала Либ, всего лишь болтовня. Беспечный тон оставлял послевкусие.

> Пожалуй, стоит напомнить этим столичным интеллектуалам, подзабывшим ирландский язык, что в нашем древнем языке «среда» называется словом, означающим «первый пост», а «пятница» – «второй пост». В оба эти дня по традиции дожидаются, пока нетерпеливое дитя не закричит три раза, и только потом дают ему бутылочку. К вящему нашему удовольствию, слово «четверг» означает

«день между постами».

Неужели это правда? Не доверяет она этому шутнику. У Берна хватает эрудиции, но иногда он пользуется ею ради потехи.

> У наших предков было принято – по ирландскому выражению – держать пост против обидчика или должника, демонстративно голодая у его двери. Говорят, сам святой Патрик с явным успехом держал пост против Создателя на горе в Мейо, названной в его честь. Пристыдив, он заставил Всемогущего даровать ему право судить ирландцев в Судный день. В Индии также протест, выражаемый с помощью голодания у порога, стал настолько распространенным, что наместник короля предлагает запретить его. Что касается крошки мисс О'Доннелл, то автор этой статьи пока не смог определить, отражает ли ее нежелание в течение четырех месяцев съедать завтраки, обеды и ужины какую-то юношескую обиду.

Либ захотелось выбросить газету в очаг. Не-

ужели у этого малого совсем нет сердца? Анна — ребенок в беде, а не предмет для шуток в качестве летнего развлечения читателей газеты.

— Что там говорится обо мне, миссис Либ?

— Это не о тебе, Анна, — покачала она головой.

Чтобы отвлечься, Либ просмотрела заголовки, набранные жирным шрифтом, — события мирового масштаба. Всеобщие выборы, объединение Молдавии с Валахией, осада Веракруса, непрекращающееся извержение вулкана на Гавайях.

Никакого толку. Либ эти проблемы не волновали. Персональный уход за больным всегда суживал кругозор, а особенность данного случая усиливала эффект, сжимая ее мир до одной комнатушки.

Свернув газету в плотную трубку, Либ оставила ее на чайном подносе у двери. Потом вновь проверила каждую поверхность, но не потому, что рассчитывала найти тайник, из которого Анна таскает еду во время дежурства монахини, а чтобы чем-то себя занять.

Девочка сидела в ночной сорочке и вязала шерстяной чулок. Может у Анны все-таки быть какая-то невысказанная обида? — размышляла Либ.

— Пора ложиться спать.

Она взбила подушки, придавая им нужную форму, а потом сделала записи.

Водянка без улучшений.

Десны в том же состоянии.

Пульс: 98 ударов в минуту.

Дыхание: 17 вдохов в минуту.

Когда на дежурство пришла монахиня, Анна уже спала.

Либ считала, что нужно поговорить, хотя женщина противилась любой попытке.

— Прошло пять дней и пять ночей, сестра, а я ничего не заметила. Пожалуйста, ради нашей пациентки, скажите, а вы заметили?

Замявшись, монахиня покачала головой, а потом тихо произнесла:

— Может, потому, что замечать было нечего.

Что она имеет в виду? Тайного кормления не было, потому что Анна действительно живое чудо, благоденствующее на диете из молитв? Либ задыхалась от того неизъяснимого, что витало в этой хижине — да и во всей стране.

— Хочу кое-что сказать, — тщательно подбирая слова, заговорила она. — Это, скорей, не об Анне, а о нас.

Сказанное заинтересовало монахиню.

— О нас?

— Мы здесь для того, чтобы наблюдать, верно? — (Сестра Майкл кивнула.) — Но когда что-то изучаешь, невольно влияешь на это. Когда в целях изучения помещаешь рыбу в резервуар, а растение в горшок, то условия меняются. Между тем, как Анна жила последние четыре месяца, и как живет сейчас — большая разница, вы согласны?

Монахиня лишь наклонила голову набок.

— Это все из-за нас, — проговорила Либ. — Надзор изменил ситуацию, которую мы наблюдаем.

Брови сестры Майкл поднялись, исчезнув за полоской белого полотна.

— Если в прошедшие месяцы в этом доме имело место жульничество, — продолжала Либ, — то наш надзор должен был, начиная с понедельника, положить ему конец. Так что вполне вероятно, что именно мы с вами сейчас не даем Анне питаться.

— Но мы ничего не делаем!

— Кроме того, что каждую минуту следим за ней. Разве мы не пришпилили ее, как бабочку?

Неверный образ — чересчур болезненный.

Монахиня энергично затрясла головой.

— Надеюсь, я ошибаюсь, — сказала Либ. — Но если я права, то ребенок не ест уже пять дней…

Сестра Майкл не сказала: «Этого не может быть» или «Анна не нуждается в пище». Она только произнесла:

— Вы заметили какие-нибудь серьезные изменения в ее состоянии?

— Нет, — призналась Либ. — Ничего такого, на что можно было бы прямо указать.

— Ну, тогда…

— Ну, тогда что, сестра? «Бог в небесах, и в мире все хорошо»? Что мы делаем?

— То, для чего нас наняли, миссис Райт. Не больше и не меньше. — С этими словами монахиня села и загородилась своей священной книгой как баррикадой.

Эта крестьянка, оказавшаяся в доме призрения, без сомнения, добрая душа, с раздражением думала Либ. И вероятно, по-своему умная, если только позволяет себе выходить за рамки, предписанные начальством. «Мы поклялись приносить пользу», — похвалилась как-то сестра Майкл, но какую реальную пользу приносит она здесь? Либ припомнила слова, сказанные мисс Н. одной медсестре, которую она отослала обратно в Лондон после всего лишь двух недель в Шкодере: «На фронте бесполезный человек — помеха».

На кухне началась молитва. О'Доннеллы, Джон

Флинн и прислуга уже стояли на коленях, произнося нараспев: «Хлеб наш насущный дай нам днесь», когда Либ проходила мимо них.

Разве эти люди не слышат того, что говорят? А как насчет насущного хлеба для Анны О'Доннелл?

Либ распахнула дверь и вышла в сумрак ночи.

Сон вел ее вперед и вперед, к основанию той скалы, изображенной на священной карточке, наверху которой маячил крест, а под ним пульсировало гигантское красное сердце. Либ надо было подняться по лестнице, прорубленной в скале. Она напрягалась до дрожи в ногах, но, без устали поднимаясь по ступеням, никак не приближалась к вершине.

Проснувшись в темноте, Либ поняла, что сейчас утро субботы.

Подойдя к хижине, она увидела развешанное на кустах белье, еще больше намокшее после вчерашнего дождя.

Сестра Майкл сидела у кровати, следя за поднниманием и опусканием хрупкой груди под сбившимся одеялом. Либ в немом вопросе подняла брови.

Монахиня покачала головой.

— Сколько воды она выпила?

— Три ложки, — прошептала сестра Майкл.

Это было не так уж важно — всего-навсего вода.

Монахиня собрала свои вещи и, не сказав больше ни слова, ушла.

По телу Анны медленно перемещался прямоугольник света — правая рука, грудь, левая рука. Неужели дети одиннадцати лет спят так долго, недоумевала Либ. Или это потому, что организм Анны работает без топлива?

В этот момент из кухни пришла Розалин О'Доннелл, и Анна, захлопав глазами, проснулась. Либ отошла к комоду, чтобы не мешать утреннему приветствию.

Женщина стояла между дочерью и бледным лимонным солнцем. Розалин наклонилась, желая заключить ребенка в объятия, но Анна уперлась ладонью в широкую костистую грудь матери.

Розалин О'Доннелл оцепенела.

Анна молча покачала головой.

Розалин О'Доннелл выпрямилась и прикоснулась пальцами к щеке девочки. Выходя из комнаты, она бросила на Либ злобный взгляд.

Либ была потрясена. Ведь она не сделала ничего такого. Разве ее вина, что девочке надоело выносить лицемерное поведение матери? При-

частна Розалин О'Доннелл к обману или просто закрывает на него глаза, она по меньшей мере безучастно наблюдает за тем, как ее дочь начинает шестой день поста.

Отказалась поздороваться с матерью. Так записала Либ в своей книжке. Потом пожалела об этом, потому что ее записи должны были ограничиваться медицинскими сведениями.

В тот день, возвращаясь в деревню, Либ толкнула заржавевшие ворота кладбища. Ей было любопытно взглянуть на могилу Пэта О'Доннелла.

Могильные плиты были не такими старыми, как она предполагала, — она не нашла надписей раньше 1850-го. Либ решила, что из-за мягкой почвы многие из них накренились, а из-за влажного воздуха обросли мхом.

«Смилуйся…» «Доброй памяти…» «С любовью вспоминаю о…» «Здесь лежит…» «Посвященный…» «В память о его первой жене, ушедшей из жизни…» «Воздвигнуто для потомков…» «Также о второй жене…» «Помолись о душе…» «Который умер в ликовании оттого, что Спаситель подарит надежду на воскресение». Право, подумала Либ, кто вообще умирает в ликовании? Какой бы умник ни начертал эту фразу, он никогда не сидел у

постели умирающего, вслушиваясь в последние хрипы.

«В возрасте пятидесяти шести лет…» «…двадцати трех лет…» «…девяноста двух лет…» «…тридцати девяти…» «Возблагодарим Господа, принесшего ей победу». Либ заметила небольшой знак IHS, вырезанный почти на каждой могиле и окруженный чем-то вроде солнечных лучей. Она смутно припомнила, что это означает: «I Have Suffered», то есть «Я страдал». Было там одно странное широкое место без могильной плиты — на нем поместилось бы двадцать гробов. Кто же там лежал? Потом она поняла, что это общая могила, где лежат безымянные люди.

Либ поежилась. По роду своей деятельности она была накоротке со смертью, но сейчас словно входила в дом врага.

Всякий раз, увидев надпись о ребенке, она отводила глаза. «А также сын и две дочери…» «С ними трое детей…» «Также их дети, умершие в младенчестве…» «В возрасте восьми лет…» «В возрасте двух лет и десяти месяцев». Убитые горем родители, считавшие каждый месяц…

Едва завидев пышный цвет,
Слетели ангелы с небес.

Ее забрали в лучший мир,
Чтоб в горних долах цвесть.

Либ поймала себя на том, что впивается ногтями в ладони. Если земля — неподходящая почва для лучших творений Господа, зачем Он с таким упорством высаживает их здесь? Какой смысл в этих коротких загубленных жизнях?

Она уже собиралась отказаться от поисков, когда нашла могилу мальчика.

ПАТРИК МАРИЯ О'ДОННЕЛЛ
3 декабря 1843 – 21 ноября 1858
Покойся с миром

Либ всматривалась в незатейливые слова, высеченные в камне, пытаясь представить, что они значили для Анны. Рисовала в своем воображении живого долговязого парнишку в стоптанных сапогах и испачканных штанах, в котором так и кипела энергия юности.

Могила Пэта была единственной у О'Доннеллов, а это означало, что ему одному могла перейти фамилия Малахии, по крайней мере в этой деревне. А также и то, что, будь у миссис О'Доннелл другие беременности после Анны, они не заканчивались родами. Либ на миг отказалась

от своей неприязни к этой женщине, размышляя о том, через что прошла Розалин О'Доннелл и отчего она ожесточилась. «Семь лет голода и мора», как с библейским пафосом написал Берн. Мальчик и его младшая сестра, которых в тяжелые времена почти нечем было кормить. Потом, пройдя через эти ужасные годы, Розалин потеряла сына-подростка… Подобное несчастье могло непостижимым образом все изменить. Вместо того чтобы еще больше привязаться к единственному ребенку, Розалин, наверное, почувствовала, что ее сердце окаменело. Либ понимала это состояние, когда ощущаешь, что ничего больше не можешь дать. Не потому ли эта женщина делает теперь Анну предметом странного культа, очевидно предпочитая, чтобы дочь была святой, а не обычным человеком?

По погосту пролетел порыв ветра, и Либ плотнее закуталась в плащ. Закрыв скрипящие ворота, она свернула направо, к часовне. Не считая небольшого каменного креста над шиферной крышей, часовня мало чем отличалась от соседних домов. Но какую мощь изливает с ее алтаря мистер Таддеус!

Когда Либ дошла до деревни, солнце опять появилось и все засияло. Она свернула на улицу, и

тут ее за рукав схватила румяная женщина.

Либ отпрянула.

— Прошу прощения, госпожа. Просто хотела спросить, как там наша малютка?

— Не могу сказать. — Потом добавила, чтобы ее правильно поняли: — Это конфиденциальное дело.

Поняла ли женщина мудреное слово? По ее виду было неясно.

На этот раз Либ повернула направо, в сторону Маллингара, только потому, что еще не ходила по этой дороге. Аппетита у нее не было, и сидеть пока взаперти у Райана не хотелось.

За ее спиной послышалось цоканье лошадиных копыт. Только когда всадник поравнялся с Либ, она узнала широкие плечи и рыжие кудри. Она кивнула, ожидая, что Уильям Берн дотронется до шляпы и поскачет галопом дальше.

— Миссис Райт! Как приятно встретиться с вами. — Берн соскочил с седла.

— Мне необходим ежедневный моцион. — Это все, что пришло ей в голову.

— А нам с Полли — верховая прогулка.

— Значит, ее подлечили?

— Вполне, и она наслаждается сельской жизнью. — Берн похлопал лошадь по лоснящемуся

боку. — А как вы? Удалось осмотреть достопримечательности?

— Ни одной, даже каменный круг. Я только что побывала на кладбище, — сообщила Либ, — но там нет ничего, представляющего исторический интерес.

— Знаете, раньше по закону запрещалось хоронить здесь своих, поэтому старые католические могилы есть на протестантском кладбище в соседнем городке.

— А… Простите мне мое невежество.

— С удовольствием, — откликнулся Берн. — Гораздо труднее простить вам вашу невосприимчивость к красотам этого прелестного пейзажа, — картинно взмахнув рукой, сказал он.

— Одно бесконечное, пропитанное водой болото, — скривила губы Либ. — Вчера я упала в него и думала, что так и не выберусь.

— Бояться нужно только трясины, — ухмыльнулся Берн. — Она похожа на твердую землю, но на самом деле это плавающая губка. Если вы наступите на нее, то провалитесь прямо в мутную воду внизу.

Либ скорчила гримасу. Приятно было разговаривать о чем-то помимо надзора.

— Бывает еще движущееся болото, — продол-

жал он, — это что-то вроде лавины…

— Ну, это вы придумали.

— Клянусь! — ответил Берн. — После ливня верхний слой почвы может оторваться, сотни акров торфа начинают скользить, настигая бегущего человека.

Либ покачала головой.

— Слово журналиста! — прижав руку к сердцу, произнес он. — Спросите любого в округе.

Либ скосила глаза, воображая себе накатывающуюся на них коричневую волну.

— Необычная штука эти болота, — произнес Берн. — Мягкая кожа Ирландии.

— Полагаю, хорошо горит.

— Что — Ирландия? — (Либ расхохоталась.) — Подозреваю, вы с радостью все здесь подожгли бы, если сначала это можно было бы высушить, — сказал он.

— Зачем вы приписываете мне свои слова?

Уильям Берн ухмыльнулся:

— Вы знаете, что торф обладает сверхъестественной силой сохранять вещи такими, какими они были в момент погружения? Из этих болот извлекают уйму сокровищ — мечи, котлы, украшенные орнаментом книги, — не говоря уже о случайных телах, на удивление хорошо сохра-

нившихся.

Либ поморщилась.

— Должно быть, вам не хватает городских развлечений Дублина, — сказала она, чтобы сменить тему. — У вас там семья?

— Родители и три брата, — ответил Берн.

Либ спрашивала не об этом, но ответ все же получила — этот мужчина не женат. Разумеется, он ведь еще молод.

— Дело в том, миссис Райт, что я работаю как собака. Я ирландский корреспондент ряда английских газет и вдобавок штампую статьи о безжалостном унионизме для «Даблин дейли экспресс», расточаю фенианский[12] пыл для «Нэшн» и католическое благочестие для «Фримэнз джорнал»…

— И более того, собака-чревовещатель, — пошутила Либ, а он прыснул.

Она подумала о письме доктора Макбрэрти про Анну, с которого начались все разногласия.

— А еще сатирические заметки для «Айриш таймс»?

— Нет-нет! Умеренные взгляды по поводу национальных вопросов и общих проблем, — произнес

---

[12] Примечания: 12

Фении — ирландские мелкобуржуазные революционеры-республиканцы второй половины XIX — начала XX в.

Берн чопорным тоном пожилой матроны. — К тому же в свободное время готовлюсь в адвокатуру.

При его уме бахвальство можно было стерпеть. Либ подумала о той статье, которую она собиралась накануне вечером швырнуть в огонь. Ведь этот человек всего лишь выполняет свою работу, пользуясь подручными средствами, как она выполняет свою. Если ему не разрешили даже мельком увидеть Анну, что мог он написать, помимо умных вольностей?

Теперь ей стало очень тепло. Сняв плащ, Либ несла его на руке, радуясь тому, что воздух обвевает ее сквозь твидовое платье.

— Скажите, вы когда-нибудь выводите на прогулку свою юную подопечную?

Либ строго взглянула на него:

— Эти поля какие-то ребристые.

— Здесь когда-то были гряды картофеля, — пояснил он. — Семенной картофель высаживался рядами, а сверху клали торф.

— Но теперь здесь растет трава.

— Со времен голода едоков стало намного меньше, — пожал плечами Берн.

Либ вспомнила об общей могиле на кладбище.

— Виной всему была картофельная плесень?

— Помимо плесени было много другого, — произнес Берн с такой горячностью, что Либ отступила в сторону. — Если бы землевладельцы не отправляли за границу зерно, не конфисковывали скот, не взимали непомерно высокую арендную плату, не выселяли людей, не сжигали дома… Или если бы правительство в Вестминстере не считало, что самый разумный курс — сидеть на задницах, а ирландцы пусть голодают. — Он отер со лба блестящие капельки пота.

— Но вы лично не голодали? — спросила Либ, словно упрекая за резкость.

Берн правильно воспринял ее слова, криво улыбнувшись:

— Сын владельца магазина вряд ли будет голодать.

— В те годы вы жили в Дублине?

— Пока мне не исполнилось шестнадцать и я не получил первое задание спецкора, — ответил он, произнеся это слово с легкой иронией. — То есть редактор согласился отправить меня, за счет моего отца, в самую гущу событий, чтобы описать последствия неурожая картофеля. Я старался выдерживать нейтральный тон и не предъявлять никаких обвинений. Но к четвертому репортажу мне стало казаться, что ничего не делать — это

смертный грех.

Либ наблюдала за напряженным лицом Берна. Его пристальный взгляд был устремлен туда, где вдали терялась узкая дорога.

— И вот я написал, что Господь, должно быть, наслал мор на картофель, а англичане устроили голод.

Она была поражена.

— Редактор это напечатал?

Берн, выпучив глаза, заговорил не своим голосом. «Бунт!» — прокричал он. И тогда я отправился в Лондон.

— Работать на этих самых английских негодяев?

Он изобразил удар кинжалом в сердце.

— Как ловко вам удается находить больное место, миссис Райт. Да, в течение месяца я посвящал свой Богом данный талант дебютанткам и скачкам.

Она перестала насмешничать:

— Вы не пожалели усилий.

— В общем, да, в шестнадцать. Потом я заткнулся и получил свои монеты.

Они продолжали идти в молчании. Полли остановилась пощипать траву.

— Вы считаете себя верующим? — спросила

Либ.

Очень личный вопрос, но она чувствовала, что они выше банальностей.

Берн кивнул:

— Почему-то все виденные мной горести не до конца вытрясли это из меня. А вы, Элизабет Райт, — настоящая безбожница?

Либ выпрямилась. У него это прозвучало так, будто она какая-то полоумная ведьма, призывающая Люцифера на торфяниках.

— Что дает вам право полагать…

— Вы задали вопрос, мэм, — прервал он ее. — Истинные верующие никогда не спрашивают.

Человек говорил дело.

— Я верю в то, что вижу.

— Значит, ничего, помимо свидетельства ваших органов чувств? — Берн поднял рыжую бровь.

— Метод проб и ошибок. Наука, — ответила Либ. — Только на нее можно полагаться.

— Вас научило этому ваше вдовство?

Краска залила ей всю шею и лицо, дойдя до линии волос.

— Откуда вы берете информацию обо мне? И почему всегда считается, что взгляды женщины основаны на личном опыте?

— Так, значит, война?

Его сообразительность задевала за живое.

— В Шкодере, — начала Либ, — я поймала себя на мысли: «Если Создатель не может предотвратить подобную мерзость, какой от Него толк?»

— А если может, но не желает, то Он дьявол.

— Я никогда так не думала.

— Но думал Юм, — сказал Берн.

Либ не знала этого имени.

— Давно умерший философ, — пояснил он. — В этот тупик заходили и более утонченные умы. Это великая загадка.

Потом какое-то время слышно было лишь постукивание их ботинок по сухой земле и негромкое цоканье копыт Полли.

— Так что же в первую очередь заставило вас отправиться в Крым?

Либ чуть улыбнулась:

— Газетная статья, как ни странно.

— Рассел, в «Таймс»?

— Я не знаю автора…

— Билли Рассел, как и я, из Дублина, — сказал Берн. — Его сообщения с фронта все изменили. Он открыл нам глаза на многое.

— Все эти гниющие заживо люди, — кивнув, проговорила Либ, — и никакой помощи.

— Что было самым ужасным?

Прямота Берна заставила ее вздрогнуть. Но она ответила:

— Канцелярская работа.

— Как это?

— Скажем, чтобы достать солдату койку, нужно отнести заведующему отделением цветной бланк, затем поставщику на подпись, после чего — и только тогда — комиссариат выдает койку, — рассказала Либ. — Для жидкой или мясной диеты, лекарства или даже срочного получения опиата требовалось представить врачу бланки разного цвета и уговорить его составить требование к соответствующему управляющему, а затем подписать бланк у двух других служащих. К этому моменту пациент вполне мог умереть.

— Боже мой!

Либ не припоминала, когда в последний раз ее так внимательно слушали.

— «Произвольные предметы» — так комиссариат называл то, что по определению не поставлялось, поскольку предполагалось, что солдаты имеют эти вещи в своих ранцах, — рубашки, вилки и так далее. Но в некоторых случаях ранцы не разгружались с кораблей.

— Бюрократы… — пробурчал Берн. — Орда бес-

чувственных маленьких Пилатов, избегающих какой-либо ответственности.

— У нас было три ложки, а накормить надо было сотню раненых. — Ее голос задрожал только на слове «ложки». — Ходил слух о запасе в каком-то буфете, но мы так и не нашли его. В конце концов мисс Найтингейл вручила мне собственный кошелек и послала на рынок купить сотню ложек.

Ирландец хмыкнул.

В тот день Либ была слишком занята, чтобы спросить себя, почему из всех мисс Н. выбрала именно ее. Сейчас она поняла, что дело было не в ее профессиональных навыках, а в надежности. Она подумала, какая это честь — быть выбранной для того поручения, — лучше любой медали, приколотой к плащу.

Они шли молча, оказавшись теперь далеко от деревни.

— Возможно, я дитя или остолоп, но все же я верую, — сказал Уильям Берн. — «Есть многое на свете, друг Горацио…» и так далее.

— Я ни на что такое не намекала…

— Да нет, признаюсь: не могу созерцать ужасы, не прикрываясь утешением.

— О, я бы воспользовалась утешением, если бы было кому меня утешить, — еле слышно произ-

несла Либ.

Звуки их шагов, цоканье копыт и пронзительный крик птицы, притаившейся в живой изгороди.

— Разве повсюду и во все времена люди не взывали к своему Создателю? — спросил Берн, на миг представ высокопарным и юным.

— А это лишь доказывает, что нам Он нужен, — пробормотала Либ. — Разве сама сила этого стремления не говорит о том, что это, вероятнее всего, только мечта?

— Сильно сказано! — (Либ облизнула губы.) — А как же наши усопшие? — спросил Берн. — Когда чувствуешь, что они не совсем исчезли, — это лишь фантазии?

Либ задохнулась от нахлынувших воспоминаний. Навалившаяся на нее тяжесть, обожаемое бледное тело, еще не остывшее, недвижимое. Ослепнув от слез, она, спотыкаясь, пошла вперед, пытаясь убежать от Берна.

Он догнал ее и взял за локоть.

Либ не понимала, что с ней происходит. Кусая губы, она почувствовала вкус крови.

— Мне так жаль, — сказал он, как будто понимая, в чем дело.

Либ отстранилась от него, обняла себя руками.

Слезы стекали с прорезиненной ткани плаща, перекинутого через руку.

— Простите меня. Разговор — мое ремесло, — произнес он. — Но мне следует научиться молчать.

Либ силилась улыбнуться. Она боялась показаться смешной.

Несколько минут, пока они продолжали идти, Берн не открывал рта, словно доказывая, что умеет молчать.

— Я сама не своя, — наконец хрипло произнесла Либ. — Этот случай с Анной… растревожил меня.

Он лишь кивнул.

Из всех людей, с которыми не следовало болтать, — репортер. И все же кто еще на свете поймет ее?

— Я наблюдала за девочкой до рези в глазах. Она не ест, но все-таки жива. Более живая, чем кто бы то ни было.

— Стало быть, она поколебала вашу уверенность? — спросил он. — Почти склонила на свою сторону, несмотря на всю вашу трезвость?

Либ не могла понять, много ли в его словах сарказма.

— Просто не могу взять в толк, что с ней происходит, — ответила она.

— Так позвольте мне попытаться.

— Мистер Берн…

— У меня может быть свежий взгляд. К тому же я умею разговаривать с людьми. Возможно, мне удастся вытянуть из девочки правду.

Опустив глаза, Либ покачала головой. Да, этот человек умеет разговаривать с людьми, это бесспорно. Он мастер выуживать информацию даже из тех, кого трудно провести.

— Пять дней я околачиваюсь вокруг, — более жестко произнес он, — и каковы результаты?

К лицу Либ прихлынула кровь. Разумеется, журналист сочтет, что зря потратил время на скучные разговоры с английской медсестрой. Не особо красивая, ничем не примечательная, не слишком молодая. Как могла Либ забыть, что она лишь средство для достижения цели?

Не посчитав нужным ответить этому провокатору, Либ резко повернулась и пошла в сторону деревни.

Глава 4. Бдение

Бдение
строгое соблюдение предписания
необходимое бодрствование для выполнения задачи
бдение накануне религиозного праздника

Выстиранные вещи сняли с кустов, и хижина пропахла паром и разогретым металлом, — должно быть, женщины гладили весь день. В тот вечер молитвы, похоже, не было. Малахия О'Доннелл курил трубку, а Китти загоняла кур в буфет-курятник.

— Хозяйки нет дома? — спросила ее Либ.

— По субботам она ходит на собрания женского общества, — ответила Китти.

— Что это такое?

Но прислуга убежала за какой-то непослушной птицей.

Впрочем, у Либ были более важные вопросы, пришедшие ей в голову, когда она днем лежала без сна. Почему-то из всей компании Китти вызывала у нее наибольшее доверие, даже несмотря на то, что голова молодой женщины забита эль-

фами и ангелами. По сути дела, Либ сожалела о том, что с самого первого дня не постаралась завоевать дружбу горничной. Сейчас она подошла к ней ближе.

— Китти, не помнишь, случайно, что именно съела твоя кузина в последний раз перед днем рождения?

— Конечно помню. Как я могу забыть? — немного раздраженно произнесла Китти. Согнувшись пополам и закрывая буфет, она добавила слово, похожее на «тост».

— Тост?

— Она сказала «гостия», — бросил через плечо Малахия О'Доннелл. — Тело Господа нашего — в виде хлеба.

Либ представила себе, как Анна открывает рот, чтобы принять ту крошечную лепешку, которую католики искренне считают плотью своего Господа.

— Ее самое первое святое причастие, благослови ее Господь. — Скрестив руки, горничная кивнула на хозяина.

— Не земную пищу пожелала она для своей последней трапезы, верно, Китти? — пробормотал он, вновь обратив свой взор на пламя.

— Да, верно.

«Ее последняя трапеза» — как у приговоренного узника. Значит, Анна в первый и единственный раз приняла гостию, а потом замкнула рот. Какое странное искажение доктрины могло ее подтолкнуть? Может быть, Анна каким-то образом восприняла идею о том, что ей дарована небесная пища и она больше не нуждается в земной?

Неподвижное лицо отца менялось в мерцающем свете пламени. Кто-то из взрослых все эти месяцы поддерживал существование Анны, напомнила себе Либ. Мог ли это быть Малахия? В это трудно поверить.

Разумеется, существует середина между невиновностью и виной. Что, если этот человек раскрыл мошенничество — жены, священника или их совместное, — но к тому времени слава его малютки распространилась так широко, что он не решился вмешаться?

В спальне сестра Майкл уже надевала плащ подле спящей девочки.

— Вечером заглянул доктор Макбрэрти, — прошептала она.

Дошло ли до него наконец все, что говорила ему Либ?

— Какие распоряжения он оставил?

— Никаких.

— Но что он сказал?

— Ничего особенного. — Лицо монахини было непроницаемым.

Из всех врачей, под началом которых служила Либ, этот приветливый старик оказался самым трудным.

Монахиня ушла, а Анна продолжала спать.

Ночное дежурство было таким спокойным, что Либ пришлось вышагивать по комнате, чтобы не заснуть. В какой-то момент она взяла в руки игрушку из Бостона. На одной стороне певчая птичка, на другой клетка, но, когда Либ принялась быстро вращать бечевки, два несовместимых предмета превратились в один — трепещущую поющую птичку в клетке.

После трех часов ночи Анна проснулась.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — наклонившись к ней, спросила Либ. — Устроить тебя поудобней?

— Мои ноги.

— Что с ними?

— Я их не чувствую, — прошептала Анна.

Крошечные пальцы на ногах под одеялом были ледяными на ощупь. Какое плохое кровообращение у столь юного существа.

— Давай выберись на минутку, чтобы разогнать

кровь. — Девочка медленно и скованно встала; Либ помогла ей пройти по комнате. — Левой, правой, как солдат.

Анна принялась неуклюже маршировать на месте, глядя в открытое окно.

— Как много звезд сегодня.

— Их всегда много, если только они не закрыты облаками, — ответила Либ.

Она показала девочке Большую Медведицу, Полярную звезду, Кассиопею.

— Вы знаете их все? — с восторгом спросила Анна.

— Ну, только наши созвездия.

— Какие из них наши?

— Я имею в виду те, которые хорошо видны в Северном полушарии, — сказала Либ. — В Южном они другие.

— Правда?

Девочка стучала зубами, поэтому Либ помогла ей залезть в постель.

Завернутый во фланель кирпич еще хранил тепло очага, в котором он пролежал весь вечер. Либ засунула кирпич под ступни девочки.

— Но он ваш, — дрожа, сказала девочка.

— В теплую летнюю ночь он мне не нужен. Уже чувствуешь тепло?

Анна покачала головой:

— Скоро согреюсь.

Либ посмотрела сверху вниз на хрупкую фигурку, вытянувшуюся прямо, как крестоносец на могильной плите:

— А теперь спи.

Но глаза Анны оставались широко открытыми. Она прошептала свою молитву к Доротее, которую повторяла так часто, что Либ больше ее не замечала. Потом очень тихо пропела несколько гимнов.

Темная ночь,
И я вдали от дома.
Веди меня вперед.

В субботу утром Либ собиралась поспать, но ей помешал звон церковных колоколов. Она лежала с открытыми глазами, перебирая в уме все, что узнала об Анне О'Доннелл. Множество специфических симптомов, но они не составляли ничего такого, что Либ признала бы за болезнь. Надо будет снова поговорить с доктором Макбрэрти и на этот раз припереть его к стене.

В час дня монахиня доложила, что девочка была расстроена тем, что ей не разрешили пойти к мессе, но согласилась взамен прочитать литур-

гию по служебнику вместе с сестрой Майкл.

Чтобы не утомить Анну, как это было на днях, Либ повела ее на прогулку очень медленным шагом. Перед тем как выйти, она осмотрелась по сторонам — нет ли поблизости зевак.

Они пробирались по двору фермы, стараясь не поскользнуться.

— Будь у тебя больше сил, мы могли бы пройти с полмили в ту сторону, — указывая на запад, сказала Либ, — до очень интересного боярышника, у которого все ветки обвешаны лоскутками.

— Это лоскутное дерево у нашего святого колодца, — с энтузиазмом кивнула Анна.

— Там нет никакого колодца, а просто маленький прудик. — Либ припомнила смолистый запах воды, — может быть, она обладает дезинфицирующими свойствами? Но все же не стоит искать в суевериях научное зерно. — Эти лоскутки — нечто вроде подношений?

— Их опускают в воду и протирают болячку или болящее место, — ответила Анна. — А после этого привязывают лоскут к дереву, понимаете? — (Либ покачала головой.) — Болезнь остается на лоскутке. Когда он сгниет, то, что вас беспокоило, тоже исчезнет.

Что означает — время исцеляет все болезни,

подумала Либ. Хитроумная сказка, ведь ткань сгниет очень не скоро, и к тому времени недуг страдальца наверняка излечится.

Анна остановилась погладить живую подушку мха на стене или, может быть, перевести дух. Две птички клевали красную смородину, растущую в изгороди.

Либ сорвала гроздь блестящих ягод и поднесла ее к лицу ребенка.

— Ты помнишь их вкус?

— Пожалуй.

Губы Анны были от смородины на расстоянии ладони.

— Разве у тебя не текут слюнки? — вкрадчиво спросила Либ, но девочка покачала головой. — Эти ягоды создал Господь, верно?

Твой Господь, чуть не сказала Либ.

— Господь создал все, — ответила Анна.

Либ раздавила зубами несколько смородин, и ее рот моментально наполнился соком. Ей не доводилось пробовать ничего более великолепного.

Анна оторвала от грозди одну красную ягодку.

У Либ громко заколотилось сердце. Настал этот момент? Так просто? Обычная жизнь, близкая, как эти свисающие ягоды.

Однако девочка вытянула вперед раскрытую

ладошку с ягодой посредине и дождалась, пока самая храбрая из птичек не схватила ее.

На обратном пути в хижину Анна шла медленно, словно двигаясь в воде.

Добравшись в тот день после девяти часов вечера до паба, Либ ощущала сильную усталость и не сомневалась, что едва приклонит голову на подушку, как уснет.

Однако неугомонный ум не давал ей уснуть. Ей пришло в голову, что накануне она могла ошибиться в отношении Уильяма Берна. Что такого он сделал, кроме того, что в очередной раз попросил о разговоре с Анной? Он совсем не оскорблял Либ — это она сама вспылила и насочиняла бог знает чего. Если бы он действительно считал ее общество таким уж скучным, то, наверное, говорил бы с ней коротко и только об Анне О'Доннелл.

Комната Берна была по другую сторону коридора, но он, вероятно, еще не лег спать. Либ хотелось поговорить с ним, как с интеллигентным католиком, о том, что последним приемом пищи ребенка было причастие. Дело в том, что она отчаянно нуждалась во мнении другого человека насчет девочки. Человека, которому Либ доверяла бы, — не Стэндиша с его враждебностью, не

Макбрэрти с его странным оптимизмом, не ограниченную монахиню или безликого священника, не одержимых и, возможно, безнравственных родителей. Кого-то, кто мог бы сказать Либ, теряет она связь с реальностью или нет.

«Дайте мне попробовать», — снова зазвучали у нее в голове слова Берна. Дразнящие, очаровательные.

Он журналист, которому платят за то, что он сочинит историю, но разве не может он так же искренне хотеть помочь?

Прошла ровно неделя с тех пор, как Либ приехала из Лондона. Сколько в ней было самоуверенности — и как оказалось, неуместной. Она полагала, что к этому времени уже вернется в госпиталь и поставит на место главную медсестру. Вместо этого Либ по-прежнему заперта здесь, спит на тех же засаленных простынях, за неделю совершенно не приблизившись к пониманию Анны О'Доннелл. Только еще больше запутавшаяся, утомленная и обеспокоенная своим участием в этих событиях.

Перед рассветом в понедельник Либ подсунула записку под дверь Берна.

Придя в хижину ровно в пять, она увидела Китти, которая по-прежнему лежала на лавке. Горничная сказала, что, поскольку сегодня рели-

гиозный праздник, нужно сделать только самое необходимое.

Либ задержалась около нее. Это был реальный шанс поговорить с Китти наедине.

— Наверное, ты любишь кузину? — тихо спросила она.

— Конечно, как можно не любить нашу малышку?

Слишком громко. Либ приложила палец к губам.

— Она когда-нибудь намекала тебе, почему не хочет есть? — (Китти покачала головой.) — Ты когда-нибудь уговаривала ее что-нибудь съесть?

— Ничего я не делала. — Поднявшись, горничная в испуге заморгала. — Перестаньте меня обвинять!

— Нет-нет, я только хотела…

— Китти?

Из закутка послышался голос миссис О'Доннелл.

Что ж, она испортила все дело. Либ сразу проскользнула в спальню.

Дитя все еще спало, укрытое тремя одеялами.

— С добрым утром, — прошептала сестра Майкл и показала Либ ночную запись.

Обтирание мокрой губкой.

Выпила две чайные ложки воды.

— У вас утомленный вид, миссис Райт.

— Неужели? — вскинулась Либ.

— Люди видели, как вы бродили по всей округе.

Монахиня имеет в виду, что ее видели одну? Или с журналистом? Местные уже начали судачить?

— Прогулки на воздухе улучшают сон, — солгала она.

Когда сестра Майкл ушла, Либ некоторое время изучала собственные записи. Гладкие белые страницы, казалось, смеются над ней. Цифры не имели смысла, они говорили лишь о том, что Анна — это Анна и не похожа ни на кого другого. Хрупкая и худенькая, с пухлым лицом, живая, улыбчивая, такая маленькая. Девочка продолжала читать, раскладывать карточки, шить, вязать, молиться, петь. Исключение из всех правил. Чудо? Либ шарахалась от этого слова, но начинала понимать, почему некоторые люди так ее называют.

Анна широко раскрыла ореховые глаза с янтарными крапинками.

— Ты хорошо себя чувствуешь, дитя?

— Очень хорошо, миссис Либ. Сегодня праздник

Успения Девы Марии.

— Да, я знаю, — сказала Либ. — Когда Она вознеслась на небо, правильно я говорю?

Анна кивнула, скосив взгляд на окно:

— Сегодня свет такой яркий и все предметы окружены цветными ореолами. А запах этого вереска!

Комната казалась Либ сырой и пахнущей плесенью, а пучок лиловых растений в кувшине не имел запаха. Но дети так открыты эмоциям, это дитя в особенности.

Понедельник, 15 августа, 6:17.

Мне доложили, что спала хорошо.

Температура под мышкой низкая.

Пульс: 101 удар в минуту.

Дыхание: 18 вдохов в минуту.

Показатели колеблются, но в целом ползут вверх. Это опасно? Либ в точности не знала. Делать выводы — задача врачей. Правда, непохоже, что Макбрэрти справляется с этой задачей.

Рано утром в комнату вошли О'Доннеллы вместе с Китти, сказав, что отправляются в часовню.

— Поднести первые плоды? — с горящими глазами спросила Анна.

— Конечно, — ответила ее мать.

— Что это такое? — из вежливости спросила

Либ.

— Хлеб, испеченный из первых колосьев пшеницы, — ответил Малахия, — и туда добавляется чуть овса и ячменя.

— Не забудьте чернику, — вставила Китти.

— И несколько молодых картофелин с кончик большого пальца, благослови их Господь, — сказала Розалин.

Либ смотрела через закопченное окно, как компания отправилась в путь, фермер шел за женщинами. Как могут они думать о празднике на второй неделе этого надзора? Означает ли это, что их совесть чиста, размышляла Либ, или они — бессердечные чудовища? Китти не показалась ей бессердечной, скорее, та беспокоилась за кузину. Но, побаиваясь английской сиделки, Китти неправильно поняла вопрос Либ и подумала, что ее обвиняют в тайном кормлении девочки.

В это утро Либ вывела Анну на прогулку только в десять часов, потому что это время было отмечено в записной книжке. День выдался великолепный, лучший с ее приезда — яркое солнце, как бывает в Англии. Взяв девочку за руку, Либ очень осторожно повела ее.

Либ поразило, что Анна движется как-то странно, выдвинув вперед подбородок. Но было замет-

но, что девочка наслаждается всем окружающим. Принюхивается к воздуху, словно вокруг розы, а не коровы с курами. Гладит каждый замшелый камень, попадающийся на пути.

— Что сегодня с тобой, Анна?

— Ничего. Я счастлива. — (Либ посмотрела на нее с недоверием.) — Дева Мария изливает на все так много света, и я почти ощущаю его запах.

Может ли полное или частичное голодание открывать все поры? Обострять чувства?

— Я вижу свои ноги, — сказала Анна, — но так, словно они принадлежат кому-то другому. — Она посмотрела на изношенные ботинки брата.

Либ крепче взяла девочку за руку.

В конце тропинки, не видимый из хижины, показался силуэт мужчины в черном сюртуке. Уильям Берн. Он приподнял шляпу, и его кудри рассыпались по сторонам.

— Миссис Райт…

— Анна, думаю, ты знакома с этим джентльменом, — очень осторожно произнесла Либ. Знает ли она его на самом деле? Комитет может отстранить ее за организацию этой встречи, если об этом узнает кто-то из его членов. — Мистер Берн, это Анна О’Доннелл.

— С добрым утром, Анна.

Берн пожал девочке руку, и Либ заметила, что он рассматривает ее распухшие пальцы.

Либ начала с банальных пустяков про погоду, а сама обдумывала дальнейшие шаги. Куда им пойти, чтобы их не заметили? Когда семья вернется с мессы? Она увела Берна с Анной в сторону от деревни. Они вышли на проселочную дорогу, которой, судя по всему, редко пользовались.

— Мистер Берн — посетитель, миссис Либ?

Застигнутая врасплох вопросом ребенка, Либ покачала головой. Нельзя допустить, чтобы Анна рассказала родителям о том, что сиделка нарушила собственное правило.

— Я приехал сюда ненадолго, осмотреть достопримечательности, — пояснил Берн.

— С вашими детьми? — спросила Анна.

— К сожалению, у меня их нет, пока.

— У вас есть жена?

— Анна!

— Все в порядке, — сказал Берн, обращаясь к Либ, а потом снова повернулся к Анне. — Нет, дорогая моя. Однажды я едва не женился, но леди в последний момент передумала.

Либ смотрела в сторону, на протяженное болото, усеянное сверкающими озерцами.

— О… — сочувственно произнесла Анна.

— Она обосновалась в Корке, — пожал плечами Берн, — и Бог ей в помощь.

Либ почувствовала к нему симпатию.

Берн обнаружил, что Анна любит цветы, и в этом они сходятся, сказал он ей, потому что он тоже их любит. Он отломил красноватую веточку кизила с единственным белым цветком и протянул девочке.

— В миссии, — обратилась она к нему, — мы узнали, что крест был сделан из кизила, поэтому это дерево вырастает невысоким, и ветки у него клонятся вниз из-за того, что оно печалится.

Чтобы расслышать девочку, Берн наклонился к ее лицу.

— Цветки похожи на крестик, видите? Два длинных лепестка, два коротких, — сказала Анна. — А эти коричневые кусочки — отпечатки ногтей, а в середине терновый венец.

— Потрясающе… — произнес Берн.

Либ была все-таки рада, что рискнула и устроила эту встречу. До этого он только и мог, что отпускать шуточки на этот счет. А теперь видит девочку в реальной жизни.

Берн рассказал историю о персидском короле, на несколько дней остановившем свое войско для того только, чтобы полюбоваться на платан.

На миг он прервался, указывая на пробегавшую мимо куропатку, чье рыжеватое тело резко выделялось на фоне травы.

— Видишь ее рыжие брови, как у меня?

— Рыжее ваших! — рассмеялась Анна.

Берн рассказал ей, что сам побывал в Персии и в Египте тоже.

— Мистер Берн — великий путешественник, — сказала Либ.

— О, я подумывал уехать еще дальше, — ответил он.

Она искоса посмотрела на него.

— Обосноваться в Канаде, может быть, или Штатах, даже в Австралии или Новой Зеландии. Широкие горизонты.

— Но прервать все ваши связи, профессиональные и личные… — Либ подыскивала слова. — Разве это не похоже на маленькую смерть?

— Думаю, эмиграция обычно такова, — кивнул Берн. — Цена новой жизни.

— Хотите услышать загадку? — спросила вдруг Анна.

— Очень хочу, — ответил он.

Девочка повторила загадки про ветер, бумагу и огонь, обращаясь к Либ, только чтобы уточнить одно или два слова. Берн не угадал ни одной и

каждый раз, услышав правильный ответ, стучал себя по голове.

Потом он стал проверять Анну на знание голосов птиц. Она правильно определила мелодичные рыдания кроншнепа, а также звук хлопающих крыльев бекаса.

Наконец Анна призналась, что немного устала. Пристально посмотрев на нее, Либ пощупала ее лоб, который, несмотря на солнечный свет и ходьбу, оставался холодным, как камень.

— Хочешь немного отдохнуть перед обратной дорогой? — спросил Берн.

— Да, пожалуйста.

Он снял сюртук, хлопнув фалдами, и расстелил его для девочки на большом плоском камне.

— Садись, — сказала Либ, присев, чтобы разгладить коричневую подкладку, еще теплую от его спины.

Анна опустилась на сюртук и погладила пальцем шелк.

— Я не спущу с тебя глаз, — пообещала Либ девочке.

После чего они с Берном отошли в сторону.

Пройдя несколько шагов, они остановились у полуразрушенной стены. Они стояли достаточно близко друг от друга, и Либ почувствовала тепло,

словно пар, исходящее от его плеча.

— Ну и что?

— В каком смысле, миссис Либ? — Его голос был странно напряженным.

— Как вы ее находите?

— Она очаровательна.

Берн говорил очень тихо, и Либ пришлось наклониться, чтобы разобрать слова.

— Не правда ли?

— Очаровательное умирающее дитя.

Либ чуть не задохнулась. Она посмотрела через плечо на Анну — поникшая фигурка, примостившаяся на мужском сюртуке.

— Вы что, слепая? — спросил Берн все так же мягко, словно говорил добрые слова. — Она чахнет прямо у вас на глазах.

— Мистер Берн… — Либ почти лишилась дара речи. — Как, как…

— Пожалуй, дело именно в этом — вы чересчур близко от нее, чтобы понять.

— Как вы можете… Откуда такая уверенность?

— Меня послали изучать голод, когда я был всего лишь на пять лет старше ее, — напомнил он Либ с едва скрываемым раздражением.

— Анна не… У нее округлый живот, — робко возразила Либ.

— Некоторые умирают от голода быстро, другие медленно, — сказал Берн. — Те, кто медленно, распухают, но это всего лишь вода, там ничего нет. — Он не сводил взгляда с зеленого поля. — Эта ковыляющая походка, жуткий пушок на лице. Вы последнее время принюхивались к ее дыханию?

Либ попыталась вспомнить. Ее не учили регистрировать этот показатель.

— Когда организм замыкается на себя, как бы съедает себя, дыхание начинает отдавать уксусом.

Либ посмотрела назад и, увидев, что девочка лежит на камне, сразу подбежала к ней.

— Я не падала в обморок, — повторяла Анна, когда Уильям Берн нес ее домой, укутав своим сюртуком. — Я просто отдыхала.

Глаза у нее были бездонные, как болотные провалы.

У Либ от ужаса сжималось горло. «Очаровательное умирающее дитя». Он прав, черт бы его побрал!

— Впустите меня, — попросил Берн перед входом в хижину. — Можете сказать родителям, что я случайно проходил мимо и пришел на помощь.

— Уходите отсюда!

Она вырвала Анну у него из рук. Только когда

Берн свернул в переулок, Либ принюхалась к дыханию девочки. Вот оно: слабый пугающий уксусный дух.

Вечером того дня Либ с тяжелой головой проснулась от стука дождя по крыше. На глаза ей попался белый прямоугольник внизу двери. Сначала она подумала, что это свет, и только когда вылезла из постели, он превратился в лист бумаги. Исписанный от руки, второпях, но без ошибок.

Случайность и краткая встреча с голодающей девочкой дали наконец возможность пишущему эти строки составить свое мнение по поводу горячих споров о том, используют ли ее для того, чтобы ввести людей в заблуждение.

Во-первых, должен сказать, что Анна О'Доннелл — исключительная девица. Несмотря на то что она получила лишь неполное образование в сельской национальной школе под началом учителя, вынужденного подрабатывать мощением улиц, мисс О'Доннелл выражает свои мысли с благодушием, достоинством и искренностью. Она известна своей религиозностью, но также проявляет глубокое понимание природы и сострадание, удивительное в столь юном существе. Один египетский мудрец написал пять тысяче-

летий тому назад: «Мудрые слова встречаются реже изумрудов, но иногда их произносят бедные рабыни».

Во-вторых, мне, как корреспонденту, довелось подвергнуть сомнению сведения о здоровье Анны О'Доннелл. Ее стойкий характер и сила духа могут скрывать правду, однако ее шаткая походка и напряженная поза, холодные распухшие пальцы, запавшие глаза и, более всего, дыхание с резким запахом, известным как «запах голода», свидетельствуют о недоедании.

Не предаваясь размышлениям о том, какие ухищрения были пущены в ход, чтобы сохранить Анне О'Доннелл жизнь на протяжении четырех месяцев до того, как восьмого августа началось наблюдение, можно — и нужно — сказать безо всяких экивоков, что девочка сейчас находится в смертельной опасности, и пусть ее сиделки опасаются.

Либ смяла листок в плотный ком и сжала в кулаке. Ох, как жгло каждое слово этой записки!

В ее записной книжке было так много предупреждающих знаков. Почему же она противилась очевидному выводу о том, что здоровье девочки ухудшается? Заносчивость, подумала Либ. Она твердо придерживалась собственного сужде-

ния, переоценивая свои познания. К тому же она принимала желаемое за действительное — ничуть не лучше того, что она наблюдала в семьях своих пациентов. Поскольку Либ хотела оградить девочку от вреда, она всю неделю потакала своим фантазиям о ночном кормлении во сне или необъяснимых силах сознания, поддерживающих девочку. Однако для постороннего наблюдателя, каким являлся Уильям Берн, было ясно как день, что Анна голодала.

Пусть сиделки опасаются.

Вина Либ должна была преисполнить ее благодарности к этому человеку. Так почему же, представляя себе его красивое лицо, она кипит от ярости?

Выдвинув из-под кровати ночной горшок, она извергла вареный окорок, съеденный на ужин.

Когда Либ добралась в тот вечер до хижины, солнце уже закатилось за горизонт и на небе светила полная белая луна, похожая на глобус.

Либ торопливо прошла мимо О'Доннеллов и Китти, которые сидели за чашками чая, кратко поздоровавшись с ними. Ей надо было предупредить монахиню. Либ пришло в голову, что доктору Макбрэрти, пожалуй, лучше услышать правду от сестры Майкл, если удастся уговорить

монахиню воздействовать на него.

Едва ли не впервые Либ застала сестру милосердия сидящей на крае кровати, в которой, вытянувшись, лежала Анна. Девочка была настолько поглощена историей, которую рассказывала монахиня, что даже не взглянула на Либ.

— Ста лет от роду, и все время ужасно страдала, — говорила сестра Майкл. Ее взгляд скользнул по Либ, потом вернулся к Анне. — Женщина призналась на исповеди, что когда маленькой девочкой ходила на мессу, то, принимая причастие, не закрыла вовремя рот и облатка упала на пол. Ей стало так стыдно, что она никому не сказала и оставила облатку там.

Анна затаила дыхание.

Либ впервые видела свою напарницу такой говорливой.

— Знаешь, что он сделал, тот священник?

— Когда облатка выпала из ее рта? — спросила Анна.

— Нет, тот священник, перед которым исповедовалась столетняя старушка. Он вернулся в ту же церковь, и она была разрушена, — сказала сестра Майкл, — но прямо из разбитых плит пола рос цветущий куст. Священник поискал около корней, и что же он нашел? Ту самую гостию, и

такую же свежую, как в день, когда она выпала изо рта девочки почти сто лет назад.

Анна удивленно охнула.

Либ с трудом удержалась от того, чтобы не схватить монахиню за локоть и не выпроводить из комнаты. Что за историю она рассказывает Анне?

— Он взял облатку и положил ее на язык старушки. Проклятие было снято, и она избавилась от страданий.

Девочка неловко перекрестилась.

— Подари ей вечный покой, Господи, и пусть сияет для нее вечный свет, пусть покоится она в мире.

«Избавилась от страданий» означает умерла, догадалась Либ. Только в Ирландии это считается счастливым концом.

— Добрый вечер, миссис Либ, — подняла на нее глаза Анна. — Я вас не заметила.

— Добрый вечер, Анна.

Сестра Майкл встала и собрала свои вещи. Подойдя, она пробормотала на ухо Либ:

— Весь день очень возбуждена, пела один гимн за другим.

— И вы решили, что такая страшная история успокоит ее?

Лицо монахини в обрамлении полотняного плата сделалось непроницаемым.

— Боюсь, вы не понимаете наших легенд, мэм.

Смелый ответ для сестры Майкл. Монахиня выскользнула из комнаты, не дав Либ возможности высказать то, о чем она думала весь день: что, по ее мнению, конечно без упоминания Берна, Анна в большой опасности.

Либ занялась приготовлениями ко сну — лампа, жестянка с горючей жидкостью, ножницы для фитиля, стакан с водой, одеяла. Достав записную книжку, она взяла Анну за руку. *Очаровательное умирающее дитя*.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вполне сносно, миссис Либ.

Теперь Либ видела, как запали глаза Анны, как сильно опухли веки.

— У тебя что-нибудь болит?

— Нет, но я как будто парю в небе, — помолчав, ответила девочка.

«Головокружение?» — записала Либ.

— Тебе беспокоит что-то еще?

— Нет, ничего не беспокоит.

— Есть сегодня что-то такое, чего не было раньше?

Либ приготовила металлический карандаш.

Анна наклонилась вперед, словно собираясь поверить большой секрет:

— Как будто вдали звонят колокола.

Звон в ушах.

Пульс: 104 удара в минуту.

Дыхание: 21 вдох в минуту.

Как отметила Либ, которая теперь искала доказательств, движения девочки определенно замедлились. Ее руки и ноги стали холодней и бледней, чем были неделю назад. Но сердце билось чаще, как крылья маленькой пташки. На щеках Анны появился лихорадочный румянец. Кожа местами стала грубой, как терка для мускатного ореха. От девочки исходил неприятный запах, и Либ хотелось сделать ей обтирание губкой, но она опасалась, что Анна замерзнет еще больше.

— Боготворю тебя, о дорогой крест… — Глядя в потолок, Анна шептала слова молитвы к Доротее.

Либ вдруг потеряла терпение.

— Для чего так часто повторять эту молитву? — спросила она, ожидая, что Анна опять назовет молитву личной.

— Тридцать три.

— Прошу прощения?

— Тридцать три раза в день, — ответила Анна.

Либ подсчитала в уме. Получалось больше одного раза в час, а если учесть сон, то больше двух раз каждый час. Что сказал бы Берн, будь он здесь? Как распутал бы эту загадку?

— Тебе мистер Таддеус велел это делать?

Анна покачала головой:

— Столько ему было лет.

Либ поняла не сразу.

— Христу?

Кивок.

— Когда Он умер, а потом воскрес.

— Но зачем тебе повторять именно эту молитву тридцать три раза в день?

— Чтобы вызволить Пэта из… — Она не договорила.

В дверном проеме, простирая вперед руки, стояла миссис О'Доннелл.

— Доброй ночи, мамочка, — сказала девочка.

Каменное лицо. Либ ощущала исходящую от женщины ярость. Или Розалин опечалилась из-за того, что ей было отказано в такой малости, как объятия? Разве дитя не обязано дать это выносившей его матери?

Розалин повернулась и вышла, хлопнув дверью.

Да, ярость, и не только в отношении девочки, не подпускавшей мать к себе, но и сиделки, видевшей все это.

Либ пришло на ум, что Анна может, даже не сознавая этого, заставить женщину страдать. Голодать назло матери, которая превратила ее в нечто вроде аттракциона на ярмарочной площади.

Через стену слышались возгласы и жалобные отклики молитвы. Либ заметила, что сегодня Анна не попросилась принять в ней участие — еще один знак, что силы начинают ее покидать.

Девочка легла на бок, свернувшись калачиком. Почему о мирно спящем человеке люди говорят «спит как младенец»? Либ это удивляло. Дети часто спят, разбросав в стороны руки и ноги, или сворачиваются калачиком, словно для того, чтобы вернуться в то забытье, из которого их выдернули.

Она подоткнула одеяла, которыми была укрыта Анна, и добавила четвертое, потому что девочка продолжала дрожать. Встав, Либ подождала, пока Анна уснет и стихнут монотонные голоса за дверью.

— Миссис Райт… — В дверях снова появилась сестра Майкл.

— Вы все еще здесь? — спросила Либ, обрадовавшись, что есть шанс поговорить с монахиней.

— Я осталась на молитву. Можно мне…

— Входите, входите.

На этот раз Либ все четко объяснит, чтобы склонить монахиню на свою сторону.

Сестра Майкл осторожно притворила дверь.

— Легенда, — сказала она шепотом, — старая история, которую я рассказывала Анне.

— Да? — нахмурилась Либ.

— Это об исповеди. Девочка в той истории была наказана не за то, что выпустила гостию изо рта, — продолжала монахиня, — а за то, что всю жизнь хранила в тайне свою оплошность.

По мнению Либ, это было теологическое буквоедство, и она не собиралась тратить на него время.

— Вы говорите загадками.

— Понимаете, когда старуха наконец исповедалась, она избавилась от бремени, — прошептала монахиня, скользнув взглядом в сторону кровати.

Либ заморгала. Означают ли эти намеки, что монахиня думает, будто Анна должна исповедаться в ужасной тайне, что она в конечном счете никакое не чудо?

Либ попыталась вспомнить их короткие разговоры за последнюю неделю. Разве монахиня когда-нибудь говорила, что верит, будто Анна живет без еды?

Нет. Ослепленная предубеждением, Либ просто предположила, что она так думает. Сестра Майкл между тем выполняла свои обязанности или отделывалась безобидными общими фразами.

Либ подошла к ней очень близко и пробормотала:

— Вы знали с самого начала.

— Я только лишь… — Сестра Майкл протестующе подняла руки.

— Вы так же, как я, знакомы с законами питания. Мы обе с самого начала знали, что это обман.

— Не знали, — прошептала сестра Майкл — Мы ничего не знаем наверняка.

— Анна быстро угасает, сестра. С каждым днем слабеет, температура понижается, она двигается с трудом. Вы принюхивались к ее дыханию? Желудок поглощает сам себя. — (Выпуклые глаза монахини засверкали.) — Мы с вами должны докопаться до правды, — хватая ее за руку, сказала Либ. — Не просто потому, что нам дано это задание, а потому, что от этого зависит жизнь

ребенка.

Сестра Майкл резко развернулась и вылетела из комнаты.

Либ не могла пойти за ней следом, так как была прикована к этому месту. Она тихо застонала.

Но утром монахиня вернется и Либ поговорит с ней.

Этой ночью Анна время от времени просыпалась. Вертела головой или переворачивалась на другой бок. До конца надзора остается шесть дней. Нет, поправляла себя Либ, только в том случае, если Анна протянет еще шесть дней. Сколько времени может прожить дитя на нескольких глотках воды в день?

Очаровательное умирающее дитя. Раз она знает правду, говорила себе Либ, то может действовать. Но ради блага Анны надо быть чрезвычайно осторожной, не проявлять высокомерия и не выходить из себя. «Помни, — говорила себе Либ, — ты здесь чужая».

Анна в оцепенении смотрела на тени, отбрасываемые лампой на стену.

— Ты чего-нибудь хочешь?

Качание головой.

Странные дети исчезли и сошли со своего пути. Либ смотрела на девочку, моргая сухими

глазами.

Когда сразу после пяти на следующее утро монахиня просунула голову в дверь, Либ вскочила так быстро, что потянула мышцу на спине. Она захлопнула дверь прямо перед Розалин О'Доннелл.

— Послушайте, сестра, — чуть слышно произнесла Либ, — мы должны сказать доктору Макбрэрти, что ребенок постепенно убивает себя из-за чрезмерной скорби по брату. Пора прекращать надзор.

— Но мы ведь взяли на себя эту обязанность, — слабым голосом произнесла монахиня. Каждый звук словно исходил из глубокой дыры в земле.

— Но вы могли предположить, что мы дойдем до этой точки? — Либ жестом указала на спящую девочку.

— Анна — совершенно особенная девочка.

— Не настолько особенная, чтобы не умереть.

— Я присягала повиноваться. — Лицо сестры Майкл скривилось. — Нам дали очень четкие указания.

— И мы исполняли их до буквы, как все мучители.

Либ видела, как на лице монахини отражается этот выпад. У нее возникло подозрение.

— У вас есть другие указания, сестра? От ми-

стера Таддеуса, быть может, или от вашего начальства из монастыря?

— Что вы имеете в виду?

— Разве вам не было дано указание не замечать, не слышать и не говорить ничего, независимо от того, что, по вашему мнению, происходит в этой хижине? Подтвердить истинность чуда?

— Миссис Райт! — Лицо монахини побагровело.

— Если я не права, прошу меня извинить. — Либ говорила сердитым тоном, но на самом деле считала, что монахине не были даны подобные указания. — Тогда почему бы нам вместе не поговорить с доктором?

— Потому что я всего лишь медсестра, — ответила сестра Майкл. — Мы обе с вами медсестры.

— Меня учили понимать это слово во всей полноте, — раздраженно произнесла Либ. — А вас разве не учили?

Дверь со стуком открылась. Розалин О'Доннелл.

— Можно, по крайней мере, сказать ребенку «доброе утро»?

— Анна все еще спит, — повернувшись к кровати, ответила Либ.

Однако глаза девочки были широко раскрыты.

Много она успела услышать?

— С добрым утром, Анна, — неровным голосом произнесла Либ.

Девочка казалась совершенно бестелесной, как рисунок на старом пергаменте.

— С добрым утром, миссис Райт. Сестра… Мамочка… — Она одарила каждую слабой лучистой улыбкой.

В девять — ради приличия Либ выждала сколько могла — она подошла к дому Макбрэрти.

— Доктора нет, — сказала домоправительница.

— Где он?

На более вежливый вопрос у Либ не хватило сил — ее качало от усталости.

— Вы по поводу девочки О'Доннеллов, ей нехорошо?

Либ уставилась на приятное лицо женщины в накрахмаленных оборках чепца. «Анна с апреля не получает нормальной еды! — хотелось прокричать ей. — Как может она хорошо себя чувствовать?»

— Мне надо срочно с ним поговорить.

— Его вызвали к больному, сэру Отуэю Блэкетту.

— Кто это?

— Баронет, — ответила женщина, явно шокиро-

ванная неосведомленностью Либ, — и здешний мировой судья.

— Где он живет?

Экономка сжалась при мысли о том, что медсестра может отправиться за доктором. Это в нескольких милях отсюда, миссис Райт лучше зайти позже.

Не пытаясь удержаться, Либ покачнулась — пусть женщина думает, что она может рухнуть прямо на пороге.

— Или можете подождать в гостиной внизу, — сказала женщина.

Сомнительно, что это соответствует статусу Соловья, подумала Либ, но и кухня для нее едва ли подходящее место.

Либ полтора часа сидела за чашкой остывшего чая. Если бы только заручиться поддержкой этой несчастной монахини.

— Доктор вернулся и сейчас примет вас. — Это была экономка.

Доктор сидел в кабинете, рассеянно перебирая бумаги.

— Миссис Райт, как хорошо, что вы пришли.

Главное — сохранять выдержку. Мужчины не выносят пронзительный женский голос. Она начала с того, что спросила про баронета.

— Головная боль, ничего серьезного, слава Богу.

— Доктор, я очень волнуюсь за здоровье Анны.

— О Господи…

— Вчера она потеряла сознание. Пульс у нее учащенный, однако кровообращение настолько замедленное, что она почти не чувствует ступней, — сказала Либ. — Ее дыхание…

Макбрэрти поднял руку, чтобы остановить ее.

— Да, я много размышлял о маленькой Анне и в поисках озарения прилежно занимался изучением исторических архивов.

— Исторических архивов? — в изумлении переспросила Либ.

— Вы не знали — впрочем, откуда вам знать? — что в Средние века многие святые полностью теряли аппетит на годы, даже на десятилетия. Называлось это inedia prodigiosa, то есть непомерный пост.

Значит, этот нелепый спектакль носит специальное название. Действительно Средние века, и они еще не миновали. Либ вспомнила о факире из Лахора. Неужели в каждой стране рассказывают подобные небылицы о сверхъестественном выживании?

— Они стремились стать похожими на Деву

Марию, понимаете? — оживленно продолжал старик. — Считается, что в младенчестве она сосала грудь только один раз в сутки. Святая Катерина, заставив себя проглотить кусочек еды, засунула потом в глотку прутик и вызвала рвоту.

Либ с содроганием подумала о власяницах, поясах с шипами, о монахах, до крови бичующих себя на улицах.

— Таким образом они хотели принизить плоть и возвысить дух, — объяснил он.

— Доктор, мы живем в другое время, и Анна О'Доннелл всего лишь ребенок.

— Допустим, допустим, — кивнул доктор. — Но разве в этих старых легендах не может содержаться некая психологическая загадка? Постоянно пониженная температура, упоминаемая вами, — знаете, у меня на этот счет возникла гипотеза. Не может разве ее обмен веществ меняться на более вялый — скорее как у рептилий, чем у млекопитающих?

Рептилий?! Либ хотелось закричать.

— Разве ученые каждый год не открывают в отдаленных уголках земли на первый взгляд необъяснимые явления? Может быть, наша девочка представляет собой редкий тип человека, который в будущем станет обычным. — Голос

Макбрэрти дрожал от волнения. — Человека, который подарит надежду для всей человеческой расы.

Он в своем уме?

— Какую надежду?

— Освобождение от потребностей, миссис Райт! Если жизнь могла бы существовать без пищи… зачем тогда было бы драться за хлеб или землю? Ведь это положит конец чартизму, социализму, войнам!

И каким удобным станет для всех тиранов мира — целые народы, живущие без пищи.

— Для Великого Целителя нет ничего невозможного. — На лице доктора застыло блаженное выражение.

Либ не сразу поняла, что он говорит о Боге. Да Бог — настоящий тиран в этой части света. Либ сделала над собой усилие и ответила в том же духе:

— Без пищи, которой Он нас одаривает, мы умираем.

— До сих пор умирали. До сих пор.

Наконец-то Либ стала понятна сострадательная природа стариковских чаяний.

— Но поговорим про Анну. — Нужно было вернуть Макбрэрти к предмету разговора. — Она

быстро слабеет, а это означает, что она получала пищу, пока мы ей не помешали. И теперь мы во всем виноваты.

— Не понимаю, откуда такое умозаключение. — Он нахмурился, теребя дужки очков.

— Девочка, с которой я познакомилась в прошлый понедельник, была полна сил, — сказала Либ, — а теперь она едва держится на ногах. Что еще можно заключить, кроме того, что вы должны прекратить надзор и приложить все усилия к тому, чтобы уговорить ее принимать пищу?

— Моя дорогая, вы переходите границы! — Доктор всплеснул сухими руками. — Вас призвали сюда не для того, чтобы вы делали какие-то заключения. Хотя ваша сострадательность вполне естественна, — более мягко добавил он. — Полагаю, обязанности сиделки, в особенности в отношении столь юной пациентки, пробудили дремлющие материнские чувства. Как я понимаю, ваш ребенок умер?

Либ отвернулась, скрывая выражение лица. Доктор задел старую рану, но сделал он это без предупреждения, и она задохнулась от боли. От ярости тоже — зачем нужно было главной медсестре посвящать доктора в историю Либ?

— Нельзя допускать, чтобы личные потери ис-

кажали ваше суждение. — Макбрэрти едва ли не игриво помахал скрюченным пальцем. — Если дать себе волю, подобная материнская обеспокоенность может вызвать беспричинную панику с примесью самовозвеличивания.

Либ сглотнула и постаралась придать голосу мягкость и женственность:

— Прошу вас, доктор. Может быть, если вы соберете комитет и сообщите им об ухудшении состояния Анны…

Он жестом прервал ее:

— Я снова появлюсь ближе к вечеру. Это вас успокоит?

Либ, пошатываясь, пошла к двери.

Разговор не получился. Ей следовало постепенно подвести Макбрэрти к мысли о том, что он по собственной воле хочет прекратить наблюдение, точно так же, как начал его. Приехав в эту страну восемь дней назад, Либ совершала один промах за другим. Мисс Н. было бы за нее стыдно.

В час дня Либ нашла Анну в постели, укутанную одеялами. Ноги ее были обложены горячими кирпичами.

— Ей понадобилось вздремнуть после прогулки по двору, — пробубнила сестра Майкл, застегивая плащ.

Либ лишилась дара речи. Впервые ребенок улегся в постель в середине дня. Она обследовала крошечную лужицу в ночном горшке. Не более чайной ложки, и очень темная. Может ли в моче быть кровь?

Когда Анна проснулась, они с Либ поболтали о солнечном свете. Пульс у девочки был 112, самый частый за последнюю неделю.

— Как ты себя чувствуешь, Анна?

— Довольно хорошо, — еле слышно произнесла она.

— У тебя не пересохло в горле? Хочешь выпить воды?

— Если вы хотите.

Анна села в кровати и сделала глоток.

На ложке остался еле заметный красный след.

— Открой, пожалуйста, рот.

Повернув подбородок Анны к свету, Либ заглянула ей в рот. Десны в некоторых местах кровоточили. Что ж, по крайней мере, кровоточат десны, а не желудок. Один из коренных зубов рос под странным углом. Либ поддела его ногтем, и он наклонился вбок. Вытащив его указательным и большим пальцем, она увидела, что зуб не молочный, а постоянный.

Анна заморгала, посмотрев на зуб, а потом на

Либ. Словно побуждала сиделку сказать что-нибудь.

Либ засунула зуб в карман передника. При случае покажет его Макбрэрти. Она будет и дальше накапливать информацию для укрепления своей позиции и ждать своего часа — но недолго.

У девочки появились темные тени вокруг губ и под глазами. Либ все заносила в свою книжку. Обезьяний пушок на щеках уплотнился и стал переходить на шею. Скопление чешуйчатых коричневых отметин вокруг ключиц. Даже в тех местах, где кожа оставалась бледной, она делалась пупырчатой, как наждачная бумага. Зрачки Анны казались расширенными, как будто изо дня в день, поглощая светло-коричневый цвет, росли черные дыры.

— Как твои глаза? Видишь как обычно?

— Я вижу то, что мне нужно видеть, — ответила Анна.

«Ослабление зрения», — добавила Либ к своим записям.

— Есть что-то еще… У тебя что-нибудь болит?

— Она просто… — Анна сделала неопределенный жест у пояса, — пронизывает насквозь.

— Пронизывает тебя?

— Не меня.

Это было сказано так тихо, что Либ с трудом разобрала.

Боль пронизывает не Анну, а другую девочку? Анна — на самом деле совсем не Анна? Может быть, рассудок девочки начал истощаться. Возможно, рассудок Либ — тоже.

Девочка перелистывала страницы Книги псалмов, время от времени бормоча строчки вслух:

— Ты, который возносишь меня от врат смерти. Вызволи меня из рук врагов моих.

Либ не понимала, может Анна по-прежнему различать текст или говорит по памяти.

— Спаси меня из пасти льва, а мою низость спаси от рогов единорогов.

Единороги? Либ никогда не считала этих вымышленных существ хищниками.

Анна привстала, чтобы положить книгу на комод. Потом с облегчением залезла в постель, словно была ночь.

Либ раздумывала, не рассказать ли Анне какую-нибудь историю. Ведь дети часто предпочитают слушать, а не читать сами. Но на ум ничего не приходило. Даже песни. Анна обычно что-то напевала. Когда же прекратилось это пение?

Глаза девочки блуждали от стены к стене, словно она искала выход. Не на чем остановиться,

кроме четырех углов и напряженного лица сиделки.

Либ позвала от двери прислугу, протягивая ей кувшин:

— Китти, принеси, пожалуйста, свежую постель, и не могла бы ты нарвать цветов?

— Каких?

— Любых ярких.

Китти вернулась через десять минут с парой простыней и охапкой цветов и трав. Повернув голову, она поглядела на лежащую в постели девочку.

Либ пристально всматривалась в широкое лицо прислуги. Что это — нежность или чувство вины? Может быть, Китти знала, чем до недавнего времени кормили Анну, пусть даже она не делала этого сама? Либ раздумывала над тем, как сформулировать свой вопрос, чтобы не растревожить горничную, как уговорить ее поделиться информацией, лишь бы это спасло Анну.

— Китти! — послышался сердитый возглас Розалин О'Доннелл.

— Иду. — Горничная заспешила к двери.

Либ помогла Анне подняться и сесть на стул, а сама стала перестилать постель.

Анна, склонившись над кувшином, перебирала

цветы. Там была и веточка кизила — крестообразный цветок с коричневыми отметинами римских гвоздей.

— Посмотрите, миссис Либ, даже у маленьких зубчиков есть обрамление из еще более мелких. — Девочка гладила ничем не примечательный лист.

Либ вспомнила о коренном зубе, лежащем в кармане ее фартука. Она хорошенько разгладила свежие простыни. Мисс Н. любила повторять, что складка может оставлять следы на коже, почти как хлыст. Либ уложила Анну в постель и укрыла ее тремя одеялами.

В четыре часа на обед подали что-то вроде рыбного рагу. Либ вычищала тарелку кусочком хлеба, когда торопливо вошел доктор Макбрэрти. Она поднялась так резко, что едва не опрокинула стул. Ей почему-то стало неловко, что ее застали за едой.

— Добрый день, доктор, — пытаясь приподняться, хриплым голосом произнесла Анна, и Либ бросилась к ней, чтобы подложить ей под спину еще одну подушку.

— Что ж, Анна. Сегодня у тебя хороший цвет лица.

Неужели старик действительно считает этот

лихорадочный румянец показателем здоровья?

По крайней мере, доктор ласково обращался с девочкой и во время осмотра болтал о необычайно хорошей погоде. Либ он добродушно продолжал называть «наша добрая миссис Райт».

— Анна недавно потеряла зуб, — сказала Либ.

— Понятно, — ответил он. — Знаешь, что я принес тебе, дитя, — вещь, которую любезно одолжил сам сэр Отуэй Блэкетт? Кресло-каталку на колесиках, чтобы ты смогла, не переутомляясь, дышать воздухом.

— Спасибо, доктор.

Через минуту он собрался уходить, но Либ вышла вслед за ним за дверь спальни.

— Потрясающе… — пробормотал доктор.

Это слово ошарашило ее.

— Опухшие конечности, потемневшая кожа, голубоватый оттенок губ и ногтей… Я действительно считаю, что Анна меняется на системном уровне, — доверительно прошептал он ей на ухо. — Вполне естественно, что организм, поддерживаемый чем-то другим, кроме пищи, будет функционировать по-другому.

Чтобы Макбрэрти не заметил ее ярости, Либ пришлось отвести глаза.

Кресло баронета стояло у входной двери — гро-

моздкое сооружение, обитое истертым зеленым вельветом, с тремя колесиками и откидным козырьком. Китти за длинным столом резала лук. Из глаз ее текли слезы.

— Все же я не вижу реального риска в снижающейся температуре или постоянной бледности, — потирая баки, продолжал Макбрэрти.

Бледность! Наверное, этот человек изучал медицину по французским романам.

— У меня бывали пациенты, которые на смертном одре выглядели скорее желтыми или красными, чем белыми, — проговорила Либ на повышенных тонах, хотя пыталась сдержаться.

— Неужели? Но у Анны нет припадков и нет бреда, — настаивал он. — Само собой разумеется, вы должны послать за мной, если у нее проявятся признаки серьезного истощения.

— Она уже прикована к постели!

— Отдых в течение нескольких дней пойдет ей на пользу. Не удивлюсь, если к концу недели она поправится.

Итак, доктор Макбрэрти вдвойне идиот.

— Доктор, — сказала Либ, — если вы не прекратите этот надзор…

Нотки угрозы в ее голосе сделали его лицо непроницаемым.

— Кстати, — отрывисто произнес он, — подобный шаг потребует единодушного согласия членов комитета.

— Так спросите их.

Макбрэрти заговорил прямо в ухо Либ, отчего та подскочила.

— Если я предложу прекратить надзор на том основании, что он угрожает здоровью ребенка, поскольку препятствует некоему тайному способу кормления, как это будет выглядеть? Это будет равносильно утверждению, что мои старые друзья О'Доннеллы — подлые обманщики!

— А как это будет выглядеть, если ваши старые друзья позволят дочери умереть? — прошептала в ответ Либ.

Макбрэрти затаил дыхание.

— Значит, вот так мисс Найтингейл учила вас разговаривать со старшим по рангу?

— Она учила меня бороться за жизнь пациентов.

— Миссис Райт, будьте любезны отпустить мой рукав.

Либ даже не осознавала, что держит доктора за руку.

Старик отдернул руку и вышел из хижины.

Китти раскрыла рот от удивления.

Либ поспешила в спальню. Анна опять спала, еле слышно похрапывая курносым носом. Все же по-своему милая, несмотря на все ее странности.

По-хорошему Либ следовало бы упаковать сумку и попросить, чтобы ее довезли до станции в Атлоне. Если она считает, что этот надзор не имеет оправдания, то не станет больше в нем участвовать.

Но она не могла уехать.

В половине одиннадцатого вечера вторника, в гостинице Райана, Либ прошла на цыпочках по коридору и постучала в дверь к Уильяму Берну.

Ответа не было.

Что, если он отправился в Дублин, возмущенный бездействием Либ в отношении Анны О'Доннелл? Что, если к двери подойдет другой постоялец, — как она объяснит свое поведение? Она вдруг увидела себя глазами других людей — безрассудная женщина у двери мужского номера.

Она подождет, сосчитав до трех, а потом…

Дверь распахнулась. Уильям Берн со всклокоченными волосами и в сорочке, без сюртука.

— Вы?

Либ мучительно покраснела. Утешало только то, что он не в ночной рубашке.

— Пожалуйста, извините меня.

— Нет-нет! Что-то случилось? Вы не… — Он скосил глаза на кровать, потом отвел их.

Его комнатушка, как и ее, не подходила для разговора. Либ не могла попросить его спуститься вниз — в столь поздний час это привлекло бы внимание.

— Должна перед вами извиниться. Вы абсолютно правы в отношении состояния Анны, — прошептала она. — Этот надзор — просто гадость.

Слово было произнесено слишком громко — того и гляди прибежит Мэгги Райан.

Берн сдержанно кивнул.

— Я разговаривала с сестрой Майкл, но она и шага не сделает без разрешения начальства, — продолжала Либ. — Я упрашивала доктора Макбрэрти прекратить надзор и постараться отговорить ребенка от голодания, но он обвинил меня в неразумной панике.

— Я бы назвал ее вполне разумной.

Спокойный голос Берна немного улучшил настроение Либ. Какими необходимыми стали для нее беседы с этим человеком, и как быстро.

Он прислонился к дверному косяку:

— Вы даете клятву Гиппократа, клятву врачей лечить и не навредить?

— Нет, — ответила она. — Как профессия,

медсестринское дело переживает период становления.

— Значит, для вас это вопрос совести.

— Да, — сказала Либ.

Только сейчас до нее дошло. Указания не так важны, есть чувство долга.

— И думаю, даже больше, — проговорил он. — Вы печетесь о своей питомице.

Начни Либ отрицать это, Берн не поверил бы.

— Если бы этого не было, я уже вернулась бы в Англию.

«Лучше не слишком привязываться к вещам», — сказала на днях Анна. Мисс Н. предостерегала как от личных симпатий, так и от влюбленности. Либ научилась распознавать любые привязанности и искоренять их. Так что же пошло не так на этот раз?

— Вы говорили Анне в простой и доступной форме, что она должна питаться? — спросил Берн.

Либ попыталась вспомнить.

— Безусловно, я говорила с ней на эту тему. Но в целом я старалась оставаться объективной, нейтральной.

— Время нейтральности прошло, — сказал Берн.

Шаги на лестнице, кто-то поднимается.

Либ влетела в свою комнату и тихо притворила дверь.

Пылающие щеки, сильно стучащее сердце, ледяные руки. Что подумает Мэгги Райан, если застукает на лестнице английскую медсестру, в столь поздний час беседующую с журналистом? И ошибется ли она?

Каждый человек — вместилище тайн.

Состояние Либ было абсолютно предсказуемым. Не будь она столь занята Анной, то заметила бы опасность раньше. Или, возможно, не заметила бы, потому что все оказалось для нее внове. Она не испытывала ничего подобного ни к мужу, ни к любому другому мужчине.

Насколько моложе Либ этот Берн, с его кипучей энергией и молочной кожей? В голове звучал голос мисс Н.: «Одно из этих сильных желаний, как сорняк, пробивающееся из скудной почвы, питающей жизнь медсестры». Неужели Либ совсем себя не уважает?

Она падала с ног от усталости, но заснула не сразу.

Либ снова шла по зеленой дороге рука об руку с мальчиком, который почему-то был ее братом. В ее сне трава расступалась, и начиналось об-

ширное болото, а тропа почти совсем исчезла. Она не поспевала за братом, который, вопреки ее протестам, выпустил ее руку и пошел впереди. То и дело она увязала во влажном мху. Когда Либ перестала различать его зов или отличать его от голосов птиц над головой, она увидела, что мальчик отметил путь корками хлеба. Однако птицы уносили хлеб в клювах, и Либ все время теряла тропу. А потом тропа исчезла, и Либ осталась одна…

В среду утром Либ увидела в зеркале свое осунувшееся лицо.

Она подошла к хижине еще до пяти. У двери стояло кресло-каталка с намокшей от росы вельветовой обивкой.

Либ застала Анну спящей, лицо измято складками наволочки. В ночном горшке черноватая лужица.

— Миссис Райт… — словно оправдываясь, начала сестра Майкл.

Либ посмотрела ей в глаза.

Монахиня замялась, потом, ни слова не говоря, вышла.

Прошедшей ночью Либ разработала тактику. Она выберет оружие, с большой вероятностью способное потрясти девочку, — Библию. Положив

себе на колени стопку религиозных книг Анны, она принялась листать их, отмечая отрывки полосками бумаги.

Когда девочка немного погодя проснулась, Либ еще не закончила, поэтому положила книги обратно в коробку.

— У меня есть для тебя загадка.

Вымученно улыбнувшись, Анна кивнула.

Либ откашлялась:

Тебя я вижу там, где не бывал ни разу
И где тебе не быть,
И все же в том же месте
Тебя увижу сразу.

— Зеркало, — почти сразу проговорила Анна.

— Ты становишься чересчур умной, — сказала Либ. — Скоро загадки иссякнут.

Поддавшись порыву, она поднесла к лицу Анны ручное зеркальце.

Девочка вздрогнула. Потом стала пристально себя разглядывать.

— Видишь, как ты сейчас выглядишь? — спросила Либ.

— Вижу, — откликнулась Анна.

Перекрестившись, она выбралась из кровати, но покачнулась, и Либ сразу же заставила ее

сесть.

— Дай я поменяю тебе ночную рубашку.

Либ вынула из ящика чистую рубашку.

Девочке никак было не справиться с маленькими пуговками, и Либ пришлось самой их расстегнуть. Снимая ей рубашку через голову, Либ затаила дыхание при виде многочисленных коричневых пятен на коже, а также красновато-голубых пятнышек, напоминавших разбросанные монеты. К тому же новые синяки в разных местах, как будто ночью девочку избивали невидимые враги.

Когда Анну одели и, чтобы унять дрожь, завернули в две шали, Либ уговорила ее выпить чайную ложку воды.

— Еще наволочку, Китти, пожалуйста, — позвала она из-за двери.

У горничной руки были по локоть в ведре с посудой.

— У нас больше нет, но я могу отдать девчушке свою.

— А как же ты?

— Найду что-нибудь к вечеру. Не важно. — Тон у Китти был безрадостный.

— Ну хорошо, — замялась Либ. — Можно еще что-нибудь мягкое, чтобы положить сверху?

Горничная утерла бровь багровой рукой:

— Одеяло?

— Мягче одеяла, — сказала Либ.

Она стащила с кровати три одеяла и сильно встряхнула их. «Положили на его кровать все одеяла, какие нашлись в доме», — сказала как-то Розалин О'Доннелл. Должно быть, это кровать Пэта, дошло вдруг до Либ. Других кроватей, помимо той, что стояла в закутке, где спали родители, в доме не было. Потом сорвала засаленную нижнюю простыню, обнажив чехол матраса, и увидела несмываемые пятна. Стало быть, Пэт умер именно здесь, остывая в теплых объятиях младшей сестры.

Сидящая на стуле Анна съежилась, почти исчезла, как перчатки из Лимерика в скорлупе грецкого ореха. Либ услышала доносящиеся из кухни резкие голоса.

Через четверть часа в комнату влетела Розалин О'Доннелл с наволочкой и овчиной, которую она позаимствовала у Коркоранов.

— Как тихо сегодня утром, соня!

Она взяла в свои руки опухшие руки дочери.

Как может эта женщина называть соней дочь, впавшую в летаргию? Разве она не видит, что Анна тает как свеча?

— Ну ладно. Как сказано в пословице: мать понимает то, о чем молчит ребенок. А вот и папа.

— С добрым утром, детка, — с порога произнес Малахия.

Анна откашлялась:

— С добрым утром, папочка.

Он подошел и погладил ее по волосам:

— Как ты сегодня?

— Довольно хорошо, — ответила она.

Он кивнул, как будто был удовлетворен.

Бедняки живут одним днем, так ведь? — думала Либ. Не в силах управлять обстоятельствами своей жизни, они учатся избегать лишних тревог, не заглядывая в будущее.

Или же двое этих преступников в точности знают, что делают с дочерью.

Когда они ушли, Либ снова застелила постель на двух матрасах и положила под нижнюю простыню овчину.

— Прыгай обратно и полежи еще немного.

«Прыгай» — курьезное слово, если учесть, что Анна с трудом заползла в постель.

— Мягко, — пробормотала девочка, похлопывая по рыхлой поверхности.

— Это чтобы не было пролежней, — объяснила Либ.

— Как у вас получилось начать сначала, миссис Либ? — спросила Анна тихим скрипучим голосом, и Либ наклонила голову набок. — Когда вы стали вдовой. Вы сказали: «совершенно новая жизнь».

Либ поразило, что девочка способна подняться над собственными страданиями и даже интересуется ее прошлым.

— На востоке разразилась ужасная война, и я захотела помочь больным и раненым.

— И вы это сделали?

Мужчины блевали, пачкали белье, плевались, протекали, умирали. Мужчины Либ, которых поручила ей мисс Н. Иногда они умирали у нее на руках, но чаще, когда она бывала в другом помещении, размешивая кашу или сворачивая бинты.

— Надеюсь, я помогла некоторым из них. Хоть чем-то. — По крайней мере, Либ находилась там. Она старалась. Насколько это было важно? — Моя наставница говорила, что там настоящая преисподняя и наша задача хоть ненамного приблизиться к небесам.

Анна кивнула, словно это само собой разумелось.

Либ записала:

Среда, 17 августа, 7:49. Десятый день надзора.

Пульс: 109 ударов в минуту.

Дыхание: 22 вдоха в минуту.

Не может ходить.

Она вновь обратилась к книгам, листая их, пока не нашла то, что ей было нужно. Либ ожидала, что Анна спросит ее, что она делает, но нет. Девочка лежала не двигаясь и следя глазами за пылинками, пляшущими в лучах утреннего света.

— Хочешь еще загадку? — наконец спросила Либ.

— Да.

Два тела есть у меня,

Хоть оба слиты в одно.

Недвижно я стою,

При этом резво я бегу.

— Недвижно я стою, — шепотом повторила Анна. — Два тела…

Кивнув, Либ ждала.

— Сдаешься?

— Минутку.

Либ следила за секундной стрелкой своих часов.

— Ответа нет?

Анна покачала головой.

— Песочные часы, — сказала Либ. — Время

течет, как песок в стеклянной колбе, и ничто его не замедлит.

Девочка равнодушно взглянула на Либ.

Либ придвинула стул ближе к кровати. Настало время для битвы.

— Анна, ты внушила себе, что Бог выбрал тебя из всех людей на земле и повелел тебе не есть? — (Анна перевела дыхание, чтобы ответить.) — Выслушай меня, пожалуйста. В твоих священных книгах полно указаний к прямо противоположному. — Либ открыла «Сад души» и нашла отмеченную ею строчку. — «Взирай на свою пищу и питье, как на лекарство, потребное для здоровья». Или здесь, в Книге псалмов. — Она пролистала несколько страниц. — «Я поник, как трава, и сердце мое ослабло, ибо я позабыл вкусить хлеба». А как тебе вот это? «Ешь, пей и веселись»? Или эта строчка, которую я постоянно слышу от тебя: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день».

— Не настоящий хлеб, — пробормотала Анна.

— Живому ребенку нужен настоящий хлеб, — сказала Либ. — Иисус накормил хлебом и рыбой пять тысяч человек, верно?

Анна с трудом сглотнула, словно в горле у нее застрял камень.

— Он проявил милосердие, потому что они были слабыми.

— Ты хочешь сказать, потому что они были людьми. Он не говорил: «Забудьте о своем желудке и слушайте Мою проповедь». Он дал им обед. А на Тайной вечере Он преломил хлеб вместе с учениками, верно? Что Он им сказал, каковы были точные Его слова?

Очень тихо:

— «Берите и ешьте».

— Вот!

— Как только Он освятил его, хлеб перестал быть хлебом, он превратился в Него, — торопливо проговорила Анна. — Как манна. — Она погладила кожаный переплет псалмов, словно книга была кошкой. — Несколько месяцев меня кормили манной небесной.

— Анна!

Либ чересчур резко потянула книгу к себе, и она упала на пол, а драгоценные карточки рассыпались в разные стороны.

— Что случилось? — Розалин О'Доннелл просунула в дверь голову.

— Ничего, — ответила Либ, стоя на коленях с бьющимся сердцем и собирая картинки.

Жуткая пауза.

Либ не хотела поднимать взгляд, чтобы не встретиться с глазами женщины, обнаружив свои чувства.

— Все хорошо, детка? — спросила Розалин у дочери.

— Да, мама.

Почему Анна не сказала, что англичанка бросила на пол ее книгу и принуждала ее прервать пост? Тогда О'Доннеллы наверняка написали бы жалобу на Либ и ее отправили бы паковать вещи.

Анна ничего больше не сказала, и Розалин удалилась.

Когда они остались одни, Либ поднялась и положила книгу на колени девочке, а карточки сложила в стопку.

— Прости, что они не на своих местах.

— Я знаю, где они должны быть.

Толстыми пальцами, еще не потерявшими проворства, Анна засунула каждую карточку в нужное место.

Либ напомнила себе, что вполне готова потерять эту работу. Разве Уильяма Берна не уволили в шестнадцать лет за рассказанную им нелицеприятную правду о голодающих земляках? Вероятно, это помогло его становлению как лич-

ности. Не так важна была сама потеря, как то, что он пережил ее, осознал, что возможно потерпеть неудачу и начать все сначала.

Анна глубоко вздохнула, и Либ различила еле слышный хрип. Жидкость в легких, подумала она. А это означало, что времени осталось мало.

Я видел тебя там, где ты никогда не обретался и где никогда не будешь.

— Послушай меня, пожалуйста. — Она чуть не добавила «дорогое дитя», но то был ласковый язык матери, а Либ надо говорить просто. — Пойми, что тебе делается хуже.

Анна покачала головой.

— Здесь больно?

Либ наклонилась и нажала на ее живот в том месте, где он выдавался сильней всего.

Лицо ребенка свело от боли.

— Прости, — сказала Либ не совсем искренне. Она сняла с Анны ночной колпак. — Взгляни, сколько волос ты теряешь каждый день.

— У тебя на голове все волоски наперечет, — прошептала девочка.

В глазах Либ наука обладала волшебной силой. Если бы кто-нибудь мог разрушить чары, в плену которых находилась эта девочка.

— Наше тело — нечто вроде машины, — начала

Либ, стараясь воскресить в памяти назидательный тон мисс Н. — Пищеварение — это сжигание топлива. Без топлива тело разрушит собственные ткани. — Усевшись, она вновь положила ладонь на живот Анны, на этот раз бережно. — Это печь. Пища, которую ты съела в тот год, когда тебе исполнилось десять, и то, насколько ты в результате выросла, — все было израсходовано за последние четыре месяца. Подумай о том, что ты съела в девять, в восемь. Все уже превратилось в золу. — Она с тяжелым чувством отсчитывала время вспять. — Когда тебе было семь, шесть, пять. Каждая трапеза, появившаяся на столе благодаря тяжелому труду твоего отца, каждый кусок, приготовленный твоей матерью, теперь расходуется сжигающим тебя ужасным пламенем. — Анна в четыре, три — до того, как произнесла первое предложение. В два года, один. Весь путь вспять к первому дню, когда ее впервые приложили к материнской груди. — Но машина не может долго работать без подходящего топлива, понимаешь?

Анна сохраняла твердокаменное спокойствие.

— Дело не в том, что тебя с каждым днем становится меньше, — сказала Либ, — просто твои части начинают выходить из строя, портиться.

— Я не машина.

— Но как машина, вот что я имела в виду. Ничего обидного для твоего Создателя, — внушала Либ. — Воспринимай Его как самого изобретательного из всех инженеров.

— Я Его дитя, — покачала головой Анна.

— Могу я поговорить с вами на кухне, миссис Райт? — В дверях, подбоченившись, стояла Розалин О'Доннелл.

Много успела услышать эта женщина?

— Сейчас неподходящее время.

— Я настаиваю, мэм.

Чуть вздохнув, Либ поднялась.

Она нарушит правило, запрещающее оставлять Анну в комнате одну, но какое это теперь имеет значение? Она не могла представить себе, чтобы девочка стала таскать куски из какого-нибудь тайника, но на самом деле, случись такое, Либ была бы счастлива. *Обмани, одурачь меня, только поешь.*

Она притворила за собой дверь, чтобы Анна не услышала ни слова.

Розалин О'Доннелл в одиночестве смотрела в крошечное кухонное оконце. Повернувшись к Либ, она помахала газетой:

— Сегодня утром Джон Флинн купил это в Маллингаре.

Либ была поражена. Значит, дело не в том, что она только что говорила девочке. Она взглянула на газету, развернутую на внутренней странице. Шапка сверху указывала на то, что это «Айриш таймс», и Либ сразу же увидела статью Берна об Анне. «Мне посчастливилось ненадолго встретиться с голодающей девочкой…»

— Как сумел этот проныра увидеться с моим ребенком, позвольте вас спросить? — сердито поинтересовалась Розалин.

Либ обдумывала, в чем можно признаться.

— И откуда он взял эту чушь о том, что она якобы в смертельной опасности? Утром я застала Китти, которая рыдала, потому что услышала, как вы что-то говорили доктору о смертном одре.

Либ решила перейти в наступление:

— А как вы назвали бы это, миссис О'Доннелл?

— Какая наглость с вашей стороны!

— Вы смотрели на свою дочь последнее время?

— О, значит, вы понимаете больше личного врача девочки? Вы, которая даже не сумела отличить мертвого ребенка от живого? — Розалин фыркнула, указывая на фотографию на каминной доске.

Весьма язвительное замечание.

— Макбрэрти воображает, что ваша дочь пре-

вращается в нечто вроде ящерицы. И этому маразматику вы доверяете ее жизнь.

— Если бы вас не назначил комитет, я бы немедленно выставила вас из дома. — Женщина стиснула кулаки.

— Как — чтобы Анна быстрее умерла?

Розалин О'Доннелл бросилась на нее.

Испугавшись, Либ отскочила в сторону, чтобы избежать удара.

— Вы ничего про нас не знаете! — заорала женщина.

— Я знаю, что Анна слишком истощена и не может встать с кровати.

— Если ребенок… испытывает какие-то трудности, это лишь от нервного напряжения, ведь за ней следят, как за узником.

Либ фыркнула. Ощущая скованность во всем теле, она приблизилась к женщине.

— И какой надо быть матерью, чтобы довести до такого?

Розалин О'Доннелл сделала то, чего Либ меньше всего ожидала, — разразилась слезами.

Либ уставилась на нее.

— Разве я не делала все, что в моих силах? — причитала женщина. По лицу ее катились слезы. — Разве она не плоть от моей плоти, моя

последняя надежда? Разве не я родила ее, заботливо растила и кормила, пока она позволяла мне?

Либ вдруг представила себе, как все это было. Тот день, когда послушной девочке О'Доннеллов исполнилось одиннадцать, — и потом, когда она безо всяких объяснений отказалась принимать пищу. Возможно, для ее родителей это явилось столь же непомерным ужасом, что и болезнь, унесшая прошлой осенью их мальчика. И, только убедив себя, что эти катаклизмы являются частью Божественного промысла, Розалин О'Доннелл сумела примириться с ними.

— Миссис О'Доннелл, — начала Либ, — позвольте уверить вас…

Но женщина удалилась, нырнув в закуток, отделенный занавеской из мешковины.

Дрожа, Либ вернулась в спальню. Ее смущало, что она сочувствует женщине, которую не выносит.

По Анне не было заметно, чтобы она слышала ссору. Девочка лежала на подушках, поглощенная священными карточками.

Либ постаралась взять себя в руки. Она заглянула через плечо Анны на картинку, изображающую девочку, плывущую на крестообразном плоту.

— Знаешь, море сильно отличается от реки.

— Оно больше, — сказала Анна, прикоснувшись к карточке кончиком пальца, словно для того, чтобы почувствовать, какое оно мокрое.

— Бесконечно больше, — продолжала Либ, — и если река движется только в одну сторону, то море словно дышит — вдох, выдох.

Анна вдохнула, с усилием наполняя легкие.

Либ взглянула на часы: пора. «В полдень», — только и написала она в записке, которую подсунула на рассвете под дверь Берна. Ее беспокоил вид этих свинцово-серых туч, но пути назад не было. К тому же погода в Ирландии меняется каждые четверть часа.

Точно в полдень из кухни донеслись звуки «Ангелуса». Либ рассчитывала на молитву как на отвлекающий маневр.

— Немного прогуляемся, Анна?

Розалин О'Доннелл и горничная стояли на коленях — «Ангел Господень возвестил Марии…», — пока Либ поспешно выкатывала кресло из-за входной двери. «Ныне и в час смерти нашей. Аминь». Она толкала кресло через кухню, и его задние колеса скрипели.

Анна сумела выбраться из постели и встать около кресла на колени.

— Да будет мне по слову Твоему, — нараспев говорила Анна.

Либ застелила кресло одеялом, потом помогла девочке взобраться на него и укрыла ее тремя одеялами, подоткнув их под ноги. Затем мимо молящихся взрослых торопливо выкатила кресло за дверь.

Лето уже шло на убыль — желтые, в виде звездочек цветы на длинных стеблях начинали темнеть, приобретая бронзовый оттенок. Огромное облако словно расщепилось надвое, а из расщелины лился свет.

— Вот и солнышко, — прохрипела Анна, откинув голову на подушку.

Либ быстро катила кресло по дороге, колеса наталкивались на колдобины и выбоины. Она свернула в переулок и увидела в нескольких футах от себя Уильяма Берна.

Он не улыбался.

— Она без сознания?

Только сейчас Либ заметила, что Анна немного соскользнула вниз, повернув голову набок. Она прикоснулась к щеке девочки, и, к ее облегчению, веки Анны затрепетали.

— Просто задремала, — сказала она.

Сегодня Берн не вел светские разговоры.

— Ну что, ваши доводы возымели действие?

— Как с гуся вода, — призналась Либ, поворачивая кресло от деревни и толкая его вперед, чтобы девочка не проснулась. — Этот пост для Анны — камень в библейском смысле. Ее ежедневный долг, призвание свыше.

Он мрачно кивнул:

— Если ее состояние будет ухудшаться так же быстро…

Что будет дальше?

— Вы намерены рассматривать возможность… принудительного кормления? — Глаза Берна потемнели, став темно-синими.

Сделав над собой усилие, Либ представила себе эту процедуру — как она держит Анну, заталкивая трубку ей в глотку. Подняв глаза, она встретилась с его горящим взглядом.

— Боюсь, я не смогу. Дело не в моей брезгливости, — заверила она его.

— Знаю, чего это вам будет стоить.

Но суть состояла не только в этом. Объяснить она не могла.

Они шли молча минуту, другую. Либ пришло в голову, что их могли бы принять за семью на прогулке.

— Что ж, — снова заговорил более резким то-

ном Берн, — выясняется, что падре непричастен к надувательству.

— Мистер Таддеус? Откуда такая уверенность?

— Школьный учитель О'Флаэрти говорит, что, возможно, комитет организовали по настоянию Макбрэрти, однако именно священник предложил провести официальный надзор за девочкой с участием опытных сиделок.

Либ задумалась. Берн прав: зачем виновному человеку желать надзора за Анной? Пожалуй, из-за своего предвзятого отношения к священникам она слишком быстро согласилась с подозрениями Берна в отношении Таддеуса.

— Кроме того, я больше разузнал о той миссии, которую упоминала Анна, — сказал Берн. — Весной сюда заявились редемптористы из Бельгии.

— Редемптористы?

— Миссионерские священники. Папа рассылает их, как ищеек, по всему христианскому миру, чтобы собирать правоверных и вынюхивать неортодоксальных. Они вбивают правила в головы деревенского люда, заполняют их души страхом перед Богом, — пояснил он. — Итак, в течение трех недель, три раза в день эти редемптористы мучили местных жителей. — Он указал пальцем на пестрые поля. — Если верить Мэгги

Райан, один проповедник так разошелся, что призывал на головы прихожан адский огонь и серу, дети визжали от страха. Потом на исповедь выстроились такие очереди, что малого смяла толпа и поломала ему ребра. Миссия завершилась грандиозной кваранторе.

— Чем? — в недоумении опять спросила Либ.

— Сорокачасовая служба, это время, в течение которого Господь пробыл в гробнице. — Берн заговорил с сильным акцентом: — Так вы ничего не знаете, язычница? — (Эти слова вызвали у нее улыбку.) — В течение сорока часов во всех часовнях в округе проводилось Святое причастие и по дорожкам бродила толпа правоверных, желающих преклонить колена. Вся эта суета завершилась конфирмацией мальчиков и девочек.

— Включая Анну, — догадалась Либ.

— За день до ее дня рождения, когда ей исполнилось одиннадцать.

Конфирмация — момент принятия решения. Анна говорила, что в тот момент она перестала быть ребенком. Ей на язык положили святую гостию — ее Бога в виде облатки из хлеба. Но откуда у нее взялась жуткая решимость сделать это своим последним приемом пищи? Может быть, она неправильно поняла что-то из того, о

чем вещали приезжие священники, доводя толпу до исступления?

Почувствовав приступ дурноты, Либ на миг остановилась и облокотилась на кожаные рукоятки кресла.

— Вы узнали, о чем была эта проповедь, вызвавшая подобное буйство?

— О прелюбодеянии, о чем еще?

Услышав это слово, Либ отвернулась.

— Это орел?

Их испугал тоненький голосок.

— Где? — спросил Берн у Анны.

— Там, вверху, над зеленой дорогой.

— Думаю, нет, — ответил он ребенку, — просто король всех ворон.

— На днях я гуляла по так называемой зеленой дороге, — сказала Либ, чтобы поддержать разговор. — Только напрасно потеряла время.

— К слову сказать, английское изобретение, — заметил Берн.

Она искоса взглянула на него. Очередная шутка?

— Это было зимой тысяча восемьсот сорок седьмого, когда впервые за всю историю Ирландии в ней выпало снега по грудь. Поскольку благотворительность считалась коррумпированной, — с

иронией произнес он, — то голодающим предложили заняться общественными работами. В этих краях это подразумевало сооружение дороги из ниоткуда в никуда.

Нахмурившись, Либ кивнула в сторону девочки:

— Не сомневаюсь, она слышала все эти истории.

Тем не менее Берн наклонился, чтобы посмотреть на Анну.

Она опять спала, уронив голову набок. Либ подоткнула свесившееся одеяло.

— Значит, мужчины выковыривали из земли камни, разбивали их на куски и клали в корзины, — тихим голосом продолжал он, — а женщины носили корзины и мостили дорогу камнями. Дети…

— Мистер Берн! — запротестовала Либ.

— Вы хотели узнать про дорогу, — напомнил он.

Его раздражает сам факт того, что она англичанка? — недоумевала Либ. Узнай он о чувствах, которые она к нему питает, ответил бы он с презрением? Или даже с жалостью? Жалость хуже.

— Скоро закончу. Того, кого валил с ног холод, голод или лихорадка и кто не мог подняться,

зарывали в мешке у обочины, на пару дюймов под землю.

Либ вспомнила, как шагала в ботинках по мягкой, заросшей цветами обочине зеленой дороги. Болото никогда не забывает, оно «поразительным образом сохраняет предметы».

— Не надо больше, — взмолилась Либ, — прошу вас.

Наконец между ними установилось благостное молчание.

Анна дернулась и прижалась лицом к потертому вельвету. Одна капля дождя, потом другая. Либ ухватилась за черный козырек кресла с его ржавыми шарнирами, и Берн помог ей раскрыть его над спящим ребенком. В следующий момент полил дождь.

Либ не могла спать в своей комнате, не могла читать. Ее снедало беспокойство. Она понимала, что надо поужинать, но в горле стоял ком.

В полночь на комоде Анны тускло горела лампа. На подушке жидкие темные волосы ребенка, едва проступающее сквозь одеяла тело. Весь вечер Либ разговаривала с девочкой, пока не охрипла.

Сейчас она сидит рядом с кроватью, заставляя себя думать о трубке. Очень узкая, гибкая трубка со смазкой, не шире соломинки, которую надо

очень медленно, очень осторожно ввести Анне в рот так, чтобы девочка не проснулась. Либ представила себе, как по этой трубке свежее молоко понемногу попадает в желудок ребенка.

Что, если одержимость Анны — результат ее поста, а также и его причина? В конце концов, кто в состоянии здраво рассуждать на пустой желудок? А может быть, каким бы парадоксальным это ни казалось, девочка, получив какую-то пищу, научится вновь испытывать естественный голод. Применив кормление через трубку, Либ в самом деле подкрепила бы девочку. Отвела бы ее от края пропасти, дала бы ей время прийти в себя. Это, скорее, не принуждение, а принятие на себя ответственности — у медсестры Райт, в отличие от всех других, хватит решимости сделать необходимое, чтобы спасти Анну О'Доннелл от себя самой.

Либ так сильно стиснула зубы, что они заболели.

Разве взрослые не делают детям больно ради их собственного блага? Или медсестры — пациентам? Разве Либ, ради того чтобы вернуть пациентов к жизни, не мучила их, обрабатывая ожоги или вытаскивая шрапнель из ран? И в конце концов, бывает, что сумасшедшие и заклю-

ченные по нескольку раз в день подвергаются принудительному кормлению.

Либ представила себе, как Анна, проснувшись, начинает сопротивляться, задыхаться, как ее тошнит, а в глазах стоят слезы. Либ зажимает маленький нос Анны, придавливает ее голову к подушке. *Лежи смирно, дорогая. Позволь мне. Ты должна*. Неумолимо проталкивает трубку.

Нет! Слово оглушительно прозвучало у нее в голове. Либ подумала даже, что выкрикнула его.

Это не поможет. Именно это следовало днем сказать Берну. Физиологически — да. Она полагала, что жидкая пища, введенная Анне через трубку, обеспечит ее энергией, но не сохранит жизнь. Даже наоборот, это ускорит ее уход из мира. Сломит ее дух.

Либ сосчитала вдохи и выдохи Анны за минуту. Двадцать пять, чересчур много, угрожающая частота. Но по-прежнему идеальная регулярность. Несмотря на поредевшие волосы, коричневые пятна на коже, болячки в уголках рта, Анна была красива, как любое спящее дитя.

«Я питаюсь манной небесной», — сказала она медиумам на прошлой неделе. Но сегодня, как заметила Либ, это прозвучало по-другому, в прошедшем времени: «Четыре месяца я питалась

манной небесной». Анна начала пост четыре месяца назад, в апреле, и существовала за счет манны — какой бы тайный способ питания под этим ни подразумевался — вплоть до приезда сиделок.

Но нет, это не имеет смысла, поскольку последствия полного голодания проявились бы не позже чем через два дня. Либ не заметила такого ухудшения, пока Берн не обратил на это ее внимание в понедельник второй недели. Неужели ребенок только на седьмой день почувствовал слабость?

Либ пролистала свои записи — ряд телеграфных сообщений с отдаленной линии фронта. Все дни первой недели не отличались один от другого, пока…

Отказалась поздороваться с матерью.

Она всматривалась в аккуратно написанные слова. Утро субботы, шесть дней надзора. Совсем не медицинская запись. Либ записала это только потому, что произошло необъяснимое изменение в поведении ребенка.

Как могла она быть настолько слепой?

Не просто приветствие дважды в день, а объятие, во время которого крупная костистая фигура женщины заслоняла лицо ребенка. Поцелуй большой птицы, кормящей своего птенца.

Нарушив правило мисс Н., Либ разбудила девочку.

Анна заморгала, заслоняясь от яркого света лампы.

Либ прошептала:

— Когда ты питалась манной, кто… — Не «кто давал ее тебе», потому что Анна скажет, что манна была от Бога. — Кто приносил ее тебе?

Она ожидала сопротивления, отрицания. Какой-нибудь замысловатой выдумки об ангелах.

— Мама, — пробормотала Анна.

Неужели девочка всегда была готова сразу ответить откровенно на поставленный вопрос? Если бы Либ не относилась столь высокомерно к религиозным легендам, она обратила бы больше внимания на то, что ребенок пытался ей сказать.

Она вспомнила то, как Розалин О'Доннелл входила бочком для приветствий утром и вечером, улыбаясь, но почему-то молча. Такая говорливая в другое время, но только не в тот момент, когда приходила обнять дочь. Да, у Розалин рот всегда был плотно закрыт, когда она наклонялась обнять дочь.

Либ пододвинулась ближе к маленькому уху:

— Она передавала это из своего рта в твой?

— Святым поцелуем, — кивнув, произнесла

Анна без тени смущения.

На Либ накатил приступ гнева. Значит, мать пережевывала пищу на кухне, потом кормила Анну на глазах у сиделок, дважды в день насмехаясь над ними.

— Какая манна на вкус? — спросила она. — Как молоко или каша?

— Божественная… — сказала Анна, как будто ответ был очевиден.

— Она говорила тебе, что манна упала с небес?

Вопрос, казалось, смутил Анну.

— Манна такая и есть.

— Кто-нибудь еще знает? Китти? Твой отец?

— Пожалуй, нет. Я никогда им не говорила.

— Почему? — спросила Либ. — Мама запрещала тебе? Угрожала?

— Это личное.

Тайный обмен, слишком священный, чтобы быть облеченным в слова. Да, Либ могла себе представить женщину с сильным характером, уговорившую на это свою девочку. В особенности такую девочку, как Анна, выросшую в мире тайн. Дети всецело доверяют взрослым, в руки которых они вверены. Началось ли кормление в одиннадцатый день рождения Анны или постепенно возникло задолго до этого? Был ли это ловкий

трюк, когда мать, прочитав дочери библейскую историю про манну, смутила ее мистическими подробностями? Или же обе стороны привнесли в эту убийственную игру нечто невыразимое? В конце концов, девочка умнее матери и более начитанная. В каждой семье есть свои особенности, которые чужому распознать невозможно.

— А почему ты рассказала мне? — допытывалась Либ.

— Вы — мой друг.

От этих слов девочки сердце Либ затрепетало.

— Ты больше не кушаешь манну, да? С субботы?

— Мне она не нужна, — ответила Анна.

«Разве я не кормила ее, пока она позволяла мне?» — причитала тогда Розалин. Либ услышала в этом печаль и раскаяние женщины, но все же не поняла до конца. Мать водрузила Анну на пьедестал, чтобы дочь светила миру, как путеводная звезда. Она, разумеется, намеревалась сохранить дочери жизнь с помощью этого тайного источника пищи. Но сама Анна положила этому конец по прошествии одной недели надзора.

Имел ли тогда ребенок представление о последствиях? Понимает ли она это сейчас?

— То, что твоя мать выплевывала тебе в

рот, — говорила Либ нарочито грубо, — это еда, приготовленная на кухне. Эти порции кашицы сохраняли тебе жизнь все эти месяцы. — Она замолчала, ожидая реакции, но глаза девочки смотрели рассеянно.

Либ схватила ее за распухшие руки:

— Твоя мама лгала, разве не понимаешь? Тебе нужна еда, как любому другому. В тебе нет ничего особенного. — Слова получались неправильными, обидными. — Если не будешь есть, то умрешь, дитя.

Анна посмотрела прямо на нее, потом с улыбкой кивнула.

Глава 5. Дежурство

Дежурство
смена, изменение
рабочие часы
средство для достижения цели
решительный шаг, начало

В четверг вовсю палило солнце, августовское небо было нестерпимо голубым. Когда Уильям Берн в полдень вошел в столовую, Либ сидела в одиночестве, уставившись в миску с супом. Подняв взгляд, она сделала попытку улыбнуться ему.

— Как Анна? — спросил Берн. Он сел напротив Либ, касаясь коленями ее юбки.

Либ не смогла ответить.

— Если вам не уснуть, надо подкрепить силы, — кивнул он на ее миску.

Либ подняла ложку, которая издала скрежещущий звук. Она почти донесла ложку до рта, но потом опустила в миску.

— Рассказывайте. — Берн наклонился к ней через стол.

Либ отодвинула миску. Поглядывая на дверь

— нет ли дочери Райана, — она рассказала про «манну небесную», подносимую под видом объятия.

— Господи! — изумился Берн. — До чего же наглая эта женщина.

О, какое облегчение почувствовала Либ, излив ему душу.

— Плохо, что Розалин О'Доннелл заставила ребенка существовать на двух глотках в день, — сказала Либ. — Но в последние пять дней Анна отказывается принимать «манну», и ее мать не сказала ни слова.

— Полагаю, она не говорит этого из боязни, что ее осудят.

Либ растерялась:

— Вам пока нельзя это печатать.

— Почему нельзя?

Как Берн может спрашивать?

— Я в курсе, что суть вашей профессии в разглашении всё и вся, — съязвила она, — но сейчас самое главное — спасти девочку.

— Я знаю. А как насчет вашей профессии? Многого вы достигли за все время, проведенное с Анной?

Либ закрыла лицо ладонями.

— Простите. — Берн схватил ее пальцы. — Я

сказал сгоряча.

— Это совершенно правильно.

— И все же простите меня.

Либ вырвала свою руку из его руки, чувствуя, как горит кожа.

— Поверьте, — сказал он, — ради блага Анны следует кричать об этом обмане на всех углах.

— Однако публичный скандал не заставит ее есть!

— Почему вы так уверены?

— Анне приходится справляться с этим в одиночку. — Голос Либ задрожал. — Похоже, она приветствует перспективу смерти.

— Но почему? — Берн откинул кудри с лица.

— Наверное, потому, что ваша религия заполнила ей голову ужасной чепухой.

— Скорее, потому, что она приняла ужасную чепуху за религию!

— Не знаю, зачем она так делает, — призналась Либ, — если только это не имеет отношения к смерти ее брата.

Он нахмурился с озадаченным видом:

— Вы уже сказали монахине про «манну»?

— Утром не было возможности.

— А Макбрэрти?

— Я никому, кроме вас, не говорила.

Берн взглянул на Либ с таким выражением, что она пожалела о сказанном.

— Понимаете, сегодня вечером вам придется поделиться своим открытием с комитетом.

— Вечером? — в смущении переспросила Либ.

— Разве вас с сестрой не позвали? В десять часов они собираются в задней комнате здесь, — он мотнул головой на отстающие обои, — по указанию доктора.

Может быть, до доктора все же дошло что-то из того, о чем говорила с ним Либ накануне.

— Нет, — с сарказмом ответила она, — мы всего лишь медсестры, зачем им выслушивать наше мнение? — Она уперлась подбородком в сжатые кулаки. — Может, если пойти к нему сейчас и рассказать про трюк с «манной»…

— Лучше вам явиться на собрание и объявить комитету, — покачал головой Берн, — что вы справились с заданием, которое вам поручили.

Справилась? Больше похоже на безнадежный провал.

— Но каким образом это поможет Анне?

Берн взмахнул руками:

— Когда наблюдение закончится, у нее будет место… и время побыть наедине. Шанс передумать.

— Она придерживается этого поста не для того,

чтобы произвести впечатление на читателей «Айриш таймс», — сказала Либ. — Это между ней и вашим алчным Богом.

— Он не виноват в недомыслии своих последователей. Все, о чем Бог просит нас, — жить.

Они пристально смотрели друг на друга.

Потом Берн усмехнулся:

— Знаете, я никогда не встречал женщину — человека такого нечестивого, как вы.

Пока он смотрел на нее, по телу Либ медленно разливался жар.

Солнце светило прямо в глаза. Униформа Либ прилипла к телу. По дороге к хижине она решила, что пойдет на вечернее собрание комитета, независимо от того, пригласили ее или нет.

Когда она вошла, в доме было тихо. Розалин О'Доннелл и прислуга выщипывали за длинным столом тощую курицу. Трудились они молча или разговаривали — об английской сиделке, — пока не услышали звук открываемой двери?

— Добрый день, — сказала Либ.

— Добрый день, — не отводя глаз от тушки, откликнулись обе.

Либ взглянула на длинную спину Розалин О'Доннелл и подумала: «Я раскусила тебя, злодейка». Она даже ощутила сладость: ей казалось,

она держит в руке единственное оружие, способное сокрушить дешевое жульничество этой женщины.

Но не сейчас. С этого момента пути назад не будет. Если Розалин выставит ее из хижины, у Либ не останется шансов повлиять на Анну.

В спальне девочка лежала лицом к окну, свернувшись калачиком, грудная клетка вздымалась и опадала. Она хватала воздух потрескавшимися губами. В ночном горшке ничего.

Лицо монахини вытянулось.

— Хуже, — одними губами произнесла она, забирая плащ и сумку.

Либ положила ладонь ей на плечо, чтобы удержать.

— Анна призналась, — чуть слышно сказала она на ухо монахине.

— Священнику?

— Мне. До субботы мать кормила ее пережеванной пищей, делая вид, что целует. Она убедила девочку, что это манна.

Сестра Майкл побледнела и перекрестилась.

— Сегодня вечером в десять у Райана собирается комитет, — продолжала Либ, — и мы должны поговорить с ними.

— Так сказал доктор Макбрэрти?

У Либ возникло искушение солгать. Вместо этого она сказала:

— Этот человек не в себе. Он считает, что Анна превращается в холоднокровное существо! Нет, мы должны сделать свое сообщение остальным членам комитета.

— В воскресенье, согласно указаниям.

— Еще три дня — слишком долго! Анна может не выдержать, — прошептала Либ, — и вы это знаете.

Моргая большими глазами, монахиня отвернула лицо.

— Говорить буду я, а вы должны меня поддержать.

— Мое место здесь… — нерешительно процедила сестра Майкл.

— Вы наверняка сможете найти кого-то на час присмотреть за Анной, — сказала Либ. — Хотя бы дочь Райана. — (Монахиня покачала головой.) — Вместо того чтобы шпионить за Анной, нам надо постараться уговорить ее принимать пищу. Уговорить жить.

Укрытая платом голова продолжала качаться, как колокол.

— Нам не давали таких указаний. Это ужасно печально, но…

— Печально? — Громкий голос Либ словно обвинял. — Это, по-вашему, подходящее слово?

Лицо сестры Майкл сморщилось.

— Хорошие медсестры выполняют правила, — прошипела Либ, — а лучшие знают, когда их можно нарушить.

Монахиня вылетела из комнаты.

Либ судорожно вздохнула и села подле Анны.

Когда девочка проснулась, ее пульс был как скрипичная струна, вибрирующая прямо под кожей. Либ записала обычным четким почерком:

Четверг, 18 августа, 13:03.

Пульс 129, нитевидный,

Затрудненное дыхание.

Она позвала Китти и велела ей собрать все подушки в доме.

Китти вытаращила глаза, потом помчалась выполнять поручение.

Либ подложила все подушки под спину Анне, чтобы девочка почти сидела в кровати, и от этого ей как будто стало немного легче дышать.

— Ты, который вознесешь меня от врат смерти, — пробормотала Анна, не открывая глаз. — Вызволи меня из рук врагов моих.

С какой радостью Либ сделала бы это, если бы знала как: вызволила бы Анну, освободила ее

от пут.

— Еще воды?

Она предложила девочке ложку.

Веки Анны затрепетали, но не поднялись. Она покачала головой:

— Да свершится это надо мной.

— Ты можешь и не чувствовать жажду, но пить все равно нужно.

Плотно сжатые губы разомкнулись и приняли ложку воды.

Проще было бы откровенно поговорить на улице.

— Хочешь снова прогуляться в кресле-каталке? День чудесный.

— Нет, спасибо, миссис Либ.

Либ и это занесла в книжку:

Чересчур слаба и не может выехать в кресле.

Ее записная книжка перестала быть просто подспорьем к памяти. Она стала свидетельством преступления.

— Эта лодка как раз для меня, — пробормотала Анна.

Может быть, это причудливая метафора для кровати, единственного наследства, оставшегося от брата? Или ее рассудок пострадал от голодания? Либ записала:

Легкая спутанность сознания?

— Анна… — Либ взяла в руки опухшую ручонку девочки. Холодная, как у фарфоровой куклы. — Ты знаешь о грехе, который зовется самоубийством?

Светло-карие глаза открылись, но смотрели в сторону.

— Дай прочту тебе кое-что из «Изучения сознания», — сказала Либ, взяв служебник и отыскав в нем страницу, которую отметила накануне. — «Ты сделал что-нибудь, чтобы укоротить свою жизнь и приблизить смерть? Желал ли ты собственной смерти, испытывая страсть или нетерпение?»

— Я воспарю и найду успокоение, — покачав головой, прошептала Анна.

— Ты в этом уверена? Разве самоубийцы не попадают в ад? — Либ заставила себя продолжить: — Тебя даже похоронят не с Пэтом, а за кладбищенской стеной.

Анна повернулась щекой к подушке, как маленький ребенок, у которого болит ухо.

Либ вспомнила о первой загадке, которую загадала девочке: «Меня и нет, и ты меня не видишь». Наклонившись к девочке, она прошептала:

— Почему ты стараешься умереть?

— Чтобы отдать себя. — Анна не отрицала, она

лишь поправила Либ. Она вновь и вновь твердила молитву Доротеи: — Боготворю тебя, о дорогой крест, облагороженный прекрасными уязвимыми конечностями Иисуса, моего Спасителя, обагренный Его драгоценной кровью.

При последнем свете дня Либ помогла ребенку сесть в кресло, чтобы можно было проветрить постельное белье и разгладить простыни. Анна сидела, поджав колени к подбородку. Потом доковыляла до ночного горшка, оставив в нем лишь несколько темных капель. Вернулась к кровати, двигаясь как старуха — старуха, которой она никогда не будет.

Когда девочка уснула, Либ принялась вышагивать по комнате. Ничего не оставалось, как попросить принести горячих кирпичей, поскольку даже дневная жара не могла остановить озноб Анны.

Четверть часа спустя пришла горничная с заплаканными глазами, притащив четыре кирпича и засунув их Анне под одеяло. Девочка крепко спала.

— Китти, — неожиданно для себя начала Либ. У нее стучало в висках. Если она ошибается и горничная заодно с миссис О'Доннелл, то эта попытка принесет скорее вред, чем пользу. С чего

начать? Не с обвинения или даже информации. Сочувствие — вот что хотела пробудить Либ в молодой женщине. — Твоя кузина умирает.

Глаза Китти сразу наполнились слезами.

— Все Господни чада нуждаются в еде, — продолжала Либ. Потом заговорила еще тише: — До недавнего времени в Анне поддерживали жизнь с помощью мерзкого трюка, преступного мошенничества, практикуемого во всем мире. — Заметив страх в глазах горничной, она пожалела, что произнесла слово «преступный». — Ты знаешь, что именно я собираюсь тебе сказать?

— Откуда мне знать? — спросила Китти с выражением кролика, почуявшего лису.

— Твоя хозяйка… — «Тетя? — подумала Либ. — Своего рода кузина?» — Миссис О'Доннелл кормила Анну из своего рта, притворяясь, что целует ее, понимаешь? — Ей пришло в голову, что Китти станет обвинять девочку. — В своей невинности Анна думала, что получает святую манну с небес.

Широко раскрытые глаза вдруг прищурились. Гортанный звук.

Либ подалась вперед.

— Что ты сказала?

Ответа не последовало.

— Понимаю, это для тебя шок…

— Ах ты!

На этот раз Либ поняла, увидев, как исказилось злобой лицо горничной.

— Говорю тебе это для того, чтобы ты помогла мне спасти жизнь твоей маленькой кузины.

Сильные руки вцепились в лицо Либ, зажали рот.

— Заткни свою лживую глотку! — (Либ, пошатываясь, отступила назад.) — Как чума, ты проникла в наш дом, разнося повсюду яд. Безбожная, бессердечная, у тебя ни капли стыда!

Ребенок в кровати, потревоженный голосами, зашевелился, и обе женщины замерли.

Китти уронила руки. Сделала два шага к кровати и, наклонившись, нежно поцеловала Анну в висок. Когда она выпрямилась, лицо ее было залито слезами.

Вскоре дверь за ней захлопнулась.

«Ты пыталась», — застыв на месте, напомнила себе Либ.

В этот раз она не понимала, что сделала не так. Пожалуй, Китти неизбежно и слепо должна была принять сторону О'Доннеллов. Они были всем в ее жизни: семьей, домом, единственным средством заработать на хлеб насущный.

Лучше все-таки было попытаться или ничего не делать? Лучше для собственной совести, подумала Либ. Для голодающей девочки это не имеет значения.

Либ выбросила увядшие цветы и убрала служебник в шкатулку.

Потом, повинуясь порыву, достала снова и еще раз пролистала его в поисках молитвы к Доротее. Почему из всех молитв Анна твердила именно эту тридцать три раза в день?

Вот она — молитва на Страстную пятницу для святых душ, обращенная к святой Бригитте. В тексте Либ не нашла ничего нового: «Боготворю тебя, о дорогой крест, облагороженный прекрасными уязвимыми конечностями Иисуса, моего Спасителя, обагренный Его драгоценной кровью». Присмотревшись, она прочитала примечание, напечатанное мелким шрифтом. «Если произнести эту молитву тридцать три раза во время пятничного поста, то из чистилища будут отпущены три души, а если в Страстную пятницу, то тридцать три души». Пасхальная премия, полученная при умножении награды на одиннадцать. Либ собиралась захлопнуть книгу, когда с запозданием осознала слово «пост».

Если произнести тридцать три раза во время

поста.

— Анна… — Наклонившись, она коснулась щеки девочки. — Анна! — (Анна заморгала.) — Твоя молитва «Боготворю тебя, о дорогой крест». Ты из-за этого не хочешь есть?

Улыбка девочки поразила Либ — радостная, но с оттенком скорби.

Наконец-то, подумала Либ, наконец. Но удовлетворения не было, лишь гнетущая печаль.

— Это Он тебе сказал? — спросила Анна.

— Кто?

Анна указала на потолок.

— Нет, — ответила Либ, — я сама догадалась.

— Когда мы догадываемся, — сказала девочка, — значит, нам подсказывает Бог.

— Ты пытаешься помочь своему брату попасть на небеса.

Анна с детской уверенностью кивнула:

— Если я скажу эту молитву во время поста тридцать три раза каждый день…

— Анна! — воскликнула Либ. — Говорить молитву во время поста… я уверена, это значит пропустить только один прием пищи в пятницу, и это спасет три души или тридцать три, если это Страстная пятница. — Зачем она повторяет эти абсурдные цифры, словно они из какого-то

гроссбуха? — В книге ничего не сказано о том, что нужно совсем перестать есть.

— Души нуждаются в полном очищении. — Глаза Анны заблестели. — Правда, для Бога нет ничего невозможного, поэтому я не сдамся, а только буду продолжать молиться и умолять Его взять Пэта на небеса.

— Но твое голодание…

— Это для того, чтобы все получилось.

— Никогда не слышала о столь нелепой и ужасной сделке, — сказала Либ.

— Наш Отец Небесный не заключает сделок, — с осуждением произнесла Анна. — Он ничего мне не обещал. Но может быть, Он проявит милосердие к Пэту. И даже ко мне, — добавила она. — Тогда мы с Пэтом снова будем вместе. Сестра и брат.

В этом рассуждении была странная убедительность, какая-то иллюзорная логика, не лишенная смысла для девочки одиннадцати лет.

— Жизнь важнее всего, — уговаривала ее Либ. — Пэт подождет.

— Он ждет уже девять месяцев, горя в геенне. — Анна всхлипнула, но бледные щеки оставались сухими.

Неужели у ребенка не осталось даже жидкости

для слез?

— Подумай, как будут горевать по тебе папа и мама, — все, что она смогла сказать.

Неужели Розалин О'Доннелл не представляла себе, куда может привести это ужасное притворство?

Лицо Анны дернулось.

— Они знают, что нам с Пэтом будет хорошо наверху. — Она поправила себя: — Если это в Божьей воле.

— В сырой земле ты будешь — вот где! — Либ стукнула каблуком по утрамбованному земляному полу.

— Это всего лишь тело, — ответила девочка с ноткой презрения. — А душа… — Она дернула плечами.

— Что? Что с ней происходит?

— Тело спадает, как старое пальто, а душа остается.

Либ пришло в голову, что она единственный человек, который точно знает, что этот ребенок хочет умереть. Это давило на нее свинцовой тяжестью.

— Твое тело — всякое тело — это чудо. Чудо созидания. — Либ пыталась подыскать нужные слова, хотя этот язык был для нее чужим. Нет

смысла разговаривать об удовольствии и счастье с этой маленькой фанатичкой — только о долге. Как это сказал тогда Берн? *В тот день, когда ты впервые открыла глаза, Анна, Бог попросил только об одном — чтобы ты жила.*

Анна взглянула на Либ.

— Я видела мертворожденных младенцев. Других, страдающих неделями и месяцами, пока хватало сил бороться, — продолжила Либ срывающимся голосом, — и никто не знает почему.

— Его промысел, — прошептала Анна.

— Хорошо, но пусть Он сделает так, чтобы ты выжила. — Либ вспомнила широкую общую могилу жертв голода на кладбище. — Сотни тысяч — может быть, миллионы твоих соотечественников умерли от голода, когда ты была совсем крошкой. Это значит, твоя священная обязанность — выжить. Дышать, принимать пищу, как все мы, выполнять каждодневную работу выживания. — В ответ она видела лишь еле заметное движение челюсти девочки, говорящей «нет», всегда «нет».

На Либ навалилась огромная усталость. Выпив полстакана воды, она села и уставилась в пространство.

В восемь часов вечера, когда Малахия О'Дон-

нелл пришел пожелать дочери спокойной ночи, та крепко спала. Он неловко потоптался на месте.

Либ с великим усилием поднялась и остановила его, когда он направился к двери.

— Должна сказать вам, мистер О'Доннелл, — прошептала она, — вашей дочери недолго осталось.

В его глазах промелькнул ужас:

— Доктор сказал…

— Он ошибается. У нее учащенное сердцебиение, температура падает, а легкие наполняются жидкостью.

— Крошка моя!

Малахия О'Доннелл вперил взгляд в маленькое тело, едва обозначившееся под одеялом.

Либ так и подмывало выплеснуть на него всю историю с «манной». Но негоже было вставать между мужем и женой, да и рискованно, ибо как мог воспринять Малахия слова англичанки против Розалин? Если Китти была разгневана обвинением Либ, того же можно ждать и от Малахии. В конце концов, у Либ нет твердых доказательств. Она не сможет разбудить Анну и принудить ее повторить историю отцу. К тому же Либ сильно сомневалась, что от этого будет толк.

Нет, сейчас имеет значение не правда, а что будет с Анной. Малахия должен увидеть сам, ему надо рассказать лишь то, что способно пробудить в нем заботливого отца.

— Анна хочет умереть, — сказала Либ, — в надежде, что вызволит вашего сына из чистилища.

— Что?! — с ужасом спросил он.

— В качестве своего рода обмена, — пояснила Либ. Правильно ли она преподносит эту кошмарную историю? — Жертвы.

— Храни нас Господь… — пробормотал Малахия.

— Когда она проснется, скажи́те ей, что она заблуждается.

О'Доннелл закрыл лицо большой ладонью. Слов было не разобрать.

— Прошу прощения?

— Наверняка не стоит ей этого говорить.

— Не будьте смешным. Она ребенок, — возразила Либ. — Ваш ребенок.

— Она вдвое умнее меня, — сказал Малахия. — Не знаю, откуда она такая взялась.

— Что ж, если не будете быстро действовать, вы ее потеряете. Будьте с ней построже. Ведь вы ее отец.

— Всего лишь земной, — мрачно произнес Ма-

лахия. — Она послушает только Его, — добавил он, дернув головой.

В дверях появилась монахиня — девять часов.

— Добрый вечер, миссис Райт.

Оставив Либ в замешательстве, Малахия поспешно вышел. Ох уж эти люди!

Уже надев накидку, Либ вспомнила о злосчастном собрании.

— Сегодня я намерена обратиться к комитету, — напомнила она сестре Майкл.

Кивок. Монахиня не привела с собой никого на подмену, и Либ поняла, что она твердо решила не приходить на собрание.

— Пар от кастрюли с горячей водой может облегчить Анне дыхание, — выходя, сказала Либ.

Она ждала у себя в комнате, чувствуя, как сводит живот. Не просто нервозность при мысли о том, как без приглашения явится на собрание своих нанимателей, но и страшная неуверенность. Если Либ убедит комитет в том, что цель надзора достигнута, — расскажет им все про трюк с «манной», тогда они, поблагодарив, сразу отпустят ее. В этом случае она вряд ли сможет попрощаться с Анной перед отъездом в Англию. Вспомнив свой госпиталь, Либ почему-то была не в состоянии вообразить, что вернется к прежней жизни.

Личные потери в счет не идут, говорила она себе. Каждой сиделке так или иначе приходится прощаться с очередным пациентом. Но что станется с Анной, кто будет за ней ухаживать и заставит ли ее кто-нибудь или что-нибудь отказаться от своего обреченного поста? Ирония ситуации состояла в том, что до сих пор ей не удалось уговорить девочку съесть хотя бы крошку. Но Либ была убеждена, что только она одна сможет это сделать. Неужели ее самоуверенность граничит с манией?

Бездействие — величайший грех. Так сказал Берн по поводу своих репортажей о голоде.

Либ посмотрела на часы. Четверть одиннадцатого. Комитет должен уже собраться, даже если ирландцы всегда опаздывают. Встав, она поправила серую униформу и пригладила волосы.

Подождав за дверями задней комнаты, Либ вскоре услышала знакомые голоса — доктора и священника. Она постучала в дверь.

Ответа не последовало. Может быть, ее не услышали. Ей послышался женский голос. А может, на собрание все-таки пришла сестра Майкл?

Либ вошла, и первой, кого она увидела, была Розалин О'Доннелл. Их глаза встретились. За спиной жены — Малахия. Оба были ошарашены

появлением сиделки.

Либ кусала губы, она не ожидала, что здесь будут родители.

За импровизированным столом, составленным из трех высоких табуретов, председательствовал низенький длинноносый мужчина в старом парчовом камзоле, который сидел на стуле с резной спинкой. Сэр Отуэй Блэкетт, догадалась Либ, судя по его манере держаться — отставной офицер. На столе она заметила «Айриш таймс». Похоже, они обсуждали статью Берна.

— Кто это? — спросил сэр Отуэй.

— Английская сиделка, пришла без приглашения, — ответил высокий Джон Флинн, сидевший на соседнем стуле.

— Это закрытое собрание, миссис Райт, — сказал доктор Макбрэрти.

Мистер Райан, владелец гостиницы, мотнул головой, как бы намекая Либ, чтобы шла к себе наверх.

Незнакомым для нее был только мужчина с засаленными волосами — должно быть, О'Флаэрти, школьный учитель, он же каменщик. Либ переводила взгляд с лица на лицо, не желая, чтобы ее запугали. Она начнет с веских доводов, занесенных в ее книжку.

— Джентльмены, прошу прощения. Полагаю, вам следует узнать последние новости о здоровье Анны О'Доннелл.

— Какие новости? — с издевкой спросила Розалин О'Доннелл. — Полчаса назад я вышла из дому, и она мирно спала.

— Я уже представил свой отчет, миссис Райт, — строго произнес доктор Макбрэрти.

— Вы доложили комитету, — обратилась к нему Либ, — что Анна сильно распухла от водянки и не может ходить? Она ослабла, все время мерзнет, и у нее выпадают зубы. — Либ пролистала свои записи, чтобы показать присутствующим, что у нее все зафиксировано. — Пульс у девочки с каждым часом учащается, легкие наполняются водой, о чем свидетельствует характерный хрип. Кожа покрыта коростой и синяками, а волосы вылезают клочьями, как у старой…

С опозданием Либ заметила, что сэр Отуэй поднял ладонь, пытаясь остановить ее:

— Мы учтем ваши соображения, мэм.

— Я всегда говорил, что все это чушь! — Это был трактирщик Райан. — Послушайте, ну кто может жить без пищи?

Либ так и подмывало спросить, почему он согласился помочь финансировать этот надзор,

если с самого начала относился ко всему скептически.

— Попридержите язык! — повернулся к нему Джон Флинн.

— Я, как и вы, член комитета.

— Джентльмены, не следует опускаться до пререканий, — сказал священник.

— Мистер Таддеус, — сделав к нему шаг, произнесла Либ, — почему вы не велели Анне прекратить голодовку?

— Полагаю, вы слышали, что я пытался, — ответил священник.

— Какой деликатный подход! Я выяснила, что она морит себя голодом в безумной надежде спасти душу своего брата. — Либ переводила взгляд с одного лица на другое, чтобы удостовериться, что они поняли. — Очевидно, с благословения родителей. — Либ махнула рукой в сторону О'Доннеллов.

— Вы, невежественная еретичка! — вскипела Розалин.

Ах, это удовольствие наконец-то все высказать!

— В этой деревне вы представляете Рим, — обратилась Либ к мистеру Таддеусу. — Так почему же вы не заставите Анну принимать пищу?

— Отношения между пастором и прихожанином священны, мэм, и вам этого никогда не понять! — ощетинился тот.

— Если Анна не послушается вас, нельзя ли привлечь епископа?

Мистер Таддеус выпучил глаза:

— Я не стану… не должен впутывать в это дело свое начальство или Церковь в целом.

— Что значит «впутывать»? — спросил Флинн. — Разве не прославится Церковь, если мы докажем, что Анна живет только духовной пищей? Разве не может эта маленькая девочка стать первой ирландской святой, канонизированной с тринадцатого столетия?

— Этот процесс еще даже не начался. — Мистер Таддеус загородился ладонями как забором. — Только после сбора исчерпывающих доказательств и исключения всех других возможных объяснений Церковь может прислать делегацию уполномоченных, призванных расследовать, является ли святость человека чудом. До того момента, в отсутствие какого-либо доказательства, Церкви надлежит быть щепетильной и держаться на расстоянии.

Либ прежде не слышала, чтобы этот доброжелательный священник говорил так холодно, словно

читал какую-то инструкцию. *В отсутствие доказательств*. Намекает ли он всем собравшимся на то, что утверждение О'Доннеллов ошибочно? Может быть, у Либ нашелся по крайней мере один сторонник среди этих людей. Несмотря на то что он друг семьи, как она вспомнила, именно мистер Таддеус убедил комитет организовать тщательное расследование. Пухлое лицо священника скривилось, словно он понял, что сказал лишнее.

Раскрасневшийся Джон Флинн подался вперед, указывая на него:

— Вы не достойны даже застегнуть ее маленькие туфельки!

«Большие ботинки», мысленно поправила его Либ. Ноги Анны давно опухли так сильно, что она влезала только в ботинки умершего брата. Для этих людей девочка была символом, у нее больше не было тела.

Либ надо было воспользоваться этим критическим моментом.

— Я хочу сообщить вам, джентльмены, нечто очень важное и неотложное и надеюсь, это извинит мое появление здесь без приглашения. — Она не смотрела в сторону Розалин О'Доннелл, боясь потерять самообладание под прицелом ее злоб-

ного взгляда. — Я обнаружила, каким образом ребенка…

Скрип. Дверь комнаты распахнулась, потом почти захлопнулась снова, словно впустив привидение. Затем в проеме показалась черная фигура, и в комнату, пятясь, вошла сестра Майкл, таща за собой кресло-каталку.

Либ потеряла дар речи. Да, она уговаривала монахиню прийти. Но с Анной?

Худенькая девочка, закутанная в одеяла, косо лежала в кресле баронета. Голова ее была как-то странно вывернута, но глаза были открыты.

— Папочка… — пробормотала она. — Мамочка… Миссис Либ… Мистер Таддеус…

У Малахии О'Доннела были мокрые щеки.

— Дитя, — произнес мистер Таддеус, — нам сказали, ты больна.

— Мне очень хорошо, — тоненьким голоском пролепетала Анна.

Либ сразу поняла, что не сможет рассказать им про «манну». Не здесь, не сейчас. Ведь она собиралась повторить им слова ребенка. Розалин О'Доннелл начнет вопить, что англичанка по злобе сочинила всю нечестивую историю. Члены комитета обратятся к Анне с требованием узнать, правда ли это. И что потом? Слишком рискованно

заставлять девочку выбирать между сиделкой и Розалин. Какой ребенок не встанет на сторону собственной матери? Кроме того, это будет чрезмерно жестоко.

Изменив тактику, Либ кивнула монахине и подошла к креслу-каталке:

— Добрый вечер, Анна.

Девочка чуть улыбнулась в ответ:

— Можно мне снять одеяла, чтобы эти джентльмены смогли лучше тебя рассмотреть?

Еле заметный кивок. Хрипит, ловит ртом воздух.

Либ развернула ребенка, потом пододвинула кресло ближе к столу, чтобы свеча осветила ее белую ночную рубашку. Чтобы комитет увидел гротескную диспропорцию ее фигуры — руки и голени гиганта, приставленные к костяку эльфа. Запавшие глаза, слабость, лихорадочный румянец, голубоватые пальцы, странные отметины на лодыжках и шее. Жалкое тело Анны было более наглядным доказательством, чем любое, которое могла бы представить Либ.

— Джентльмены, мы с моей напарницей стали свидетелями медленного угасания ребенка. Две недели были выбраны произвольно, не так ли? Очень прошу прекратить надзор сегодня же и

направить все усилия на спасение жизни Анны.

Долгие несколько мгновений все молчали. Либ наблюдала за Макбрэрти. Похоже, вера в его теорию была поколеблена — сухие губы дрожали.

— Полагаю, мы увидели достаточно, — сказал сэр Отуэй Блэкетт.

— Да, можете сейчас отвезти Анну домой, сестра, — проговорил Макбрэрти.

Кроткая, как всегда, монахиня кивнула и выкатила кресло из комнаты. О'Флаэрти вскочил, чтобы придержать для них дверь.

— Вы тоже можете уходить, мистер и миссис О'Доннелл.

У Розалин был негодующий вид, но она вышла вместе с Малахией.

— И миссис Райт… — Мистер Таддеус жестом пригласил Либ выйти.

— Не раньше, чем закончится это собрание, — заявила она сквозь стиснутые зубы.

За О'Доннеллами закрылась дверь.

— Уверен, все мы сходимся на необходимости прояснить вопрос, прежде чем отклоняться от согласованного порядка действий и прекратить надзор? — спросил баронет.

За столом послышалось хмыканье и бормотание.

— Полагаю, осталась всего пара дней, — сказал Райан.

Присутствующие закивали.

Они не предполагают, что до воскресенья остается три дня, так что надзор можно прекратить прямо сейчас, в оцепенении подумала Либ. Они предполагают продлить его до воскресенья. Они что, не видели ребенка?

Баронет и Флинн бормотали что-то бессвязное о процедуре и бремени доказательства.

— В конце концов, надзор — единственный способ раз и навсегда выяснить правду, — напомнил комитету Макбрэрти. — Во имя науки, во имя человечества…

Либ не могла больше этого выносить. Повысив голос, она указала на доктора:

— Вас вычеркнут из медицинского реестра. — Она блефовала, не имея понятия, каким образом врачу запрещают практику. — А вы все — вашу халатность можно считать преступной. Неспособность обеспечить ребенка необходимым для жизни, — импровизировала она, переводя обвиняющий перст с одного мужчины на другого. — Тайный сговор в целях извращения хода правосудия. Подталкивание к самоубийству.

— Мэм! — пролаял баронет. — Позвольте на-

помнить, что вас наняли для весьма важных ежедневных наблюдений на оговоренный двухнедельный период. Ваше окончательное суждение по поводу того, принимала ли девочка пищу, потребуется от вас в воскресенье.

— До воскресенья Анна умрет!

— Миссис Райт, держите себя в руках, — произнес священник.

— Она нарушает условия найма, — высказался Райан.

— Если бы оставалось больше трех дней, — кивнул Джон Флинн, — я предложил бы заменить ее.

— Совершенно верно, — сказал баронет. — Опасно неуравновешенна.

Либ нетвердой походкой пошла к двери.

В ее сне полчища скребущих когтями крыс заполонили огромную палату, кишели в проходах, прыгали с койки на койку, лакая свежую кровь. Мужчины кричали, но их голоса перекрывались скребущими звуками, которые только и слышала Либ, — яростное царапанье когтей по дереву…

Нет. Дверь. Царапанье в дверь, наверху у Райана. Кто-то не хочет будить никого, кроме Либ.

Она вылезла из кровати, стала шарить в поисках халата. Приоткрыла дверь:

— Мистер Берн!

Он не стал извиняться за то, что потревожил ее. Они смотрели друг на друга в колеблющемся свете его свечи. Либ бросила взгляд в темный провал лестницы — в любой момент кто-то мог прийти. Потом поманила его в комнату.

Берн вошел без колебаний. От него исходило тепло — должно быть, ездил верхом. Либ указала ему на единственный стул, и он сел. Сама она примостилась на краю измятой постели, подальше от ног мужчины, но так, чтобы они смогли тихо разговаривать.

— Я слышал про собрание, — начал он.

— От кого из них?

Он покачал головой:

— Мэгги Райан.

Нелепо, но Либ немного уязвило, что он в таких доверительных отношениях с горничной.

— Она уловила лишь обрывки разговора, но поняла, что они набросились на вас, как собачья свора.

Либ едва не рассмеялась.

Она рассказала Берну все: о странном желании Анны искупить юношеские грехи брата, принеся себя в жертву. О своей догадке по поводу того, что священник призвал ее в эту страну в надежде,

что надзор выявит факт отсутствия чуда и спасет его драгоценную Церковь от навязывания фальшивой святой. О членах комитета и их глупом отказе отклониться от плана.

— Забудьте о них, — сказал Берн, и Либ уставилась на него. — Сомневаюсь, чтобы кто-то из них сумел отговорить Анну от ее безумной идеи. Но вы — вы ей нравитесь. У вас авторитет.

— Недостаточный, — возразила Либ.

— Если не хотите видеть ее лежащей в ящике, примените этот авторитет.

На миг Либ представила себе ящичек с сокровищами девочки, но потом поняла, что он имел в виду гроб. Сорок шесть дюймов, вспомнила она свой первый обмер Анны. Чуть больше четырех дюймов роста за каждый прожитый на земле год.

— Я лежал у себя в кровати и размышлял о вас, Либ Райт.

— И что же? — возмутилась Либ.

— Как далеко вы зайдете, чтобы спасти эту девочку?

И только когда Берн об этом спросил, Либ осознала, что знает ответ.

— Я ни перед чем не остановлюсь. — (Он скептически поднял бровь.) — Я не та, за кого вы меня

принимаете, мистер Берн.

— И за кого же я вас принимаю?

— Спорщица, непоседа, жеманная вдова. Хотя правда в том, что никакая я не вдова. — Эти слова сами сорвались с губ Либ.

Услышав это, ирландец выпрямился:

— Вы не были замужем?

На его лице промелькнуло любопытство, или это было отвращение?

— Была. И, насколько мне известно, все еще замужем. — Либ с трудом верила, что выбалтывает свой худший секрет, и кому — газетному корреспонденту. Но в этом было также и торжество, то редкое ощущение, когда рискуешь всем. — Райт не умер, он… — Скрылся с имуществом? Порвал с ней и сбежал? Покинул ее? — Он ушел от меня.

— Но почему?! — взорвался Берн.

— Значит, была причина! — Либ так резко дернула плечом, что его прошила боль.

Она могла бы рассказать ему о ребенке, но не хотела, не сейчас.

— Нет! Вы неправильно меня поняли, вы…

Либ пыталась припомнить, когда еще этот мужчина не находил слов.

— Каким нужно быть человеком, чтобы оставить *вас*? — спросил он.

К глазам Либ подступили слезы. Просто ее застала врасплох сочувственная нотка в его голосе.

А вот родители в свое время ей не сочувствовали. Скорее, были потрясены тем, что Либ так не повезло и она потеряла мужа меньше чем через год после свадьбы. Или думали, что их дочь в какой-то степени проявила беспечность, хотя никогда не говорили об этом вслух. Тем не менее они помогли ей перебраться в Лондон и выдать себя за вдову. Этот тайный сговор настолько шокировал сестру Либ, что та перестала разговаривать со всеми. Единственный вопрос, который мать и отец не задали Либ, был: «Как он мог?»

Либ сильно заморгала, поскольку ей была нестерпима мысль о том, что Берн подумает, будто она плачет из-за мужа, который действительно не стоил ни единой слезы. Вместо этого она чуть улыбнулась.

— А еще англичане называют ирландцев глупыми! — добавил он.

Либ громко рассмеялась, но сразу же прикрыла рот рукой.

И тут Уильям Берн поцеловал ее так стремительно и крепко, что она чуть не опрокинулась на кровать. Ни слова, только этот поцелуй, а потом он вышел из комнаты.

Как это ни странно, несмотря на всю путаницу в голове, она быстро уснула.

Проснувшись, Либ пошарила на столе в поисках часов и нажала кнопку. Часы пробили у нее в кулаке: один, два, три, четыре. Утро пятницы. Только тогда она вспомнила, как Берн поцеловал ее. Нет, как они с ним целовались.

Чувство вины заставило Либ вскочить с постели. Разве может она быть уверена, что Анне ночью не стало хуже, что она не испустила последний вздох? *Всегда этой ночью будь подле меня, свети и оберегай*. Она жаждала очутиться в тесной душной комнатушке. Впустят ли ее О'Доннеллы после того, что она сказала на собрании?

Не зажигая даже свечи, Либ на ощупь оделась. Спустившись по лестнице, она долго возилась с входной дверью, пытаясь отодвинуть засов.

Все еще темно. Убывающая луна в окружении легких облаков. Так тихо, так безлюдно, словно страну опустошила какая-то катастрофа и Либ одна шагает по топким тропинкам.

В хижине О'Доннеллов светилось только одно оконце, горевшее день и ночь вот уже одиннадцать дней и напоминающее некий ужасный глаз, позабывший, как надо моргать. Либ подошла к горящему прямоугольнику и заглянула

внутрь.

Сидящая у кровати сестра Майкл вглядывается в профиль Анны. Преображенное светом маленькое лицо. Спящая красота, сама невинность. Девочка, кажущаяся совершенством, возможно, потому, что не двигается, ничего не просит, не доставляет хлопот. Иллюстрация из дешевой газеты: «Последнее дежурство. Или последний отдых ангелочка».

Наверное, Либ пошевелилась, или же сестра Майкл обладала той сверхъестественной способностью чувствовать, когда на нее смотрят, потому что она подняла глаза и сдержанно кивнула.

Приготовившись к категорическому отказу, Либ вошла в хижину.

У камина Малакхия О'Доннелл пил чай. Розалин и Китти перекладывали что-то из одной кастрюли в другую. Прислуга не поднимала головы. Хозяйка бросила взгляд в сторону Либ, но лишь на миг, словно почувствовала сквозняк. Значит, О'Доннеллы не намерены игнорировать комитет, запрещая Либ входить к себе в дом, по крайней мере сегодня.

Анна спала таким глубоким сном, что казалась восковой фигурой.

Либ сжала прохладную руку сестры Майкл,

испугав монахиню.

— Спасибо, что пришли вчера вечером.

— Но от этого ведь не было толку?

— Все равно.

Солнце взошло в четверть седьмого. Словно призванная светом, Анна приподняла голову и протянула руку к пустому ночному горшку. Либ бросилась, чтобы подать его.

Девочку вырвало чем-то ярко-желтым, но прозрачным. Каким образом мог ее совершенно пустой желудок произвести нечто столь яркое из воды? Анна вздрогнула, сжимая губы, словно стряхивая с них капли.

— Тебе больно? — спросила Либ.

Безусловно, это ее последние дни.

Анна отплевывалась и отплевывалась, потом откинулась на подушку, повернув голову к комоду.

Либ записала в своей книжке:

Рвота желчью, полпинты?

Пульс: 128 ударов в минуту.

Дыхание: 30 вдохов и выдохов в минуту, влажные хрипы с двух сторон.

Вены на шее раздулись.

Температура пониженная.

Глаза остекленевшие.

Анна старела на глазах, словно само время ускорилось. Кожа становилась похожей на попорченный пергамент, на котором что-то писали чернилами, а потом стирали. Либ заметила, что, когда девочка терла ключицу, на коже оставались складки. По подушке разбросаны темно-рыжие пряди. Либ собрала их и засунула в карман передника.

— У тебя затекла шея, детка?

— Нет.

— Тогда почему ты поворачиваешь голову в ту сторону?

— Слишком яркий свет от окна, — ответила Анна.

«Используйте свой авторитет», — сказал Берн. Но какие новые аргументы может Либ привести?

— Скажи мне, — спросила она, — что это за Бог, который забирает твою жизнь в обмен на душу брата?

— Я нужна ему, — прошептала Анна.

Китти внесла поднос с завтраком.

— Как ты сегодня, крошка?

— Очень хорошо, — хриплым голосом ответила Анна.

Горничная прижала ко рту покрасневшую ру-

ку. Потом вернулась на кухню.

На завтрак были лепешки со сладким маслом. Либ подумала о святом Петре, стоящем у врат в ожидании лепешки с маслом. Она почувствовала вкус золы. *Ныне и в час смерти нашей. Аминь*. Либ замутило, и, положив лепешку на тарелку, она поставила поднос у двери.

— Все растягивается, миссис Либ, — пробормотала Анна.

— Растягивается?

— Комната. То, что снаружи, умещается в том, что внутри.

Не так ли начинается бред?

— Тебе холодно? — спросила Либ, садясь рядом с кроватью.

Анна покачала головой.

— Жарко? — спросила Либ.

— Ни то ни другое. Не важно.

Эти безжизненные глаза напомнили Либ о подрисованном взгляде Пэта О'Доннелла на дагеротипе. Время от времени глаза Анны подергивались. Возможно, проблемы со зрением.

— Ты видишь то, что прямо перед тобой?

— По большей части, — немного замявшись, ответила девочка.

— Хочешь сказать, бóльшую часть из того, что

там есть?

— Все вижу, — поправила ее Анна, — бóльшую часть времени.

— Но иногда не видишь?

— Все становится черным. Но я вижу кое-что другое, — сказала девочка.

— Что именно?

— Прекрасное…

Вот к чему приводит голодание, хотелось прокричать Либ. Но разве можно криком заставить ребенка передумать? Нет, ей следует призвать на помощь все свое красноречие.

— Еще загадку, миссис Либ, — попросила девочка.

Либ была поражена. Выходит, даже умирающему нужны небольшие развлечения, чтобы время шло быстрее.

— Сейчас, дай подумать… Да, пожалуй, есть еще одна. Что… какая вещь, чем меньше она, тем страшнее?

— Страшнее? — переспросила Анна. — Мышь?

— Но крыса пугает людей так же, если не сильнее, хотя она в несколько раз больше, — заметила Либ.

— Ладно. — Девочка прерывисто вздохнула. — Что-то, что пугает больше, если оно маленькое.

— Скорее, тоньше, — поправила себя Либ. — У́же.

— Стрела? — пробормотала Анна. — Нож? — Еще один прерывистый вздох. — Пожалуйста, подскажите.

— Представь, что ты идешь по нему.

— Он мне сделает больно?

— Только если оступишься.

— Мост! — воскликнула Анна.

Либ кивнула. Почему-то ей вспомнился поцелуй Берна. Ничто не отберет у нее его — этот поцелуй останется с ней до конца жизни. Он придал Либ отваги.

— Анна, — сказала она, — ты сделала очень много. — (Девочка заморгала.) — Долго постилась, много молилась. Не сомневаюсь, Пэт уже счастлив на небесах.

— А я не уверена, — шепотом ответила Анна.

Либ попробовала изменить тактику:

— Все твои способности — ум, доброта, сила духа — нужны на земле. Бог хочет, чтобы ты следовала Его делу здесь. — (Анна покачала головой.) — Сейчас я говорю как твой друг. — У Либ задрожал голос. — Ты стала мне очень дорога, самая дорогая девочка на свете.

Легкая улыбка.

— Ты разбиваешь мне сердце.

— Мне жаль, миссис Либ.

— Тогда поешь! Пожалуйста. Ну хотя бы глоток. Ложечку. Умоляю тебя.

У Анны был серьезный непроницаемый взгляд.

— Прошу тебя! Ради меня. Ради всех, кто…

Китти позвала от двери:

— Это мистер Таддеус.

Либ вскочила на ноги.

Заметно было, что священнику жарко и неуютно в черном облачении. Неужели Либ удалось разбудить его совесть на вчерашнем собрании? Здороваясь с Анной, он, по обыкновению, приподнял уголки губ, но глаза его оставались печальными.

Либ поборола в себе неприязнь к этому человеку. В конце концов, если кто-то и мог убедить Анну в ошибочности ее верования, то, по логике, это был ее духовник.

— Анна, хочешь поговорить с мистером Таддеусом наедине?

Еле заметное покачивание головой.

За его спиной маячили О'Доннеллы.

Священник понял намек Либ:

— Хочешь исповедаться, дитя?

— Не сейчас.

Розалин О'Доннелл сжала узловатые пальцы:

— Ну скажите, какие грехи мог совершить этот лежащий перед вами херувим?

«Ты боишься, что она расскажет ему про „манну", — сказала себе Либ. — Чудовище!»

— Тогда споем гимн? — предложил мистер Таддеус.

— Хорошая мысль, — потирая подбородок, проговорил Малахия О'Доннелл.

— Чудесно! — выдохнула Анна.

Либ предложила стакан воды, но девочка покачала головой.

Китти тоже робко подошла. Шесть человек заполнили комнатушку до отказа.

Розалин О'Доннелл начала стих:

Из земли изгнания
К тебе взываю я,
Мать моя Мария,
Взгляни же на меня.

«Почему Ирландия — земля изгнания?» — недоумевала Либ.

Остальные подхватили — муж, горничная, священник, даже Анна из постели:

Взгляни же на меня,
Жалея и любя.
К Тебе сейчас взывает
Твое дитя.

В душе Либ закипало возмущение. «Нет, это *твоему* ребенку нужна сейчас твоя помощь», — мысленно обратилась она к Розалин О'Доннелл.

Следующий стих удивительно приятным альтом пропела Китти, и складки на ее лице разгладились.

В печали и тьме
Будь рядом со мной,
Мой свет и спасенье,
Мой страж и покой.
Пусть всюду силки окружают меня,
Без страха взираю на мир я.
Пусть слаб я,
Меня не оставит Мария.

Теперь Либ поняла: вся земля — это страна изгнания. Любой интерес, любая радость, которые предлагает жизнь, с презрением расценивались как силки для души, нацеленной на небеса.

Но силки есть и здесь. Хижина, стены которой

скреплены навозом и кровью, шерстью и молоком, — ловушка, удерживающая и калечащая маленькую девочку.

— Благословляю тебя, дитя мое, — обратился мистер Таддеус к Анне. — Загляну к тебе завтра.

И это все, что он мог сделать? Гимн, благословение — и он ушел восвояси?

О'Доннеллы и Китти гуськом вышли вслед за пастором.

Никаких признаков Берна в пабе. Никакого ответа, когда Либ постучала в дверь. Может быть, он сожалеет о поцелуе?

Весь вечер она лежала на кровати с сухими глазами. О сне можно было даже не мечтать.

«Выполняй свой долг, и пусть себе земной шар крутится», — как говорила ее наставница.

В чем теперь состоит долг Либ в отношении Анны? «Вызволи меня из рук моих недругов», — молилась как-то Анна. Либ — ее избавительница или еще один недруг? «Я не остановлюсь ни перед чем», — похвалялась Либ перед Берном вчера. Но что может она сделать для спасения ребенка, который не желает быть спасенным?

В семь Либ заставила себя спуститься вниз и немного поужинать, поскольку ощущала слабость. Теперь тушеный заяц камнем лежал у нее

в желудке.

Августовский вечер был душным. К тому времени как Либ подошла к хижине, темный горизонт успел поглотить солнце. Она постучала, сжавшись от ужаса. Между одной сменой и следующей Анна могла впасть в забытье.

На кухне пахло кашей и постоянным жаром камина.

— Как она? — спросила Либ у Розалин О'Доннелл.

— В основном так же, ангелочек.

Не ангел. Человеческое дитя.

Анна казалась необычно желтоватой на фоне серых простынь.

— Добрый вечер, дитя. Можно, я взгляну на твои глаза?

Девочка открыла глаза и заморгала.

Либ оттянула кожу под глазом и посмотрела. Да, белки имели светло-желтый оттенок, как у нарцисса. Она бросила взгляд на сестру Майкл.

— Когда доктор приходил сюда днем, он подтвердил желтуху, — застегивая плащ, сказала монахиня.

Либ повернулась к Розалин О'Доннелл, стоявшей в дверном проеме.

— Это признак того, что организм Анны раз-

рушается.

Мать не нашлась что ответить. Она восприняла это как известие о буре или отдаленной войне.

Ночной горшок был пустым. Либ наклонила его.

Монахиня покачала головой.

Значит, мочи не было совсем. Это та точка, к которой сходились все измерения. Все в организме Анны истиралось, предвещая остановку.

— Завтра вечером в половине девятого состоится месса, исполненная по обету, — сообщила Розалин О'Доннелл.

— По обету? — переспросила Либ.

— Посвященная особому случаю, — вполголоса пояснила сестра Майкл.

— Для Анны. Разве не мило? — спросила ее мать. — Мистер Таддеус заказывает специальную мессу из-за твоего нездоровья, и туда придут все.

— Чудесно! — с усилием вздохнула Анна.

Либ достала стетоскоп и подождала, пока две женщины уйдут.

Она подумала, что различила что-то новое в сердечном ритме Анны — ритм галопа. Или ей показалось? Она вслушалась снова. Вот — три звука вместо обычных двух.

Затем она сосчитала частоту дыхания. Два-

дцать девять в минуту — ускоряется. Температура Анны тоже показалась Либ пониженной, несмотря на жару последних двух дней.

Она взяла Анну за шелушащуюся руку.

— У тебя начинает прыгать сердечко. Чувствуешь? — (Что-то странное было в том, как девочка лежала — недвижимые руки и ноги.) — Тебе, наверное, больно.

— Это слово не подходит, — прошептала Анна.

— Как бы ты это назвала?

— Сестра говорит, это поцелуй Иисуса.

— Что именно? — спросила Либ.

— Когда что-то болит. Она говорит, это значит, что я приблизилась к Его кресту и Он может наклониться и поцеловать меня.

Монахиня, без сомнения, хотела утешить девочку, однако Либ пришла в ужас.

Анна дышала прерывисто.

— Хотела бы я знать, долго ли это продлится…

— Ты имеешь в виду умирание? — спросила Либ, и девочка кивнула. — В твоем возрасте это не происходит естественно. Дети такие живучие. — Подобного странного разговора с пациентом у Либ еще не было. — Ты боишься?

Немного замявшись, Анна чуть заметно кивнула.

— Я не верю, что ты действительно хочешь умереть.

Лицо девочки сделалось таким несчастным. Никогда прежде она не показывала этого.

— Да свершится по слову Твоему, — перекрестившись, прошептала Анна.

— Это не божеское деяние, — напомнила ей Либ. — Твое.

Веки девочки затрепетали и наконец опустились. Шумное дыхание смягчилось и стало ровным.

Либ продолжала держать опухшую кисть. Сон, временная благодать. Она надеялась, Анна проспит всю ночь.

За стеной началась вечерняя молитва. На этот раз пели приглушенными голосами. Либ дождалась окончания, когда все в хижине затихло и О'Доннеллы забились в свою нишу в стене, а Китти улеглась в кухне на скамье. Все звуки замерли.

Только одна Либ бодрствовала. Страж. *Всегда будь подле меня в ночи.*

Либ неожиданно для себя задалась вопросом, почему она хочет, чтобы Анна пережила эту ночь и все оставшиеся. Разве не следовало Либ из сострадания желать, чтобы все скорей заверши-

лось? В конце концов, все, что она делала ради удобства Анны, — глоток воды, дополнительная подушка — только продлевало ее страдания.

На миг Либ представила себе, как ускоряет конец Анны — складывает одеяло, закрывает им лицо ребенка и наваливается всем телом. Это не составит труда и займет не более двух минут. Право, это будет актом милосердия.

Убийство.

Как могла она дойти до того, чтобы замыслить убийство пациента?

Это все от недосыпания и неопределенности. Неразбериха и грязь. Дикая болотистая местность, умирающий ребенок, и Либ в полном замешательстве.

Никогда не отчаивайся, приказала она себе. Разве это не один из непростительных грехов? Либ вспомнила историю о человеке, всю ночь сражавшемся с ангелом, вновь и вновь повергаемом ниц. Не выигрывать, но никогда не сдаваться.

Думай, думай! Либ изо всех сил старалась применить свой натренированный ум. «Какая может быть у ребенка история?» — это спросила Розалин О'Доннелл в то первое утро в ответ на вопросы Либ. Однако каждая болезнь имеет свою историю с началом, серединой и концом. Как проследить

эту историю с конца до начала?

Ее глаза блуждали по комнате. Наткнувшись взглядом на ящик с сокровищами Анны, Либ вспомнила о сломанном ею подсвечнике и локоне темных волос. Брат, Пэт О'Доннелл, которого Либ знала только по фотографии с нарисованными глазами. Откуда взялась у его младшей сестры уверенность, что ей надо выкупить его душу ценой собственной?

Либ пыталась понять мучения Анны, поставить себя на место девочки, для которой эти древние предания были настоящей правдой. Четыре с половиной месяца голодания. Почему этой жертвы недостаточно для замаливания грехов простого мальчика?

— Анна. — Шепотом. Потом громче. — Анна!

Девочка силилась проснуться.

— Анна!

Тяжелые веки затрепетали.

Либ приблизила губы к уху девочки:

— Пэт сделал что-то дурное?

Ответа не было.

— Что-то такое, о чем никто больше не знает?

Либ ждала. Смотрела на трепещущие веки. Оставь ее, говорила она себе, вдруг почувствовав усталость. Какое это теперь имеет значение?

— Он сказал, это нормально. — Анна говорила еле слышно. Глаза по-прежнему закрыты, словно она спала.

Затаив дыхание, Либ ждала.

— Он сказал, она двойная.

Либ ничего не поняла.

— Двойная — что?

— Любовь.

Моя любовь принадлежит мне, а я ему. Один из гимнов Анны.

— Что ты хочешь этим сказать?

Теперь глаза Анны раскрылись.

— Ночью он был моим мужем.

Либ моргнула раз, потом другой. Комната оставалась на месте, но мир вокруг, кружась, погружался во тьму.

«Едва я усну, он приходит ко мне, — сказала как-то Анна, но она не имела в виду Иисуса. — Он хочет меня».

— Я была его сестрой и невестой тоже, — прошептала девочка. — Две в одном лице.

Либ стало тошно. Другой спальни в доме не было. Должно быть, брат и сестра спали в этой. Только складная ширма, которую она вынесла из комнаты в первый день, отделяла кровать Пэта — эту кровать, его ложе смерти — от матраса

Анны, лежавшего на полу.

— Когда это случилось? — спросила Либ, чувствуя, как слова царапают ей горло.

Анна чуть пожала плечами.

— Ты помнишь, сколько было Пэту?

— Наверное, тринадцать.

— А тебе?

— Девять, — ответила Анна.

— Это произошло только однажды, Анна, — случайно или… — сморщилась Либ.

— Замужество — это навсегда.

О эта ужасная невинность ребенка! Либ еле слышно попросила ее продолжать.

— Когда брат и сестра женятся, это священная тайна. Тайна между нами и небесами. Так говорил мне Пэт. Но он умер, — глядя на Либ, произнесла Анна срывающимся голосом. — Я подумала, что, может быть, он ошибался. — (Либ кивнула.) — Может быть, Бог забрал Пэта из-за того, что мы сделали. Тогда это несправедливо, миссис Либ, потому что Пэт несет все наказание.

Либ сжала губы, чтобы ребенок продолжал говорить.

— Потом в миссии… — Анна горестно всхлипнула. — Бельгийский священник сказал в проповеди, что брат с сестрой — это смертный грех,

второй по тяжести прегрешения из шести видов похоти. Бедный Пэт не знал этого!

О, бедный Пэт прекрасно знал, как сплести блестящую паутину вокруг того, что он ночь за ночью делал с младшей сестрой!

— Он умер так быстро, — рыдала девочка, — и не успел исповедаться. Может быть, он попал прямо в ад. — Мокрые глаза в свете лампы казались зеленоватыми. Она говорила, всхлипывая. — В аду пламя не для очищения, от него очень больно, и этому нет конца.

— Анна… — Либ не в силах была слушать дальше.

— Не знаю, как его вызволить, но я должна попытаться. Уж конечно, Господь сумеет вырвать его…

— Анна! Ты не сделала ничего плохого.

— Сделала.

— Ты не знала, — настаивала Либ. — Это зло причинил тебе брат.

— Я тоже любила его двойной любовью, — покачала головой Анна.

Либ не могла вымолвить ни слова.

— Если Господь поможет, мы скоро будем вместе, но только на этот раз без женитьбы, — сказала Анна. — Просто снова брат и сестра.

— Анна, я этого не вынесу, я…

Либ, скорчившись на краю кровати и ослепнув от слез, не видела ничего вокруг.

— Не плачьте, миссис Либ. — Тонкие руки протянулись к ней, обхватили за голову и прижимали к себе. — Милая миссис Либ.

Чтобы заглушить рыдания, Либ уткнулась лицом в одеяло, чувствуя твердые бугорки коленей. Все перевернулось с ног на голову: ее утешает ребенок, и какой ребенок!

— Не волнуйтесь, все в порядке, — бормотала Анна.

— Нет, не в порядке!

— Все хорошо. Все будет хорошо.

Помоги ей. Либ поймала себя на том, что молится Богу, в которого не верит. *Помоги мне. Помоги всем нам.*

В ответ она услышала лишь тишину.

Посреди ночи — Либ не могла больше ждать — она ощупью пробралась через кухню, мимо силуэта спящей на лавке горничной. Кожа на щеках Либ оставалась натянутой и соленой от рыданий. Нащупав грубую занавеску, отделявшую закуток, она прошептала:

— Миссис О’Доннелл!

Кто-то зашевелился.

— Что-то с Анной? — хрипло спросила Розалин.

— Нет, она крепко спит. Мне надо с вами поговорить.

— В чем дело?

— Это частный разговор, — сказала Либ. — Пожалуйста.

После долгих часов раздумий она пришла к выводу, что должна выдать секрет Анны. Но только одному человеку — как ни странно, тому, кому доверяла меньше всего, — Розалин О'Доннелл. Либ надеялась, что это откровение может наконец пробудить в Розалин сострадание к несчастной девочке. История была семейная, и мать Пэта и Анны, как никто другой, имела право услышать правду о том, какое зло один из них причинил другому.

В голове Либ звучал гимн, обращенный к Марии: «Мать моя, взгляни же на меня».

Розалин О'Доннелл отодвинула занавеску и выбралась из закутка. В красноватом свете тлеющих углей ее глаза выглядели жутковато.

Либ поманила ее, и Розалин пошла следом по утрамбованному земляному полу. Либ открыла дверь, и Розалин, на миг замявшись, потопала за ней.

Едва за ними закрылась дверь, как Либ поспешно заговорила, боясь потерять самообладание.

— Я знаю все про «манну», — стремясь взять верх, начала она.

Розалин, не мигая, смотрела на нее.

— Но я не сказала комитету. Миру не нужно объяснять, как жила Анна все эти месяцы. Важно только, выживет ли она. Если вы любите свою дочь, миссис О'Доннелл, то сделаете все, что в ваших силах, чтобы заставить ее поесть.

По-прежнему ни слова.

— Все дело в выборе, — наконец очень тихо проговорила она.

— Хотите сказать, ее выбрал Бог? — с отвращением спросила Либ. — Обрек на мученичество в одиннадцать лет?

Розалин поправила ее:

— Она сама сделала свой выбор.

Либ задохнулась от абсурдности этих слов.

— Неужели вы не понимаете, в каком отчаянии сейчас Анна, как мучается чувством вины? Разве человек выбирает, когда проваливается в бездонное болото?

Ни слова.

— Она не девственница.

Розалин прищурила глаза.

— Должна вам сказать, ее совратил ваш собственный сын. — Простые и грубые слова. — Он стал спать с ней, когда ей было всего девять.

— Миссис Райт, — произнесла женщина, — я не потерплю больше никаких сплетен.

Возможно, для Розалин это непостижимый ужас. Не проще ли ей поверить, что Либ все придумала?

— Это все те же грязные выдумки, которые насочиняла Анна после похорон Пэта, — продолжала Розалин, — и я велела ей не порочить бедного брата.

Либ пришлось прислониться к шершавой стене хижины. Значит, это совсем не новость для женщины. *Мать понимает то, о чем молчит ребенок*. Так, кажется, говорится в их пословице? Однако Анна сказала-таки. Тогда, в ноябре, скорбь по умершему брату придала ей сил признаться матери во всей постыдной истории. Розалин назвала ее лгуньей, и сейчас, глядя на чахнущую дочь, думает так же.

— Ни слова больше не хочу от вас слышать! — прорычала Розалин. — Черт бы вас побрал!

И она скрылась за дверью.

В субботу утром, сразу после шести, Либ подсунула записку под дверь Берну.

Потом она вышла из паба и поспешила прочь через топкое поле под убывающей луной. Это адово царство непоправимо сдвигалось с орбиты Царства Небесного.

Перед ней стоял боярышник у крошечного святого колодца, полуистлевшие лоскутки на ветках плясали от теплого ветра. Теперь Либ поняла суть подобного суеверия. Если существует ритуал, исполнив который она получит шанс спасти Анну, то почему не попробовать? Ради этого ребенка она поклонится дереву, или камню, или фигурке, вырезанной из репы. Либ подумала обо всех тех людях, не одно столетие уходящих от этого дерева и верящих, что они оставили здесь свои хвори и печали. Шли годы, и некоторые напоминали себе: «Если я все еще болею, то лишь потому, что лоскуток не совсем истлел».

Анна хотела покинуть свое тело, сбросить его, как старое пальто. Избавиться от сморщенной кожи, от имени, от разбитой жизни, покончить со всем этим. Да, Либ хотела бы пожелать этого девочке и даже больше — родиться вновь, согласно верованиям людей из Дальневосточного региона. Проснуться на следующий день и обнаружить, что она — другой человек. Девочка, которой не причинили ущерба, которой не надо

отдавать долги и которая в состоянии съесть свою порцию еды.

А потом ей вдруг показалось, что светлеющее небо озарилось вспышкой, и Либ сразу почувствовала то, чего не ведала до этого момента, — телесные потребности неоспоримы.

Кудри Уильяма Берна были растрепаны, и жилет неправильно застегнут. Он сжимал ее записку.

— Я вас разбудила? — глупо спросила Либ.

— Я не спал. — Он схватил ее за руку.

Вопреки всему по ее телу разлилось тепло.

— Вчера вечером у Райана, — сказал Берн, — только и разговоров было что об Анне. Ходят слухи, вы сказали комитету, что она быстро слабеет. Полагаю, на эту мессу придет вся деревня.

Какое коллективное безумие охватило этих людей?

— Если они озабочены тем, что ребенку позволено себя убить, — возразила Либ, — почему бы им не пойти на штурм хижины?

— Нам, ирландцам, свойственна покорность, — выразительно пожал плечами Берн. — Или, иными словами, фатализм.

Он просунул ее руку под свою, и они пошли вперед под деревьями. Солнце уже встало, и день

опять обещал быть бесконечно прекрасным.

— Вчера я был в Атлоне, — рассказывал он, — спорил с полицейским. Этот офицер, напыщенный тупица в шляпе и с мушкетом, все поглаживал усы, говоря, что данная ситуация весьма деликатна. Он сказал, что полиция не вправе вторгаться в жилище, святая святых, в отсутствие доказательств совершенного преступления.

Либ кивнула. И в самом деле, что могла сделать полиция? Все же она оценила порыв Берна сделать хоть что-нибудь.

Как же Либ хотелось рассказать ему обо всем, что она узнала ночью, и не только для облегчения души, но и потому, что беспокоилась за Анну.

Нет. Было бы предательством выдавать секрет ребенка мужчине, любому мужчине, путь даже защитнику Анны. Разве сможет Берн после этого по-прежнему относиться к этой невинной девочке? Ради Анны Либ обязана держать язык за зубами.

Никому другому она тоже не могла этого сказать. Если даже собственная мать назвала Анну лгуньей, то, скорее всего, остальные сделают то же самое. Либ не могла подвергнуть Анну медицинскому осмотру — это тело и так уже часто обследовали. Кроме того, даже если факт будет

доказан, то, что Либ воспринимала как кровосмесительное изнасилование, другие назовут обольщением. Разве не бывает зачастую, что девочку — пусть даже совсем юную — обвиняют в провоцировании мужчины взглядом или жестом?

— Я пришла к ужасающему выводу, — сказала она Берну. — Анна не может жить в этой семье.

Он нахмурил брови:

— Но они — всё, что у нее есть. Только их она и знает. Что такое ребенок без семьи?

«Птенцу в гнезде места хватит», — как-то похвасталась Розалин О'Доннелл. Но что, если птенец с редким оперением окажется в чужом гнезде и птица-мать нацелит на него острый клюв?

— Верьте мне, они плохая семья, — продолжала Либ. — Они и пальцем не пошевельнут, чтобы спасти ее.

Берн кивнул.

Но убедила ли она его?

— Я видела, как умирает дитя, — проговорила она, — и больше не смогу.

— Это было по службе?

— Нет. Вы не понимаете… Мой ребенок. Моя дочь.

Берн онемел, крепче прижав к себе ее руку.

— Она прожила всего три недели и три дня.

Младенец кричал, кашлял. Должно быть, в молоке Либ было что-то кислое, и ребенок отворачивался или выплевывал его. От того немногого, что попадало ему в желудок, он как будто сжимался, словно это была не пища, а какое-то волшебное зелье для уменьшения размера.

Берн не стал говорить: «Такое случается». Он не сказал, что потеря Либ была всего лишь каплей в океане человеческих страданий.

— Райт тогда и ушел?

Либ кивнула:

— Как он сказал, незачем оставаться. — Потом она добавила: — Но в тот момент мне уже было все равно.

— Он вас недостоин, — сквозь зубы произнес Берн.

О, дело совсем не в том, кто кого достоин и кто чего заслуживает. Либ не заслужила того, чтобы потерять дочь, — она знала это даже в самые безрадостные дни. Она не делала ничего неподобающего, вопреки гнусным намекам Райта. А делала все, что должна была. Слепая судьба, непредсказуемая жизнь, *история, рассказанная глупцом*.

За исключением редких моментов, таких как

этот, когда перед человеком мелькнет надежда повернуть судьбу в нужное русло.

Мысленно Либ пыталась ответить на вопрос мисс Н.: «Вы в состоянии пожертвовать собой?»

Либ змеей обвилась вокруг руки Берна. Оказалось, что до сего момента она еще не приняла окончательного решения.

— Я собираюсь забрать Анну с собой, — сказала она.

— Куда?

— В любое место, прочь отсюда. — Ее глаза блуждали по плоскому горизонту. — Чем дальше, тем лучше.

Берн повернулся к ней лицом:

— Каким образом это заставит ребенка принимать пищу?

— Не могу объяснить, и у меня нет полной уверенности, но я знаю, что ей следует оставить это место и этих людей.

— Вы опять покупаете чертовы ложки, — насмешливо заметил он.

На миг Либ смутилась, потом, вспомнив о ста ложках в Шкодере, чуть улыбнулась.

— Внесем ясность, — произнес Берн со своей обычной вежливостью. — Вы собираетесь похитить девочку.

— Думаю, так это и называется, — хриплым от страха голосом сказала Либ. — Но я не собираюсь заставлять ее.

— Значит, Анна поедет с вами по своей охоте?

— Надеюсь, да, если я правильно объясню ей.

У Берна хватило такта не указать на маловероятность этого.

— Как вы предполагаете путешествовать? Нанять извозчика? Вас поймают еще до въезда в другое графство.

Либ вдруг почувствовала, как на нее наваливается усталость.

— Есть шанс, что я окажусь в тюрьме, Анна умрет, и все это будет уже не важно.

— И все же вы хотите попытаться.

В ответ Либ лишь пожала плечами. *Лучше утонуть в волнах, чем пассивно стоять на берегу*. Нелепо цитировать мисс Н., которая пришла бы в ужас, узнав, что одну из ее медсестер арестовали за похищение ребенка. Но подчас обучение содержит в себе больше, чем предполагает учитель.

Ее поразили сказанные Берном слова:

— Тогда это должно быть сегодня ночью.

Когда Либ пришла на дежурство в субботу в час дня, дверь спальни была закрыта. Сестра Майкл, Китти и О'Доннеллы стояли на коленях в кухне,

Малахия держал в руке фуражку.

Либ собралась повернуть дверную ручку.

— Не надо! — отрывисто произнесла Розалин. — Мистер Таддеус сейчас налагает на Анну таинство покаяния.

«Покаяние» — это другое слово для исповеди, так ведь?

— Это часть соборования, — шепотом пояснила сестра Майкл.

Неужели Анна умирает? Либ покачнулась, с трудом удержавшись на ногах.

— Это не только для того, чтобы помочь пациенту пережить bona mors, — заверила ее монахиня.

— Что?

— То есть хорошую, легкую смерть. Также для человека в опасности. Известно даже, что этот обряд восстанавливает здоровье, если Богу будет угодно.

Опять сказки.

В спальне зазвенел колокольчик, и мистер Таддеус открыл дверь.

— Вы все можете войти для миропомазания.

Группа людей встала с колен и, шаркая ногами, пошла вслед за Либ.

Анна лежала, не прикрытая одеялами. На комод была накинута белая салфетка, на которой стоя-

ли: толстая белая свеча, распятие, позолоченные блюда, какой-то засушенный лист, маленькие белые шарики, кусочек хлеба, сосуды с водой и елеем и белый порошок.

Мистер Таддеус окунул в елей большой палец правой руки и начал читать молитву на латыни. Он прикасался пальцем к векам, ушам, губам, носу, рукам и, наконец, подошвам ее опухших ног.

— Что он делает? — шепотом спросила Либ у сестры Майкл.

— Стирает пятна позора. Грехи, которые она совершила каждой частью тела, — сказала монахиня на ухо Либ, не сводя преданных глаз с пастора.

На Либ накатил гнев. А как насчет грехов, совершенных против Анны?

Потом священник взял блюдо белых ватных шариков и промокнул ими каждое место, помазанное елеем. Поставил на место блюдо и вытер палец хлебом.

— Пусть это святое соборование принесет утешение и покой, — обратился он к родным Анны. — Помните, Господь утрет с их глаз все слезы.

— Благослови вас Бог, мистер Таддеус, — произнесла Розалин О'Доннелл.

— Случится это скоро или через много лет, — его музыкальный голос словно убаюкивал, — мы все встретимся вновь, чтобы больше никогда не разлучаться, в том мире, где не бывает печали и разлуки.

— Аминь!

Он вымыл руки в блюде с водой и вытер салфеткой.

Подойдя к дочери, Малахия О'Доннелл хотел было поцеловать ее в лоб. Но потом остановился, видимо решив, что теперь к ней нельзя прикасаться, как к святой.

— Тебе что-нибудь нужно, детка?

— Только одеяла, папочка, — мелко стуча зубами, ответила Анна.

Он укрыл ее одеялами до подбородка.

Мистер Таддеус сложил все принадлежности в саквояж, и Розалин проводила его до двери.

— Подождите, пожалуйста, — пройдя через комнату, окликнула его Либ. — Мне надо с вами поговорить.

Розалин О'Доннелл с такой силой схватила Либ за рукав, что лопнул шов.

— Мы не отвлекаем пастора досужими разговорами, когда он причащает.

Либ вырвала свой рукав и бросилась вслед за

ним.

— Мистер Таддеус! — позвала она со двора.

— В чем дело? — Тот остановился, пнув ногой подвернувшуюся курицу.

Либ надо было выяснить, рассказала ли сейчас ему Анна о своем намерении искупить вину Пэта собственной смертью.

— Анна говорила вам о своем брате?

Его гладкое лицо напряглось.

— Миссис Райт, только ваше невежество в вопросах нашей веры оправдывает эту попытку склонить меня к нарушению тайны исповеди.

— Так, значит, вы знаете.

— Подобные бедствия не должны выноситься за пределы семьи, — продолжал он. — Анне никак нельзя было говорить с вами на эту тему.

— Но если вы убедили бы ее, объяснили, что Бог никогда…

— Несколько месяцев кряду, — перебил ее священник, — я объяснял бедной девочке, что ее грехи прощены, и, кроме того, мы не должны плохо говорить об умерших.

Либ удивленно воззрилась на него. Умершие. Он не говорил о намерении Анны пожертвовать собой ради искупления вины брата. *Ее грехи*. Мистер Таддеус имел в виду то, что сделал с ней

Пэт. *Я несколько месяцев кряду объяснял бедной девочке*. Это означало, что после работы миссии, весной, Анна открыла сердце своему приходскому священнику, рассказала ему о смущении по поводу «тайного брака», о своей подавленности. И в отличие от Розалин О'Доннелл у него хватило проницательности поверить девочке. Но в качестве утешения он сказал ей только, что ее грехи прощены и она никогда больше не должна об этом вспоминать!

Когда Либ пришла в себя, пастор был уже на полпути к переулку. Она смотрела, как он исчезает за изгородью. Сколько еще таких «бедствий», которые мистер Таддеус обошел молчанием, произошло здесь — и в скольких семьях? Похоже, он не знает других способов облегчить страдания ребенка.

В задымленной хижине Китти бросала в камин содержимое маленьких сосудов: соль, хлеб, даже воду, сердито шипевшую.

— Что ты делаешь? — спросила Либ.

— На них еще остались следы елея, — сказала прислуга, — так что их надо закопать или сжечь.

Только в этой стране кому-то придет в голову жечь воду.

Розалин О'Доннелл ставила в стенной шкафчик

жестяные банки с чаем и сахаром.

— А доктор Макбрэрти? — спросила Либ. — Вы собирались пригласить его перед приходом пастора?

— Разве его не было утром? — не оборачиваясь, произнесла Розалин.

Китти теперь занималась тем, что отскабливала пригоревшую кашу от кастрюли.

— И что он сказал про Анну? — нажимала Либ.

— Что теперь она в руках Божьих.

Китти как будто пискнула. Сдерживала рыдание?

— Как и все мы, — пробубнила Розалин.

Либ пронизал приступ ярости — ярость на доктора, мать, горничную и членов комитета.

Но у нее есть миссия, и она не вправе позволить, чтобы что-то отвлекало ее.

— Эта особая месса сегодня, в полдевятого, — обратилась она к Китти нарочито спокойным голосом, — как долго длится эта церемония?

— Не могу сказать.

— Дольше обычной мессы?

— О, намного дольше, — ответила Китти. — Два часа или, может быть, три.

Либ кивнула — показать, что поражена.

— Я подумывала остаться сегодня позже, чтобы

сестра смогла пойти на мессу вместе с вами.

— Не стоит, — сказала монахиня, появляясь на пороге спальни.

— Но, сестра… — запаниковала Либ. Но потом повернулась к Малахии О'Доннеллу, сидевшему у очага с газетой. — Разве не следует сестре Майкл тоже пойти, раз дитя так ее любит?

— Да, конечно.

Монахиня в замешательстве нахмурилась.

— Да, вы должны быть там с нами, сестра, — сказала Розалин О'Доннелл, — чтобы поддержать нас.

— С радостью, — откликнулась монахиня, однако вид у нее был по-прежнему озадаченный.

Пока они не передумали, Либ поспешила в спальню.

— Добрый день, Анна. — Голос ее прозвучал неестественно радостно от облегчения, что удается остаться позже обычного.

Лицо у ребенка исхудавшее, желтоватое.

— Добрый день, миссис Либ.

Лежит неподвижно, словно распухшие лодыжки приковывают ее к кровати. Время от времени по телу пробегает дрожь. Шумное дыхание.

— Немного воды?

Анна покачала головой.

Либ попросила Китти принести еще одно одеяло. Прислуга с суровым лицом вручила его.

Держись, хотелось прошептать Либ Анне на ухо, подожди совсем немного, до вечера. Но она не могла рисковать и произнести хоть слово, пока нет.

День тянулся медленно, как никогда. И все же дом был словно в лихорадке. О'Доннеллы и их горничная толкались на кухне, вполголоса переговариваясь скорбными голосами и то и дело заглядывая к Анне. Либ занималась своим делом: подкладывала Анне под голову подушки, смачивала губы платком. Она сама от волнения дышала часто.

В четыре Китти принесла миску овощного рагу. Либ заставила себя поесть.

— Хочешь чего-нибудь, крошка? — неуместно бодрым тоном спросила горничная у ребенка. — Твою штучку? — Она протянула Анне тауматроп.

— Покажи-ка, Китти.

Горничная потянула за шнурки, отчего птичка появилась в клетке, а потом улетела.

— Можешь оставить себе, — тяжело вздохнула Анна.

Лицо молодой женщины вытянулось. Но она не стала спрашивать кузину, что та имела в виду.

Просто положила игрушку.

— Хочешь, поставлю тебе на колени ящик с сокровищами?

Анна покачала головой.

Либ помогла девочке лечь на подушках повыше.

— Воды?

Снова покачивание головы.

— Там этот фотограф, — сказала стоящая у окна Китти.

Либ вскочила на ноги и выглянула в окно через плечо горничной. Надпись на фургоне: «РЕЙЛИ И СЫНОВЬЯ, ФОТОГРАФЫ». Она не услышала, как подъехал фургон. И вот она представила себе, как искусно Рейли разместит фигуры для сцены у смертного ложа — сбоку падает мягкий свет, родные стоят на коленях подле Анны, медсестра в униформе со склоненной головой на заднем плане.

— Скажи ему, чтобы убирался.

Китти опешила, но спорить не стала и вышла из комнаты.

— Мои священные карточки, и книги, и вещи… — глядя в сторону ящичка, пробормотала Анна.

— Хочешь посмотреть? — спросила Либ.

Анна покачала головой:

— Они для мамочки. После.

Либ кивнула. В этом был своего рода верх справедливости — когда бумажные святые замещают ребенка из плоти. Разве Розалин О'Доннелл все это время не подталкивала Анну к могиле — пожалуй, с самой смерти Пэта в ноябре прошлого года?

Может быть, потеряв Анну, эта женщина без труда сумеет полюбить ее. В отличие от живой дочери мертвая безгрешна. Вот что выбрала для себя Розалин О'Доннелл, говорила себе Либ: быть несчастной, гордой матерью двух ангелов.

Пять минут спустя фургон Рейли медленно отъехал. Либ, наблюдая за этим из окна, подумала: «Он еще вернется». Она предположила, что посмертную композицию будет сделать даже проще.

Через час в спальню вошел Малахия О'Доннелл и тяжело опустился на колени у кровати, на которой спала его дочь. Сложив руки — белые пятна костяшек на фоне красной кожи, — он забормотал «Отче наш».

Глядя на его склоненную седеющую голову, Либ заколебалась. В этом человеке, в отличие от его жены, совершено не было злобы, и он по-своему,

пассивно, любил Анну. Если бы только он сумел преодолеть это оцепенение, сумел побороться за свое чадо… Может быть, он даст Либ последний шанс?

Она заставила себя обойти вокруг кровати и наклониться к его уху.

— Когда ваша дочь проснется, — сказала она, — упросите ее поесть, ради вас самих.

Малахия не стал возражать, он лишь покачал головой:

— Она наверняка подавится.

— Подавится от глотка молока? Но оно той же консистенции, что и вода.

— Не могу.

— Почему не можете? — допрашивала Либ.

— Вы не поймете, мэм.

— Так объясните мне!

Малахия испустил долгий прерывистый вздох:

— Я обещал ей.

— Обещали, что не будете уговаривать ее поесть? — опешила Либ. — Когда это было?

— Несколько месяцев прошло.

Умная девочка Анна связала руки любящему отцу.

— Но это было, когда вы считали, что она может жить без пищи, верно?

Унылый кивок.

— В то время у нее было хорошее здоровье. Посмотрите на нее сейчас, — сказала Либ.

— Знаю, — пробормотал Малахия О'Доннелл, — знаю. И все же я обещал, что никогда не стану просить ее об этом.

Какой еще глупец взял бы на себя подобное обязательство? Однако мало толку оскорблять человека, напомнила себе Либ. Лучше сосредоточиться на настоящем.

— Сейчас ваше обещание убивает ее. Наверняка его можно отменить?

Он скривился:

— Это была тайная и торжественная клятва на Библии, миссис Райт. Говорю это только для того, чтобы вы не винили меня.

— Но я все равно виню, — покачала головой Либ. — Виню всех вас.

Голова Малахии поникла, словно шее была не под силу ее тяжесть. Потрясенный бык.

Отважен на свой глупый лад — согласен рисковать многим, но только не нарушить слово, данное дочери. Предпочтет увидеть умирающую Анну, но не подвести ее.

— У меня все же остается надежда. — По его небритой щеке покатилась слеза.

Какая надежда? Что Анна вдруг попросит есть?

— Была и другая девчушка, лет одиннадцати, без признаков жизни лежавшая в постели.

Соседка? — недоумевала Либ. Или это история из газеты?

— И знаете, что сказал ее отцу Господь наш? — спросил Малахия с подобием улыбки на лице. — Не убоись. Не убоись, только верь, и она спасется.

Либ с негодованием отвернулась.

— Иисус сказал, она просто спит, и взял ее за руку, — продолжал Малахия, — и разве она не встала и не пошла ужинать?

Этот человек пребывал в таком глубоком сне, что Либ было не разбудить его. Оставаясь в неведении, он отказывался понимать, спрашивать, задумываться об обещании, данном Анне, отказывался делать что-либо. Разве быть родителем не означает совершать поступки, правильные или нет, а не ждать чуда? Оба они с женой — плохие родители, решила Либ, и поэтому Малахия заслуживает того, чтобы потерять дочь.

Бледное солнце низко маячило в небе. Неужели оно никогда не зайдет?

Восемь часов. Анна вся дрожала.

— Как долго… — бормотала она. — «Да свершит-

ся это. Да свершится это».

Либ попросила Китти нагреть у камина куски фланели и обложила ими Анну, подоткнув с обеих сторон. И тут она почувствовала резкий запах. «Тебя, — подумала она, — каждую поврежденную, отощавшую или опухшую часть твоего тела, каждый дюйм тела живой смертной девочки, оберегаю тебя».

— Ничего, если мы пойдем на мессу, детка? — войдя в комнату и склонившись над дочерью, спросила Розалин О'Доннелл.

Ана кивнула.

— Ты уверена? — спросил отец.

— Идите, — выдохнула девочка.

Уходите, уходите, мысленно повторяла Либ.

Но потом, после того как пара ушла, она устремилась за ними.

— Попрощайтесь с ней, — хрипло произнесла она.

О'Доннеллы вытаращили на нее глаза.

— Это может случиться в любой момент, — прошептала Либ.

— Но…

— Знаки бывают не всегда.

На лице Розалин застыла мучительная гримаса. Она вернулась к постели:

— Может быть, нам не стоит идти, детка.

Теперь Либ кляла себя. Единственный шанс, единственно возможный момент осуществить дерзкий план она упустила! Неужели у нее сдают нервы?

Нет, дело в чувстве вины за то, что она собирается совершить. Либ знала только, что должна позволить О'Доннеллам попрощаться с ребенком.

— Идите, мамочка. — Анна с трудом приподняла голову. — Идите на мессу ради меня.

— Пойти?

— Поцелуй меня. — Она обхватила опухшими руками голову матери.

— До свидания, милая. — Розалин наклонилась и запечатлела на лбу Анны поцелуй.

Либ, сидя поодаль, переворачивала страницы журнала «Круглый год», чтобы никто из них не догадался, с каким нетерпением она ожидает их ухода.

Малахия наклонился над женой и дочерью.

— Помолись за меня, папочка.

— Обязательно, — сипло произнес он. — Увидимся позже.

Анна кивнула, и ее голова упала на подушку.

Либ подождала, пока они не выйдут на кухню.

Их голоса, голос Китти. Потом стук входной двери. Благодатная тишина.

Теперь можно начинать.

Либ поспешила в пустую кухню и нашла банку с молоком. Понюхала, проверяя, свежее ли оно, а потом отыскала чистую бутылку. Наполнив ее молоком, она заткнула бутылку пробкой и взяла костяную ложку. Нашлась также и овсяная лепешка. Либ отломила от нее кусок и завернула все в салфетку.

Вернувшись в спальню, Либ пододвинула стул поближе к Анне. Это ее спесь заставляет думать, будто ей удастся то, что не удавалось никому? Жаль, что так мало времени, поэтому потребуется больше усилий для убеждения. *О Господи, если здесь вдруг появится Бог, научи меня говорить на языке ангелов*.

— Анна, — произнесла Либ, — послушай. У меня есть для тебя послание.

— От кого?

Либ указала наверх. Глаза ее тоже были направлены вверх, словно рассмотрели на потолке видения.

— Но вы же не верите, — сказала Анна.

— Ты меня изменила, — достаточно искренне произнесла Либ. — Разве ты не сказала мне одна-

жды, что Он любого может обратить?

— Это правда.

— Вот это послание: а что, если вместо тебя появится другая девочка? — (Анна широко раскрыла глаза.) — Если бы ты проснулась завтра и обнаружила, что ты — другой человек, девочка, не совершившая ничего плохого, тебе бы это понравилось? — (Анна кивнула, как малое дитя.) — Ну вот, это святое молоко. — Либ торжественно подняла бутылку, как сделал бы это священник перед алтарем. — Особый дар от Бога.

Девочка смотрела не моргая.

Что заставляло Либ верить, будто все это правда? Разве божественный солнечный свет не напитал божественную траву, разве божественная корова не сжевала божественную траву, разве она не напоила божественным молоком своего божественного теленка? Разве все это не дар? Либ помнила то ощущение, когда из ее грудей сочилось молоко, стоило ей услышать попискивание дочери.

— Если ты это выпьешь, — продолжала она, — то перестанешь быть Анной О'Доннелл. Сегодня ночью Анна умрет, и Бог примет ее жертву и встретит ее с Пэтом на небесах. — (Девочка не пошевелилась. Ее лицо ничего не выражало.) — Ты

станешь другой девочкой. Новой. В тот самый момент, как выпьешь ложку этого святого молока. У него такая сила, что твоя жизнь начнется заново, — сказала Либ. Она говорила быстро, запинаясь. — Ты станешь девочкой по имени Нэн, которой только восемь лет и которая живет далеко-далеко отсюда.

У Анны был мрачный взгляд.

Вот сейчас все рухнет. Конечно, девочка достаточно умна, чтобы раскусить эту выдумку, если захочет. Либ может сыграть только на том, что Анна отчаянно ищет выхода, жаждет изменить историю своей жизни и готова испробовать любую невероятную вещь наподобие лоскутка, привязанного к волшебному дереву.

Одно за другим шли мгновения. Либ затаила дыхание.

Наконец мутные глаза загорелись огнем.

— Да!

— Ты готова?

— Анна умрет? — Шепотом: — Обещаете?

Либ кивнула.

— Анна О'Доннелл умрет сегодня ночью.

Ей пришло на ум, что девочка, на свой лад весьма разумная, подумала, будто Либ даст ей яда.

— Пэт и Анна, вместе на небесах?

— Да, — ответила Либ.

Кем он был, в конце концов? Невежественным, одиноким парнишкой. *Изгнанные чада Евы.*

— Нэн, — с мрачным удовольствием повторила Анна. — Восемь лет. Далеко-далеко отсюда.

— Да. — Либ прекрасно сознавала, что использует в своих интересах предсмертное состояние ребенка. В тот момент она была девочке не другом, а скорее строгим наставником. — Доверься мне.

Когда Либ достала бутылку с молоком и наполнила ложку, Анна немного отстранилась.

Теперь никакого подбадривания, только строгость.

— Это единственный путь. — Что там Берн сказал про эмиграцию? «Цена новой жизни». — Дай покормлю тебя. Открой рот.

Либ была искусительницей, ведьмой. Какой ущерб нанесет Анне этот глоток молока, снова приковывая ее дух к телу. Нужда, желания и муки, риск и сожаления, вся нечестивая сутолока жизни.

— Подождите. — Девочка подняла руку.

Либ вздрогнула от ужаса. *Ныне и в час смерти нашей.*

— Молитва, — сказала Анна. — Сначала я долж-

на прочесть молитву.

Молитва перед едой. Либ вспомнила, как об этом молился пастор. *Даруй ей молитву перед едой.*

Анна опустила голову:

— Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благости Твоей вкушать будем. Аминь.

Потом Либ поднесла к ее рту ложку с молоком, и потрескавшиеся губы Анны раскрылись. Вот так просто.

Вливая молоко в рот девочки, Либ не сказала ни слова. Смотрела на волнообразное движение гортани. Она была готова к кашлю, отрыжке, спазмам.

Анна проглотила молоко. Только и всего, пост был нарушен.

— Теперь маленький кусочек лепешки.

Зажав кусочек между большим и указательным пальцем, она положила его на багрянистый язык и подождала, пока он не исчезнет.

— Умерла, — прошептала Анна.

— Да, Анна умерла.

Повинуясь порыву, Либ опустила ладонь на лицо девочки, закрывая ее опухшие веки.

Потом, выждав какое-то время, произнесла:

— Пробуждайся, Нэн. Пора начинать новую

жизнь.

Влажные глаза девочки открылись.

Моя вина, моя вина. Именно Либ возьмет на себя всю вину за возвращение этой лучезарной девочки в страну изгнания. И пусть ее душа вернется в тело, пусть дитя привяжется к грешной земле.

Либ дала бы ей больше еды прямо сейчас, чтобы поддержать это высохшее тело, голодавшее четыре с лишним месяца. Но она знала об опасности переедания после голодовки. Поэтому положила в карман фартука бутылку с ложкой и лепешку, завернутую в салфетку. Мало-помалу — обратный путь из шахты столь же долог, как путь туда. Либ нежно погладила девочку по лбу:

— Ну а теперь нам пора.

Анна вздрогнула. Подумала о родных, которых оставляет? Потом кивнула.

Либ закутала девочку в теплый плащ, надела ей на распухшие ноги две пары носков, ботинки брата, рукавицы на руки и обмотала тремя шалями. Получился большой куль.

Она открыла дверь на кухню, потом две половинки входной двери. На западе огненно-красное солнце. Вечер был теплым, во дворе кудахтала одинокая курица.

Либ вернулась в спальню и взяла девочку на ру-

ки. Совсем не тяжелая. Вспомнила о собственном ребенке, легком как перышко. Но пока донесла девочку до задней стороны дома, она почувствовала, как дрожат у нее ноги.

А там, силуэтом маяча в полумраке, уже поджидал Уильям Берн, держа под уздцы свою кобылу. Либ, хотя и высматривала его, все равно подпрыгнула от испуга. Неужели она не верила до конца, что он придет, как обещал?

— Добрый вечер, маленькая… — начал Берн.

— Нэн, — боясь, что он все испортит, произнеся старое имя, прервала его Либ. — Это Нэн.

Пути назад больше нет.

— Добрый вечер, Нэн, — быстро все сообразив, сказал Берн. — Сейчас мы поедем верхом на Полли. Думаю, ты знаешь Полли и не испугаешься.

Широко раскрыв глаза, девочка ничего не сказала, только засопела и прижалась к плечам Либ.

— Все в порядке, Нэн, — сказала Либ. — Мистеру Берну можно доверять. — Она встретилась с ним взглядом. — Он отвезет тебя в надежное место, где вы будете меня ждать. Я скоро приеду.

Правда ли это? Либ намеревалась сделать так, более того — желала этого всеми силами души.

Берн вскочил в седло и наклонился за девоч-

кой.

Либ вдохнула запах лошади.

— Люди видели, как вы уезжали днем? — спросила она, задержав его еще на мгновение.

Он кивнул, похлопывая по дорожной сумке:

— Когда я седлал лошадь, то пожаловался Райану, что меня срочно вызывают в Дублин.

Наконец Либ подала ему свой груз. В последний момент девочка крепко прижалась к ней. Берн устроил ее в седло перед собой.

— Все хорошо, Нэн.

Взявшись за поводья одной рукой, он как-то странно посмотрел на Либ, словно видел ее впервые. Нет, подумала она, словно видел ее в последний раз и старался запомнить все черты. Если их замысел не удастся, они могут никогда больше не встретиться.

Либ запихнула еду в его сумку.

— Она поела? — одними губами произнес он.

Либ кивнула.

Его улыбка осветила темнеющее небо.

— Еще ложку через час, — прошептала она. Потом встала на цыпочки и поцеловала его в ту часть тела, до которой смогла дотянуться — в теплую тыльную сторону ладони. Похлопала ребенка через плащ. — Очень скоро, Нэн.

Когда Берн зацокал языком и Полли пошла через поле — в сторону от деревни, — Либ обернулась через плечо и на миг увидела сценку, как на картине. Лошадь с всадниками, деревья, гаснущие полосы на западе. Даже болото с озерцами воды. Здесь, в самом сердце Ирландии, тоже была своя красота.

Убедившись, что записная книжка лежит в кармане передника, Либ поспешила обратно к хижине.

Для начала она свалила оба стула в спальне. Потом швырнула к стульям свою сумку с принадлежностями. Взяла «Записки по сестринскому делу» и заставила себя бросить книгу в кучу. Книга упала, раскрывшись, как птичьи крылья. История должна получиться убедительной, поэтому нельзя, чтобы что-то уцелело. Это действо было противоположностью сестринскому делу — создание быстрого впечатляющего хаоса.

Потом Либ пошла на кухню и достала из ниши у камина бутылку виски. Плеснула содержимое на подушки и бросила бутылку. Взяла жестянку с горючей жидкостью и расплескала ее по кровати, полу, стене, комоду с выдвинутым маленьким ящиком, в котором лежали сокровища. Крышку на жестянку навинтила совсем неплотно.

Теперь руки Либ щипало от горючей жидкости. Как она объяснит это потом? Она вытерла их о передник. Потом не имеет значения. Все ли готово?

Не бойся. Только верь, и она спасется.

Либ вытащила из ящика с сокровищами карточку с фигурными краями — какой-то святой, которого она не знала, — и подожгла ее над лампой. Карточка вспыхнула, фигура святого оказалась в ореоле пламени.

Очищение огнем, только огнем.

Либ дотронулась карточкой до матраса, и он моментально вспыхнул, старая солома затрещала. Горящая кровать, как некое чудо, изображенное яркой пастелью. Жар, обдающий лицо, напомнил ей о кострах в ночь Гая Фокса.

Но загорится ли вся комната? Это их единственный слабый шанс преуспеть с обманом. Достаточно ли высохла солома на крыше после трех дней солнечной погоды? Либ уставилась на низкий потолок. Старые балки казались слишком крепкими, толстые стены слишком прочными. Делать нечего — лампа раскачивалась у нее в руке, и Либ швырнула ее к балкам.

Водопад стекла и огня.

Либ бежала через двор фермы в горящем переднике и била по нему ладонями. Все же огненный

дракон настиг ее. Вопль, казалось, исходил изо рта другого человека. Свернув с тропинки, она бросилась во влажные объятия болота.

Всю ночь шел дождь. Из полицейского участка в Атлоне прислали двух человек, несмотря на то что было воскресенье. Теперь они осматривали дымящиеся развалины хижины О'Доннеллов.

Либ ждала в проходе за пабом. Обожженные руки в бинтах, сильно пахнут мазью. Все замыкается на дожде, в изнеможении думала она. На том, когда ночью начался дождь. Загасил бы он огонь, перед тем как рухнут балки? Превратилась ли узкая спальня в пепелище, где не найти никаких следов, или рассказала ли она — простую как день — историю пропавшего ребенка?

Боль. Но не это больше всего досаждало Либ. Страх — за себя, конечно, но также и за девочку. Мысленно она уже называла ее Нэн, стараясь привыкнуть к новому имени. Существует стадия истощения, после которой оправиться невозможно. Тело забывает, как обходиться с пищей, органы атрофируются. Или, может быть, маленькие легкие ребенка слишком долго напрягались, или ее измученное сердце. *Пожалуйста, пусть она проснется сегодня утром.* Уильям Берн побудет с ней в безымянном жилище на задворках

Атлона. Таков был план ее и Берна. *Прошу тебя, Нэн, сделай еще глоток, съешь еще кусочек.*

Либ пришло в голову, что две недели окончились. Воскресенье всегда бывало днем, когда медсестры отчитывались перед комитетом. Две недели назад, только что приехав, Либ воображала, что поразит местных своей прозорливостью в раскрытии обмана. Не такая, как сейчас, — испачканная пеплом, покалеченная, дрожащая.

У нее не было иллюзий по поводу выводов, к которым, скорее всего, придут члены комитета. Из чужака всегда готовы сделать козла отпущения. Но какое обвинение ей предъявят? Халатность? Поджог? Убийство? Или — если полиция обнаружит, что в дымящихся развалинах хижины нет следов тела, — похищение ребенка и мошенничество.

«Я найду вас в Атлоне завтра или через день», — сказала она при расставании Берну. Неужели его одурачил ее уверенный тон? Она так не считала. Как и Либ, он храбрился, но понимал, что, весьма вероятно, она окажется за решеткой. Они с девочкой сядут на борт корабля как отец с ребенком, и Либ никому не скажет о том, куда они отправятся.

Либ заглянула в свою книжку с почерневшей

обложкой. Насколько правдоподобны последние детали?

Суббота, 20 августа, 20:32.

Пульс: 139.

Дыхание: вдохов и выдохов 35, влажные хрипы.

Мочи не было весь день.

Не пила воду.

Истощение.

20:47: бред.

20:59: дыхание затрудненное, сердцебиение неровное.

21:07 минут: умерла.

— Миссис Райт…

Либ неловко захлопнула записную книжку.

Рядом с ней стояла монахиня, под глазами тени.

— Как ваши ожоги сегодня?

— Это не имеет значения, — ответила Либ.

Именно сестра Майкл, возвращавшаяся после мессы, обнаружила Либ прошлым вечером, вытащила ее из болота, привела в деревню и перевязала ей руки. Либ была в таком состоянии, что никакое притворство не помогло бы.

— Сестра, не знаю, как благодарить вас.

Качание головой, опущенный взгляд.

На совести Либ было то, что она не может от-

платить добром на заботу монахини. Весь остаток жизни сестра Майкл проведет в убеждении, что обе они причастны к смерти Анны О'Доннелл или по меньшей мере не смогли предотвратить ее.

Что ж, ничего с этим не поделать. Важно лишь то, что произойдет с девочкой.

Либ впервые почувствовала, что значит быть матерью. Ей пришло на ум, что если она каким-то чудом выдержит сегодняшние испытания и окажется в той комнате в Атлоне, где ее дожидается Уильям Берн, то станет для девочки матерью или кем-то очень близким.

О, сделай, сделай меня своим дитятей. Так, кажется, пелось в гимне? В будущем, когда Нэн, бывшая Анна, захочет найти виноватого, это будет Либ. Она решила, что это одна из составляющих материнства — когда мать несет ответственность за то, что вытолкнула ребенка из теплого сумрака в пугающую яркость новой жизни.

В это время мимо них проходил мистер Таддеус с мистером О'Флаэрти. С пастора сошел лоск, стал заметен его возраст. Он кивнул медсестрам с мрачной рассеянностью.

— Нет никакой нужды в том, чтобы вас расспрашивал комитет, — обратилась Либ к мо-

нахине. — Вы ничего не знаете. — Это вышло резковато. — То есть вас там не было в тот момент — вы были в часовне.

— Упокой, Господи, эту бедняжку. — Сестра Майкл перекрестилась.

Они отошли в сторону, чтобы освободить место баронету.

— Нельзя заставлять их ждать, — сказала Либ, направляясь в сторону задней комнаты.

Однако монахиня положила ладонь на руку Либ повыше повязки.

— Лучше ничего не делать и не говорить, пока вас не вызовут. Смирение, миссис Райт, и раскаяние.

Либ заморгала.

— Раскаяние?! — громко переспросила она. — Разве не им надо раскаиваться?

— Благословенны кроткие, — зашикала на нее сестра Майкл.

— Но я говорила им, три дня назад…

Монахиня подошла к ней ближе, едва не касаясь губами уха Либ:

— Проявите смирение, миссис Райт, и, быть может, вас отпустят.

Совет был разумный, и Либ закрыла рот.

Мимо прошел Джон Флинн с застывшим суро-

вым лицом.

И какое утешение могла предложить Либ сестре Майкл в ответ на это?

— Анна… как вы сказали на днях? — спросила Либ. — Она умерла хорошей смертью.

— Она ушла охотно? Не противилась?

В этих больших глазах было что-то тревожное, если только Либ не померещилось. Нечто большее, чем мука: сомнение? Или даже подозрение?

Либ напряглась.

— Вполне охотно, — заверила она монахиню. — Она была готова уйти.

По коридору, тяжело дыша, с осунувшимся лицом торопливо прошел доктор Макбрэрти. Он даже не взглянул на медсестер.

— Мне так жаль, сестра, — срывающимся голосом произнесла Либ, — так жаль.

— Ш-ш-ш! — снова ласково, как на ребенка, зашикала монахиня. — Между нами, миссис Райт, у меня было видение.

— Видение?

— Нечто вроде галлюцинации. Понимаете, я ушла из часовни рано, поскольку волновалась за Анну.

У Либ сильно заколотилось сердце.

— Я шла по переулку, и мне показалось… я

увидела ангела верхом на лошади и с ребенком на руках.

Либ онемела. *Она знает!* В голове зазвучал голос: «Наша судьба в ее руках». Сестра Майкл давала обет послушания. Разве может она не признаться комитету в том, что видела?

— Я действительно это видела, как вы думаете? — спросила монахиня, не сводя с Либ горящего взора.

Либ только кивнула в ответ.

Гнетущая тишина.

— Неисповедимы пути Господни…

— Так и есть, — хрипло проговорила Либ.

— Ребенок попадет в хорошее место — можете мне это обещать?

Еще один кивок.

— Миссис Райт. — Райан дернул большим пальцем. — Пора.

Не попрощавшись, Либ отошла от монахини, не решаясь верить в происходящее. Сжавшись, она ждала, что сейчас прозвучит обвинение, но этого не произошло. Потом не удержалась и посмотрела через плечо. Монахиня стояла со сложенными руками и опущенной головой. *Она отпускает нас.*

В задней комнате перед столом был поставлен

табурет, но Либ не стала садиться, чтобы по совету сестры Майкл выглядеть смиренной.

Макбрэрти прикрыл за собой дверь.

— Сэр Отуэй? — почтительно начал трактирщик.

Баронет слабо взмахнул рукой:

— Поскольку я здесь не как должностное лицо, но только как частное…

— Тогда я начну, пожалуй, — заговорил грубоватым тоном Флинн. — Медсестра Райт…

— Джентльмены… — Либ почти не было слышно. Голос ее поневоле дрожал.

— Что, черт возьми, случилось вчера вечером?

Либ поправила одну из повязок на руке, которая врезалась в запястье, и боль прояснила ей голову. Закрыв глаза и наклонив голову, она разразилась мучительными рыданиями.

— Мэм, если вы будете так несдержанны, то только навредите себе, — с раздражением произнес баронет.

Наврежу с юридической точки зрения или он имеет в виду мое здоровье?

— Расскажите нам, что случилось с девочкой, — попросил Флинн.

— Просто Анна, она не захотела… — запричитала Либ, — в тот вечер она все слабела и слабела.

Мои записи. — Либ повернулась к Макбрэрти и положила перед ним свою записную книжку, открытую на том месте, где были слова и цифры. — Я никак не думала, что она угаснет так быстро. Она вся дрожала, а потом вдруг перестала дышать. — Либ судорожно вздохнула. — Пусть эти шесть мужчин представят себе последнее дыхание ребенка. — Я звала на помощь, но поблизости никого не оказалось. Соседи, вероятно, ушли в церковь. Я попыталась влить ей в горло немного виски. Я была в отчаянии и как безумная бегала по дому.

Знай эти люди хоть немного о медсестрах, обученных Соловьем, не поверили бы ей.

— Наконец я попыталась поднять ее и посадить в кресло, чтобы отвезти в деревню и разыскать вас, доктор Макбрэрти, — торопливо продолжала Либ. — Я подумала, может быть, Анну еще можно оживить. — Либ встретилась со взглядом доктора, и до нее дошло то, что она только что сказала. — То есть девочка была без признаков жизни, но я надеялась вопреки очевидности.

Старик прикрыл рот ладонью, словно его тошнило.

— Но лампа… Наверное, я опрокинула ее своей юбкой. Юбка загорелась, и я стала сбивать

пламя руками. — В качестве доказательства Либ подняла вверх перебинтованные руки. — К тому времени загорелось одно из одеял. Я стащила тело Анны с кровати, а потом заметила, что пламя лижет жестянку…

— Какую жестянку? — спросил О'Флаэрти.

— С горючей жидкостью, — пояснил мистер Таддеус.

— Смертельная штука, — проворчал Флинн. — Не стал бы держать ее в доме.

— Я заправляла лампу, чтобы комната была хорошо освещена и я могла наблюдать за ней каждую минуту. — Теперь Либ рыдала по-настоящему. Странно, но именно эту подробность ей было невыносимо вспоминать — яркий свет, постоянно освещавший спящую девочку. — Я поняла, что жестянка сейчас взорвется, и побежала. Да простит меня Господь, — добавила она. По ее щекам струились слезы. Правда и ложь так переплелись, что Либ уже не могла различить их. — Я выскочила из дома и услышала за спиной взрыв и ужасный гул. Но я даже не оглянулась, спасая свою жизнь.

Либ так ясно представила себе эту сцену, словно действительно пережила ее. Но поверят ли ей эти люди?

Закрыв лицо руками, Либ приготовилась к их отклику. Пусть полиция не будет сразу взламывать почерневшие стропила, или обследовать древесину кровати и комода, или копошиться в обгоревших обломках и пепле. Пусть они будут ленивыми и равнодушными. Пусть придут к заключению, что маленькие обугленные кости безвозвратно погребены в руинах.

Первым заговорил сэр Отуэй:

— Миссис Райт, если бы вы не проявили столь шокирующую беспечность, мы могли бы, по крайней мере, докопаться до сути дела.

Беспечность — единственное обвинение, предъявленное Либ? Под «делом»… подразумевается смерть ребенка?

— Вскрытие, без сомнения, показало бы, содержалась ли в желудке частично переваренная пища, — высказался баронет. — Правильно, доктор?

Значит, главная проблема состоит в том, что нет девочки, которую можно вскрыть для удовлетворения всеобщего любопытства.

Макбрэрти просто кивнул, словно не мог говорить.

— Разумеется, какая-то пища там была бы, — пробормотал Райан. — Разговоры о чуде — это

все чушь.

— Напротив, если бы в желудке Анны ничего не нашли, — взорвался Джон Флинн, — имя О'Доннеллов было бы восстановлено! Добрые христиане потеряли своего последнего ребенка — маленькая мученица! — а эта тупица уничтожила все доказательства их невиновности.

Либ не поднимала головы.

— Но сиделки не несут ответственности за смерть ребенка, — наконец заговорил мистер Таддеус.

— Разумеется, нет, — поддержал его доктор Макбрэрти. — Они были лишь исполнителями воли комитета, работая под моим началом как лечащего врача девочки.

Пастор и доктор, казалось, пытаются отвести вину от Либ и монахини, называя их бестолковыми трудягами. Она придержала язык, потому что теперь это не имело значения.

— Вот этой не следует платить все жалованье, из-за пожара, — сказал школьный учитель.

Либ едва не взвизгнула. Если бы эти люди предложили ей всего один сребреник Иуды, она швырнула бы его им в лицо.

— Я ничего не заслуживаю, джентльмены.

АНГЛО-ИРЛАНДСКАЯ

ТЕЛЕГРАФНАЯ КОМПАНИЯ

Сообщение получено: 23 августа 1859 года

От: Уильяма Берна

Кому: редактору «Айриш таймс»

Последняя статья придет по почте тчк занял должность личного секретаря джентльмена зпт отъезжающего кавказ тчк извините отсутствие уведомления тчк перемены лучшему тчк благодарностью У тчк Б тчк

Далее следовал последний отчет корреспондента о голодающей девочке из Ирландии.

В семь минут десятого в субботу вечером, когда фактически все католическое население деревни столпилось в небольшой белой часовне, чтобы помолиться за нее, Анна О'Доннелл скончалась — как можно было ожидать — от обычного голода. Точную физиологическую причину этой смерти при вскрытии определить невозможно вследствие ужасного конца этой истории, которую корреспондент услышал от особы, присутствовавшей на последнем собрании комитета.

Дежурившая медсестра была, естественно, расстроена внезапной смертью ребенка и предприняла экстраординарные попытки оживить его, но при этом случайно опрокинула лампу. Топорное устройство, одолженное у соседей, ра-

ботало не на китовом жире, а на более дешевом продукте, известном под названием горючая жидкость или скипидарный спирт. Эта смесь — спирт с добавлением скипидара в пропорции четыре к одному плюс немного эфира — необычайно горюча. Сообщается, что в Соединенных Штатах она вызывает больше смертей, чем все катастрофы с пароходами и на железных дорогах, вместе взятые. Лампа падает на пол, пламя охватывает постель и труп ребенка, и, хотя медсестра предпринимает попытки погасить огонь, получив при этом сильные ожоги, все бесполезно. Канистра с горючей смесью взрывается, и медсестра вынуждена бежать с места пожара.

На следующей день Анна О'Доннелл была объявлена умершей в состоянии кратковременной потери сознания, поскольку ее останки невозможно извлечь из-под руин. Согласно данным полиции, никому не предъявлено никаких обвинений.

На этом дело не заканчивается. Следует назвать это преступлением, когда девочке, не страдающей никаким органическим заболеванием, позволили — более того, спровоцировали к этому благодаря распространенным суевериям — умереть голодной смертью во время благополучного

правления королевы Виктории, и никто при этом не наказан и даже не призван к ответу. Ни отец, отбросивший как свою юридическую, так и моральную ответственность. Ни мать, нарушившая закон природы и безучастно наблюдавшая за тем, как ее дочь слабеет. И даже не эксцентричный семидесятилетний врач, под чьим так называемым присмотром Анна О'Доннелл чахла. Ни ее приходской священник, не сумевший использовать полномочия своего сана для того, чтобы отговорить девочку от фатального поста. Также и члены самозваного комитета по надзору, которому сообщили, что девочка умирает, отказались в это поверить.

Слепцы — те, кто не желает видеть. Это относится ко многим местным жителям, которые принося в последние дни к почерневшим руинам хижины цветы и другие подношения, с наивной убежденностью считают произошедшее скорее прославлением местной святой, чем беззаконным убийством ребенка.

Не подлежит сомнению, что надзор, начавшийся две недели назад, вероятно, запустил механизм смерти, приостановив тайные способы кормления и тем самым способствуя умерщвлению девочки, за которой надлежало наблюдать.

Последнее, что сделала комиссия перед роспуском, — это объявление смерти, наступившей от естественных причин, Божьим деянием. Но ни Творца, ни Природу не следует винить за то, что совершили человеческие руки.

Уважаемая главная медсестра,

наверное, вы уже наслышаны о трагическом завершении моей последней работы. Должна признаться, я настолько потрясена, настолько разбита физически, что в обозримом будущем не смогу вернуться в госпиталь. Я приняла приглашение пожить с моими родственниками на севере.

Искренне ваша,

Элизабет Райт.

АННА МАРИЯ О'ДОННЕЛЛ
7 апреля 1848 — 20 августа 1859
Отошла в лучший мир

Эпилог

На шестидесятом градусе южной широты в лучах ласкового солнца конца октября миссис Элиза Райт называла по буквам капеллану свое имя и фамилию. Она поправила перчатки, которые всегда носила на изуродованных шрамами руках.

Капеллан перешел к следующей строке журнала:

— Уилки Бернс. Род занятий?

— До недавнего времени управляющий печатного концерна, — ответила она.

— Прекрасно. Намерен ли он заняться печатью в Новом Южном Уэльсе, например выпускать газету для шахтеров?

Элиза Райт грациозно пожала плечами:

— Я совсем этому не удивлюсь.

— Вдова и вдовец, — записывая, пробормотал капеллан. Его взгляд устремился поверх волн на восток. — «Отрясти прах печали на новых пастбищах», — менторским тоном процитировал он.

Элиза со слабой улыбкой кивнула.

— Британские подданные, Англиканская цер-

ковь…

— Мистер Бернс и его дочь — католики, — поправила Элиза. — Когда сойдем на берег, мы пройдем другую церемонию в той церкви.

Она думала, капеллан может придраться к этому, но он милостиво кивнул. Элиза смотрела через плечо мужчины, как тот записывает название судна, дату, точную широту и долготу. И вспомнила, как месяц назад бросила в волны свою записную книжку.

— А Нэн Бернс, — спросил капеллан, — по-прежнему страдает от болей в желудке и меланхолии?

— Море начинает хорошо на нее действовать, — заверила Элиза.

— У нее теперь есть мать! Какая чудесная история — то, как вы с этой девочкой познакомились в корабельной библиотеке, без лишних церемоний, и все, что за этим последовало…

Элиза, улыбнувшись, скромно молчала.

Вот они идут по палубе — бородатый ирландец с коротко остриженными рыжими волосами, держащий за руку девочку. Нэн сжимает в руках четки из стеклянных бусин и букет бумажных цветов, которые, видимо, сделала сама. Краска на них еще не просохла.

Элиза подумала, что сейчас разрыдается. Никаких слез, приказала она себе, не сегодня.

Капеллан заговорил громче:

— Позвольте мне первым поздравить вас, мисс Нэн.

Робкое дитя прижалось лицом к платью Элизы. Та притянула ее к себе, подумав, что, если понадобится, отдаст Нэн собственную кожу.

— Тебе нравится на этом громадном клипере? — спросил капеллан у девочки. Он указал наверх. — Только вообрази — одиннадцать тысяч ярдов парусов! И тысяча пятьдесят человек на борту. — (Нэн кивнула.) — Наверное, тебе не терпится увидеть твой будущий дом. Что в Австралии привлекает тебя больше всего?

— Можешь сказать ему? — прошептала Элиза в маленькое ухо.

— Новые звезды, — ответила Нэн.

Ответ капеллану понравился.

Уилки сжал теплой рукой свободную руку Элизы, страстно желая, чтобы будущее поскорее наступило.

— Я говорил вашей невесте, мистер Бернс, как очарован вашим корабельным романом. Можете даже выпустить свою книгу!

Жених с улыбкой покачал головой.

— В общем и целом, — сказала Элиза, — мы предпочли бы не описывать свою жизнь.

И Уилки, встретившись взглядом с глазами ребенка, а затем посмотрев на Элизу, спросил:

— Ну что — начнем?

От автора

«Чудо» — придуманная история. Однако мой роман вдохновили почти пятьдесят случаев с так называемыми голодающими девочками, известными выживанием без пищи в течение длительного времени за период с XVI по XX столетие — на Британских островах, в Западной Европе и Северной Америке. Эти девочки и женщины были разного возраста и происхождения. Некоторые из них — протестанты или католики — имели религиозные мотивы, а многие не имели. Попадались и случаи с мужчинами, но гораздо реже. Над иными постящимися наблюдали по несколько недель кряду. Кое-кто снова начинал питаться, добровольно или после заключения в тюрьму, госпитализации или принудительного кормления. Некоторые умирали, другие жили десятилетиями, продолжая утверждать, что не нуждаются в пище.

Благодарю за важные советы моих агентов Кэтлин Андерсон и Кэролайн Дэвидсон, а также моих редакторов Айрис Тафолм из «HarperCollins», Канада, Джуди Клейн из «Little Brown» и Пола

Бэггали из «Picador». Тана Уоллен и Кормак Кинселла любезно помогли мне не делать ошибок в моем ирландском и британском английском, а литературное редактирование Трейси Ро было, как всегда, бесценно. Доктор Лайза Годсон из Национального колледжа искусств и дизайна в Дублине поделилась со мной знаниями из области католических религиозных объектов XIX века. Имя щедрой Мэгги Райан, спонсора благотворительного треста «Kaleidoscope», появляется в романе неслучайно.